



Г. А. ОРЛОВ

СОВРЕМЕННЫЙ
АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК
В АВСТРАЛИИ

Допущено Министерством просвещения
СССР в качестве учебного пособия
для студентов педагогических институтов
по специальности
«Иностранные языки»

891286



МОСКВА «ВЫСШАЯ ШКОЛА» 1978

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	6
Введение	10
<i>Глава I</i> Краткий исторический очерк развития английского языка в Австралии	20
<i>Глава II</i> Фонетические и фонологические особенности английского языка в Австралии	56
Фонетика	56
Фонология	80
<i>Глава III</i> Лексико-семантические особенности английского языка в Австралии	92
<i>Глава IV</i> Грамматические и орфографические особенности английского языка в Австралии	151
Заключение	158
Глоссарий	161
Библиография	171

В последние десятилетия существенно повысился интерес лингвистов к проблемам так называемых «национальных негомогенных» языков, их природе и функционированию в соответствующих ареалах распространения. Результатом этого интереса явились фундаментальные исследования, посвященные национальным и территориальным вариантам испанского, английского, немецкого и других языков¹, что позволило в значительной степени восполнить данные современной науки о языке, в частности, об английском языке в США (в сопоставлении с английским языком в Великобритании) [19, 20].

Серьезное внимание уделено не только выявлению различительных элементов указанных вариантов, но и определению их роли и места в системе языка, выявлению соотношения между общими и различительными признаками английского языка в Великобритании и Соединенных Штатах Америки.

Учитывая сказанное выше, приходится с сожалением констатировать, что проблемы английского языка в других районах распространения, например, в Австралии, Новой Зеландии и других странах гораздо менее изучены и в советском и зарубежном языкознании.

Авторы существующих исследований AuE², рассматривая отдельные проблемы на разных уровнях языка, иногда молчаливо исходят из различных, порой диаметрально противоположных представлений о характере современного английского языка в Австралии [13, с. 109] невольно усугубляя фрагментарность и противоречивость сведений о природе AuE в целом.

Между тем, понимание сущности указанной проблемы, в частности, решение вопроса о том, является ли AuE вариантом английского литературного языка, подобно АЕ и ВЕ, или относится к «субстандартным феноменам» (Д. Брозович), к территориальным диалектам, подобно уэльскому, шотландскому и др., могло бы оказать существенную помощь в изучении AuE, способствовало бы выяснению соотношения между AuE и ВЕ и другими вариантами. Ценность отдельных работ в зарубежном языкознании³, посвящен-

¹ В советском языкознании эти проблемы исследуются в трудах Г. В. Степанова, А. Д. Швейцера, А. И. Домашнева и др. ученых.

² AuE здесь и далее Australian English — английский язык в Австралии. Соответственно, АЕ — American English — английский язык в США; ВЕ — British English — английский язык в Великобритании; СЕ — Canadian English — английский язык в Канаде; NZE — New Zeland English — английский язык в Новой Зеландии.

³ В советском языкознании материалы об AuE практически отсутствуют, за исключением обзорной книги Т. М. Беляевой и И. А. Потаповой [2], книги Л. Д. Почепцовой [13], отдельных статей Е. А. Ножиной, Н. М. Сидяковой, Г. С. Шура, Н. А. Коловской и др., а также канд. диссертации и публикаций автора данной книги.

ных указанной проблеме, значительно снижается также в результате атомистического подхода некоторых авторов к рассматриваемому материалу. В связи с этим представляется правомерной попытка восстановления общей картины AuE путем систематизированного синхронного рассмотрения различительных элементов AuE на основных уровнях языка в сопоставлении с британским вариантом. Поскольку, однако, новейшие материалы об AuE [40] свидетельствуют о том, что наиболее рельефно дифференциация AuE — BE проявляется на уровне звуковой и лексико-семантической систем, представляет интерес рассмотрение тех фонетических, фонологических и лексико-семантических особенностей AuE, которые в наибольшей степени способствуют выявлению существенных черт AuE в сопоставлении с BE.

Подобное рассмотрение субстанции и структуры AuE поможет установить, какие из различительных элементов AuE уже принадлежат норме литературного языка или, во всяком случае, обнаруживают тенденцию стать ее составной частью в отличие от элементов нелитературных; каков удельный вес подобных нормированных, локально-маркированных элементов в масштабе всей системы AuE, а это, в свою очередь, позволит сделать существенные выводы о природе и характере AuE в целом.

Однако и при таком подходе картина AuE была бы, в известной степени, односторонней. На современном этапе развития языкознания, когда все более утверждаются идеи связи языка и общества [15], «решающего хотя и опосредованного влияния последнего на язык» [10], когда адекватное определение онтологии языка все более обуславливается степенью взаимодействия интралингвистики, философии языка, психолингвистики, социоллингвистики и других наук, было бы целесообразным попытаться рассмотреть AuE как с позиций интралингвистики, так и социоллингвистики.

Вопросы учета социальных факторов при лингвистическом анализе AuE не следует, конечно, толковать расширительно. Не говоря уже о молодости социоллингвистики как науки, приходится учитывать, что социолингвистику интересует не столько социальное, сколько то, как социальное отражается в языковой ситуации и системе языка и определяет использование языка. Поэтому речь может идти лишь о попытках, там где это уместно, (и при наличии соответствующих данных) социолингвистической интерпретации тех или иных явлений и фактов истории и современного состояния живого литературного языка. Например, для истории AuE особенно релевантны, на наш взгляд, периоды «социальных потрясений» (начало колонизации страны, «золотая лихорадка» и т.д.). Для описания современного состояния AuE, видимо, представляют особый интерес проблемы языкового нормирования, кодификации и терминотворчества, а также некоторые проблемы языковой политики «сверху» и языкового движения, как проявления «языковой политики снизу», поскольку указанные социальные (и некоторые другие этногеографические, культурно-исторические и пр.) факторы в значительной степени определяют специфические условия бытования английского языка в Австралии.

При анализе современного состояния AuE следует учитывать действие внутренних тенденций, внутренних стимулов развития языка, основой которых являются так называемые языковые антиномии [15, с. 24-34] (своеобразная борьба противоположностей). Хотя последние действуют во всех языках и в любых социальных усло-

виях, они не асоциальны, не безразличны к социальным условиям. Например, разрешение антиномии нормы и употребления AuE, по мнению некоторых исследователей, происходит под воздействием известной переоценки социальных норм, выражающейся в достаточно широком употреблении сленга и, частично, табуированной лексики [40, с. 12]. В этом отношении представляются весьма актуальными замечания профессора А. Д. Швейцера об аналогичном процессе в США. Точнее сказать, подобная «переоценка ценностей» в Австралии происходит под влиянием контактов АЕ — AuE на фоне усиления социальных контактов обеих стран.

На уровне современной звуковой системы AuE разрешение указанной антиномии осуществляется за счет перераспределения удельного веса литературного и нелитературного (или близкого к литературному) типов произношения и соответствующего повышения социального престижа General Australian English (GAu), занимающего промежуточное положение между стандартным Cultivated Australian (CAu) и просторечным Broad Australian (BrAu).

Другим проявлением указанной антиномии является некоторая неустойчивость литературной нормы AuE и функционирование в ее пределах «фонетических вариантов»¹: слов типа [ə'pɪncɜ] ~ [ə'taɪncɜ]². К сожалению, данная проблема относится к числу неразработанных в австралистике и поэтому не находит отражения в книге.

Сказанное отнюдь не означает, что социальные (внешние) факторы ведут лишь к количественным изменениям. В результате усиления одних процессов и ослабления других в языке может сложиться некоторое новое соотношение определенных элементов системы, которое не возникло бы без воздействия внешних факторов. Это новое соотношение оказывает своеобразное влияние на дальнейшее развитие языка. В свою очередь, внутренние стимулы развития взаимодействуют с внешними, претерпевая и количественные и качественные изменения. Разрешение антиномии кода и текста как одного из наиболее значительных внутренних стимулов развития морфологической и лексико-семантической системы языка в этом отношении весьма характерны.

На первых порах колонизации Австралии в условиях острой потребности номинации новых предметов и явлений, когда трансплантированный английский язык представлял собой «мешанину диалектов», эта антиномия решалась в пользу кода, хотя «более естественно» было бы предложить обратное влияние на дальнейшее развитие языка. В свою очередь, внутренние стимулы развития взаимодействуют с внешними, претерпевая и количественные и качественные изменения. Разрешение антиномии кода и текста как одного из наиболее значительных внутренних стимулов развития морфологической и лексико-семантической системы языка в этом отношении весьма характерны.

По мере экономического и общественного развития страны, повышения уровня образования и культуры народных масс, укрепления позиций литературного языка как полифункционального орудия общения и формирования национальной литературной нормы, эта антиномия все чаще решается в пользу текста (хотя код, в целом особенно в условиях терминологизации лексики, не может не играть важнейшей роли).

¹ В определении данного термина исходим из определений данных А. И. Смирницким, О. С. Ахмановой и О. И. Москальской.

² или [ɪlək'trɪsətɪ] ~ [ɔ!ək'trɪsətɪ] ~ [ʼɛlək'trɪsətɪ]

В связи с этим представляет интерес рассмотрение AuE в диахроническом аспекте с учетом динамики развития указанной антинормии.

В книге рассматриваются языковые материалы различных функциональных жанров современного литературного языка: художественной прозы, драматургии, научно-технической литературы, периодической литературы, официально-деловой и разговорной речи, рекламы и т.д. Широко используются данные словарей — The Oxford English Dictionary (1933), Webster's New World Dictionary of the American Language (1960), Nuttall's Standard Dictionary of the English Language (1956).

Проблемы современного английского языка в Австралии отличаются крайне слабой разработанностью, а, в ряде случаев, и противоречивостью оценок и взглядов. Это обстоятельство, в известной мере, предопределяет содержание и структуру данного пособия: известное место в нем уделено критическому обзору имеющейся по данным проблемам литературы и позитивному изложению обобщенных данных.

Существенный интерес в современном языкознании вызывают попытки системного рассмотрения (системного описания) лингвистических явлений и фактов на разных уровнях языка. В связи с этим в книге акцентируется системный подход к рассмотрению фонетико-фонологических и лексико-семантических особенностей AuE.

Данное учебное пособие рассчитано на студентов старших курсов, а также аспирантов и преподавателей филологических факультетов университетов и институтов иностранных языков. Оно может быть рекомендовано в качестве факультативного курса по общему языкознанию и отдельным аспектам (фонетике, фонологии, лексикологии) английского языка для институтов и факультетов иностранных языков.

ВВЕДЕНИЕ

В языкознании, как известно, отсутствуют точные критерии для разграничения таких понятий, как «диалект», «литературный язык» и «вариант литературного языка», «норма литературного языка», «национальный язык» и «вариант национального языка». Положение в немалой степени усугубляется отсутствием единообразия в терминологии. Так, например, известный лингвист Дж. Брук в своем труде *English Dialects* [30, с. 130] называет ВЕ и АЕ «заморскими диалектами» (*overseas dialects*), в отличие от так называемых «местных диалектов» (*local dialects*) английского языка, хотя смысл его рассуждений в указанном труде не оставляет сомнения в том, что автор имеет в виду понятие «национальные варианты английского языка» (соответственно «местные диалекты»), т.е. стоит на позиции в отношении ВЕ и АЕ, разделяемой в настоящее время большинством англистов. Дж. Тэрнер предлагает назвать варианты языка и его диалекты соответственно *major dialects* и *sub-dialects* [52, с. 32]. Я. Вахек определяет национальные варианты, включая АЕ, как «географические варианты английского языка» [53, с. 3]. Некоторые лингвисты относят территориальные варианты к так называемым «горизонтальным вариантам» [53, с. 34] в отличие от «вертикальных вариантов» языка (сленга, жаргона, и пр.). Не меньшим разнообразием отмечается и круг терминов, используемых лингвистами для обозначения понятия «литературный язык» [4, с. 6-7] и др. Но дело, разумеется, не только и не столько в терминологии, сколько в различной оценке содержания указанных понятий.

Представляется убедительной в своей основе классификация указанных явлений и терминология, предлагаемые А. Д. Швейцером [19, гл. I]: «Под диалектом понимается территориальная разновидность национального языка, ограниченная сферой народно-разговорной речи и противостоящая нормированному литературному языку. Под вариантом литературного языка понимается терри-

ториальная разновидность единого нормированного литературного языка. Вариант национального языка представляет собой совокупность территориально ограниченного варианта литературного языка и распространенных в пределах его ареала территориальных диалектов.»

Разумеется, этими краткими определениями суть явлений не исчерпывается. Некоторые лингвисты полагают, например, что особенности диалекта имеют место в области фонетики, грамматики и лексики [1, с. 131] и что «... степень отличия диалекта от (литературного) языка может быть очень различной» [5, с. 417]. Кроме того, известно, что различительные элементы, характеризующие диалект, распределены на разных уровнях языка неравномерно. Чаще всего они сконцентрированы в области фонетики и отчасти в лексике¹. Реже, и в меньшей степени эти особенности распространяются на грамматику.

Существует мнение ряда ученых о том, что основная проблема современного английского языка в Австралии это не столько проблема диалекта или варианта, сколько проблема акцента [28, с. 667-71], причем под акцентом понимается, строго говоря, диалект, основные отличия которого от языка имеют место в области фонетики, точнее, в фонемном инвентаре (фонологическая структура не задается). Ограничены ли различительные элементы AuE и BE лишь областью произношения или речь идет о более глубоких процессах, затрагивающих фонологическую, лексико-семантическую и др. системы, обстоятельного ответа на эти вопросы до последнего времени современной англистикой не дано.

Принципиальное значение имеет уточнение понятия «литературный язык».

Наиболее существенным в содержании понятия «литературный язык», очевидно, является то, что относится к пониманию «нормы литературного языка». Это отражено в принятой нами формулировке варианта литературного языка. Это следует также из ряда формулировок, даваемых зарубежными лингвистами, наиболее четкой из которых представляется формулировка Д. Брозовича, относящаяся, правда, к проблеме возникновения литературного языка: «При определении стандартного языка существенно то, что он является автономным видом языка, всегда нормированным, возникающим в условиях, когда некая эт-

¹ Например, окающий или акающий диалекты русского языка.

ническая или национальная общность, включаясь в интернациональную культуру, начинает пользоваться своим идиомом, который прежде служил только потребностям данной этнической культуры» [4, с. 24].

В качестве характеристики «нормы» примем формулировку, даваемую Г. В. Степановым: «...языковая норма... есть социально-историческая категория в том смысле, что само ее возникновение, формулирование и признание за таковую есть история превращения потенциальных возможностей языка как системы выразительных средств в факт осознанных, принятых образцов речевого общения в определенном языковом коллективе в тот или иной период истории» [17].

Как очевидно из данной формулировки, существенным в понятии «норма» являются следующие моменты:

а) Норма — социально-лингвистическое и исторически обусловленное явление¹.

б) Норма есть совокупность языковых явлений, которые выступают в виде реализации лишь части тех возможностей, которые заложены в системе языка как орудия коммуникации. По образному выражению Е. Косериу, норма в данном случае призвана играть роль «закрытых дорог» в отличие от системы языка («открытых дорог»), что может быть проиллюстрировано простейшими примерами из русского и английского языков [ср.: *колка* дров (норма), но не *коление*, хотя система русского языка вполне допускает образование: солка — соление, что аналогично английскому *to close* — *closure*, но не *closement* и т.д.]².

в) Норма есть реализация осознанных, принятых образцов речевого общения в определенном языковом коллективе. Иными словами, для нормированного литературного языка типичен отбор языковых фактов, причем, по наблюдениям лингвистов, сознательность этого отбора особенно сильна в определенные исторические эпохи, например, в период формирования национального литературного

¹ В этом отношении характерны примеры из AuE, в частности касающиеся изменения орфоэпической нормы в AuE:

<i>В начале XX века</i>	<i>В настоящее время</i>
Australia [ɔs'treɪljə]	[v'streɪliə]
Melbourne ['melbən]	['melbən]
Brisbane ['brɪzbeɪn]	['brɪzbən] и др.

² См. аналогичные примеры в AuE: *bush* — *bush-covered*, но не *bushed*, хотя *wood* — *wooded* и т.п. (см. гл. III).

языка. В другие периоды может действовать установившаяся традиция, т.е. узус. Но не только узус. Как справедливо отмечает Б. Гавранек, «признание тех, кто пользуется литературным языком, не является единственным руслом, через которое языковые средства входят в норму литературного языка; само употребление не создавало и не создает норму литературных языков» [14, с. 340]. Важной особенностью понятия нормы является также то, что норма — явление не только лингвистическое, но и социальное.

На возникновение литературного языка, его характер, структуру и развитие (в различные эпохи) существенным образом влияет языковая (и не только языковая) теория и языковая политика. Как отмечает Б. Гавранек: «Норма литературного языка создается и развивается не без помощи теоретического вмешательства, а именно при участии языковой и неязыковой теории» [14, там же].

Другими характерными особенностями понятия «нормы» является ее обязательность, стабильность, определенная сложность и т.д.

Тесно связанным с понятием «литературный язык» оказывается понятие «вариант литературного языка». Варианты закономерно возникают во всех национально-негомогенных литературных языках. Как справедливо отмечает Д. Брозович, «было бы нематериалистично и недиалектично считать, что язык, обслуживающий одну нацию, одно общество, одну национальную культуру и цивилизацию, одну науку и литературу, может иметь ту же природу, что и язык, распределяющий те же функции между двумя нациями... Это означает, что национально-негомогенный стандартный язык существует в принципе только как абстракция и практически в письменной и устной форме реализуется в виде вариантов» [4, с. 20].

Варианты практически (и юридически) функционируют так же, как национально-гомогенные языки, поэтому естественно считать, что, например, АЕ и ВЕ соотносятся друг с другом как равноправные национальные варианты единого английского языка (а в чисто структурном плане — как частные языковые системы или подсистемы с преобладающими чертами сходства). Различия между вариантами касаются, в основном, субстанции, а на структуре они отражаются в меньшей степени.

Следовало бы также уточнить понятие «национальный язык». Сказанное выше об отсутствии единообразия в

понимании лингвистами терминов «литературный язык», «норма литературного языка» в полной мере относится и к термину «национальный язык». Как указывает академик В. В. Виноградов, «... в лингвистических статьях, касающихся вопросов образования или развития национального (*resp.* литературного) языка, часто оперируют такими терминами, как общенациональный язык, общенациональный литературный язык, общенародный язык, общенародный литературный язык, общелитературный язык и др., которые еще более затемняют понятия «национальный язык» и «литературный язык» [6, с. 77].

Как уже указывалось выше, нами принимается формулировка, данная А. Д. Швейцером. К этому следовало бы добавить два уточнения. Во-первых, из данного определения вовсе не следует, что национальный язык рассматривается как своего рода «мешок», куда втискиваются наряду с литературным языком различные диалекты¹. «Совокупность» в данном определении означает наличие сложной динамической и целенаправленной системы, «системы систем», в которой при ее глубоком внутреннем единстве происходит взаимодействие и взаимовлияние разных функциональных частей, неравноправных по своей общественной природе и историческому назначению.

Например, в современном английском языке в Австралии следует считать установившимися три типа произношения: Cultivated Australian (CAu), General Australian (GAu) и Broad Australian (BrAu). При этом литературным (стандартным) произношением является Cultivated Australian, на противоположном полюсе находится Broad Australian (просторечный тип), а General Australian является промежуточным и наиболее распространенным типом произношения. Анализ указанных типов произношения рисует сложную картину взаимодействия литературного произношения (CAu) с двумя другими типами произношения (GAu и BrAu), демонстрирует диалектическое единство составляющих при ведущей роли литературного произношения. Во-вторых, не следует понимать определение таким образом, будто в системе национального языка существуют лишь полюсные разновидности (с одной стороны, литературный язык, с другой — феномены низшего порядка — диалекты, жаргоны и пр.). Новейшие исследования языко-

¹ Как свидетельствует акад. В. В. Виноградов, подобное понимание термина «национальный язык» не исключено [6, с. 77].

ведов, в частности, работы Р. А. Будагова, Р. И. Аванесова, В. В. Иванова, лингвистов ПЛК и др. свидетельствуют о значительной роли, которую играют в системе национального языка промежуточные языковые образования — интердиалекты¹, проблемы которых представляют существенный интерес для нас.

Остановимся на этом вопросе подробнее и примем в качестве теоретической основы концепции, изложенные в трудах Б. Гавранека, П. Сгалла и других членов ПЛК.

Анализ работ, посвященных проблеме национального языка, показывает, что наряду с совершенно справедливой оценкой роли литературного языка в возникновении и развитии национального языка и слиянии диалектов в период формирования нации, эта роль иногда преувеличена, при этом остаются в тени такие промежуточные образования, как полудиалекты («интердиалекты»).

Как известно, объединение национальных языков в разных странах принимает различный характер, но этот процесс не является механическим, односторонним отступлением диалектов перед каким-то другим языковым образованием. Видимо, следует говорить об одновременной и взаимной нивелировке диалектов, при которой прежде всего сохраняются элементы, общие для большей части диалектов. (Иллюстрацию этого положения дает, в частности, история первых десятилетий развития АЕ). Взаимоотношения диалектов в данном случае обусловлены, кроме численности их носителей, факторами экономическими и политическими (т.е. диалекты важных центров распространяются за счет других диалектов), влиянием литературного языка и, наконец, чисто лингвистическими, внутренними языковыми факторами (быстрее распространяются элементы, являющиеся упрощением, а не усложнением строя языка). Следствием этих процессов и является возникновение так называемых интердиалектов, к которым старые территориальные диалекты постепенно приближаются и которым они подчиняются.

Если считать влияние литературного языка единственно решающим фактором при слиянии диалектов, то может остаться без объяснения тот известный факт, что именно интердиалект экономического и культурного центра очень мало уступает влиянию литературного языка, хотя, ка-

¹ В этом же (или близком) значении иногда употребляются термины «наддиалектные формации», «культурные диалекты», «койне».

залось бы, литературный язык как «язык цивилизации» именно в таком центре должен был бы влиять наиболее интенсивно. Но если в процессе объединения национального языка видеть прежде всего объединение нормы повседневной разговорной речи, ни в какой мере не может удивить тот факт, что центральный интердиалект занимает при этом довольно прочную позицию, в то время, как окраинные диалекты поддаются его влиянию, а также влиянию литературного языка. Следует также допустить, что при определенных условиях (когда влияние литературного языка по каким-то причинам ослаблено), такой интердиалект может распространиться по всей территории и стать общеразговорным, хотя и нелитературным языком¹. Интердиалект именно в период объединения национального языка подчиняет себе диалекты и распространяется за их счет, что справедливо отмечает П. Сгалл: «... Если мы хотим в этом процессе отличить то, что крепнет и развивается, от того, что отстывает и уходит, мы должны считать такой общеразговорный язык (т.е. интердиалект), если он даже отличается от литературного языка, частью ядра национального языка в отличие от исчезающих территориальных диалектов»².

Для диалекта существенны двоякого рода ограничения (функциональные и территориальные). Для интердиалекта, который стремится охватить значительную территорию, а иногда, как в случае с чешским обиходно-разговорным языком (интердиалектом) *obecná čestina*, и всю страну (распространение географическое), территориальное ограничение практически не существует. Однако существует ограничение функциональное. Достаточно ли оно для того, чтобы разграничить сходные понятия?

Проблема разграничения понятий «литературный язык» (особенно его разговорных форм) и «интердиалект», который иногда называют (создавая известную путаницу в терминологии) «обиходным языком», или «обиходно-разговорным языком», — одна из сложнейших. Трудность заключается в отсутствии обоснованных критериев отнесенности языковых явлений к тому или иному понятию, в данном

¹ О возможности, даже необходимости такого языка при определенных условиях говорит Б. Гавранек [14, с. 338-378]. Это замечание весьма существенно. В развитии АиЕ наблюдались и наблюдаются процессы и явления, сходные описанным выше.

² См. рецензию на книгу акад. Ф. Травничка в статье П. Сгалла, ВЯ № 1, 1960, с. 15.

случае, к феноменам, находящимся на разных иерархических уровнях.

Действительно, с точки зрения территориального распространения различия между литературным языком и интердиалектом не существенны: литературный язык распространен в масштабе всей географической общности, интердиалект также охватывает всю территорию, но все же чаще функционирует в городах («городской полудиалект»). Функциональные ограничения существенны, но не всегда и не во всех случаях достаточно четки. По справедливому замечанию Б. Гавранека, различия между литературным языком и интердиалектом (народным языком) очевидны в различии функций: «функции литературного языка значительно более развиты и более строго разграничены. В народном языке почти все языковые средства являются общеупотребительными, в то время как в литературном языке всегда имеется достаточное количество средств, которые не являются таковыми... Каждому совершенно ясно, — продолжает Б. Гавранек, — что сферы, охватываемые литературным языком, гораздо более разнообразны, чем области употребления языка народного, поскольку не все понятия можно передать средствами народного языка. Средств народного языка не хватает, например, для серьезного, связного изложения вопросов гносеологии или вопросов высшей математики. В тех же областях, где употребляется народный язык, с большим или меньшим успехом можно употребить и литературный язык¹. Высказывание в народном языке можно свести к функции коммуникативной, т.е. оно относится к области каждодневных сообщений. Из специальных выразительных средств народный язык обладает лишь рядом лексических групп, и, наконец, при случае он может выполнять функцию эстетическую. Область специального практического выражения закреплена почти только за литературным языком, за ним полностью закреплена также область науки; основой поэтического языка также, как правило, является литературная форма языка...» [14, с. 346-347]. В качестве экстралингвистических оценок интердиалекта по сравнению с литературным языком обычно приводятся выражения «неправильный» или «более низкий» язык.

¹ Однако с оговоркой, что в области каждодневных сообщений употребление литературного языка производит впечатление педантизма (См. П. Сгалл, ВЯ № 1, 1960, с. 18).

Литературный язык и интердиалект в значительной степени сходны, но не тождественны: интердиалект отличается от литературного языка на фонетическом и грамматическом уровнях в тех же отношениях, что и диалект. Иными словами, по отношению к интердиалектам в данном случае вступают в силу различные «негативные критерии»: отклонения от нормы, окказиональные инновации и т.п. На лексико-семантическом уровне различия менее существенны. Однако следует иметь в виду, что лексический инвентарь литературного языка значительно богаче (поскольку литературный язык — полифункциональное орудие общения), чем инвентарь интердиалекта, который не испытывает потребности в таком множестве лексических единиц в силу ограниченности сферы применения (интердиалект монофункционален). С этим также связано наличие в литературном языке большого богатства различных тонко дифференцированных синтаксических конструкций.

Суммируя, можно было бы дать следующее рабочее определение понятию «интердиалект». Интердиалект (полудиалект¹, городской полудиалект) как часть национального языка есть социальный диалект, функционирующий преимущественно в устной сфере общения, занимающий на уровнях языка промежуточное положение между собственно диалектами и литературным языком (по Сгаллу: «наддиалектная нелитературная форма») и объединяющий значительную территорию, на которой не исключается существование диалектов. Подобное освещение понятия «интердиалект» представляется нам важным именно в связи с описанием AuE на разных уровнях языка.

Таким образом, вариант национального языка представляет собой совокупность территориально ограниченного варианта литературного языка и распространенного в пределах его ареала интердиалекта и территориальных диалектов.

В заключение следовало бы дать рабочее определение термина «австрализм». В данном исследовании принимается

¹ Забегая вперед, следует сказать, что все, что говорилось выше об интердиалекте, существенно лишь постольку, поскольку интердиалект и полудиалект — близкие, хотя, возможно, и не тождественные понятия. Например, в современной Австралии не отмечается сколько-нибудь существенных диалектных явлений, но есть явления полудиалектные. Поэтому в дальнейшем представляется справедливым говорить о явлении полудиалекта в AuE.

за основу определение идентичного явления языка — американизма, данного А. Д. Швейцером и Е. В. Филипповым.

Под австрализмом будем понимать единицу любого уровня языка, принадлежащую системе АиЕ, которая либо отсутствует в системе ВЕ, либо отличается в любой степени от соответствующей единицы в ВЕ по одному или нескольким аспектам:

а) по произношению (только на уровне звуковой системы); б) по предметно-логическому значению; в) по линии стилистической (включая и эмоционально-оценочные моменты); г) по линии лексической сочетаемости.

Вопросы различных стилей речи, в частности, стилей речи в рамках литературного языка, трактуются нами в соответствии с пониманием этих явлений и их классификацией, изложенной в работах И. Р. Гальперина.

КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК РАЗВИТИЯ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В АВСТРАЛИИ

Английский язык впервые проник в Австралию в конце XVIII века, когда в 1788 году на территории нынешнего штата Южный Уэльс были организованы первые колонии ссыльных. История английского языка в Австралии, таким образом, насчитывает менее двух столетий, т.е. меньше, чем в ряде других стран с населением, говорящим на английском языке (история АЕ, например, насчитывает более трех с половиной столетий).

Развитие и становление АиЕ, по мнению многих исследователей, отличалось значительной сложностью и неравномерностью. Наибольшая интенсивность процессов формирования АиЕ падает на XIX век (фактическое начало колонизации страны, «золотая лихорадка», формирование австралийской нации), поэтому следовало бы остановиться подробнее на характеристике именно этого периода (известного в австралистике под названием «ранний период» развития английского языка в Австралии).

Этот период характеризовался рядом процессов, среди которых наиболее существенными для дальнейшей судьбы АиЕ были: процесс взаимодействия и «выравнивания» («генерализации» [35, с. 115, 115-116]) различных диалектов, завезенных их носителями из Великобритании во времена «транспортировки»¹; первая волна заимствований в результате языковых контактов (с аборигенами, а также с иммигрантами неанглийского происхождения, в частности, с немцами, итальянцами, скандинавами и т.д.); начало постепенного накопления («кристаллизации») элементов субстанции и структуры национального варианта литературного языка и некоторые другие.

¹ «Транспортировка преступников» (convict transportation) продолжалась около 80 лет, до 1868 года. Всего за это время в Австралию было насильственно завезено около 168 000 человек, преимущественно мужчин.

К концу указанного периода AuE приобрел специфические национальные черты, благодаря которым он отличался от английского языка метрополии (Англия). Прямые и косвенные подтверждения вышесказанного встречаются у ряда англистов-австраловедов. Так У. Рэмсон в своей книге указывает: «К концу XIX века лексика и произношение AuE приобрели определенные отличия от английского языка, на котором говорили на британских островах...» [49, с. 2].

В отличие от колонистов, основавших первые английские поселения в Северной Америке, речь которых, по мнению ряда ученых, в том числе А. Д. Швейцера, тяготела к единому образцу и была близка нормам, принятым в Англии в XVII веке, большинство английских ссыльных в Австралии (а они составляли подавляющую часть населения Австралии в первые десятилетия колонизации¹) были носителями местных диалектов и социальных жаргонов Великобритании. На этой особенности происхождения AuE следует остановиться подробнее.

Языковая обстановка в Англии в это время, как известно, была довольно сложной, если говорить о региональных диалектах, внутри которых существовала вертикальная градация от форм, близких к Standard English, до явно выраженных локальных форм, испытывающих весьма слабое влияние Standard English. В свою очередь, границы между региональными диалектами были весьма условны: некоторые элементы были присущи данному диалекту, другие проникали на территорию соседних диалектов, значительное количество профессионализмов и слэнговых выражений были общим достоянием носителей диалектов. Внутри каждого диалекта, таким образом, можно было представить себе словарь, состоящий частью из Standard English, частью из диалектно окрашенной лексики, включающей значительную часть профессионализмов, сленга и словаря, используемого в обиходно-разговорной речи, т.е. лексических единиц, служащих для

¹ Достаточно сказать, что в середине 30-х годов XIX века (т.е. через 50 лет после начала колонизации) так называемые «свободные поселенцы» насчитывали около 1/4 населения страны, причем значительная часть их была связана родственными и другими узами с заключенными [52, с. 8-9]. За 15 лет (с 1815-1830) в Австралию и Новую Зеландию (вместе взятые) эмигрировало менее девяти тысяч свободных поселенцев, т.е. почти в 40 раз меньше, чем за это же время в США.

обозначения естественно-географической среды, флоры, условий жизни и ведения хозяйства, развлечений, характеристики людей и их деятельности и т.п.

Помимо общего слэнга существовали разновидности специального слэнга и профессиональных жаргонов в городах. В вышедшем в то время в Англии словаре Ф. Гроуза так называемый «вульгарный язык» (*vulgar tongue*) подразделялся на две категории: а) *cant* (называющийся также *Pedlars' French* или *St. Giles's Greek*, т.е. секретный язык преступников, бродяг и пр.) и б) «выражения гротескного плана, намеки, прозвища лиц и условные наименования предметов и мест», слова общего слэнга.

В то же время литературный язык «избранного общества» (особенно в его письменной форме) отличался своего рода пуризмом, нетерпимостью к малейшим отклонениям от нормы (*Standard English*) — тенденциями, нашедшими наиболее полное выражение в вышедшем в 1786 году (восьмым изданием!) словаре Самюэля Джонсона.

Вряд ли нужно говорить о том, что авторы первых австралийских изданий, увидевших свет в Новом Южном Уэльсе, также причисляли себя к «избранному обществу». Об этом свидетельствует немало презрительных комментариев в указанных публикациях относительно характера «колониального» английского языка [49, с. 47], об этом же говорит факт почти полного отсутствия в подобной литературе лексических единиц, даже отдаленно напоминающих сленг.

Учитывая сказанное, справедливо предположить, что соотношение между литературным языком (ВЕ) и различными территориальными и социальными диалектами не могло остаться неизменным после «трансплантации» т.е. в условиях Пятого континента.

«... Понадобился бы незначительный сдвиг в балансе, — считает У. Рэмсон, — сокращение относительного числа носителей литературного языка (*cultivated British English*) или увеличение относительного числа носителей любого из территориальных или социальных диалектов, чтобы тенденции, разделяемые меньшинством и подавляемые их отношением к остальным говорящим, выросли и расцвели бы, поскольку эти тенденции не испытывали бы контролирующего влияния новых социальных условий общения.

Характер AuE в ранний период, видимо, следует рассматривать именно в этом плане: не как начало нового языка, а как перемешивание элементов внутри существо-

вавшего образца английского языка, в котором различные ядра — сленг и диалектно окрашенная лексика Лондона и индустриальных районов центральной Англии, сленг моряков и китобоев, сленг преступников и более консервативный язык чиновников и военных — оказались в новом отношении друг к другу» [49, с. 50].

Выяснению проблемы в известной степени содействовало бы знание демографической характеристики первой волны колонистов, в частности, знание их места рождения и жительства в Великобритании, их социального положения, пола, а также установление относительного количества носителей различных языковых образований (литературного языка, интердиалекта, диалекта и т.д.).

К сожалению, демографические данные о первых колонистах весьма разрознены и, отчасти, противоречивы. Как правило, в документах того периода, в лучшем случае, отмечалось, что ссыльные по национальности являются англичанами, ирландцами, шотландцами и т.д.

Дж. Тэрнер предполагает [52, с. 11], что большинство ссыльных было уроженцами южной Англии. Это положение он использует для доказательства влияния Standard English на речь австралийцев в указанный период, однако несколько выше в этом же труде он отмечает, что носители лондонского диалекта составляли незначительное меньшинство населения колонии, а предположение о большинстве выходцев из южной Англии не подтверждается фактическими данными.

А. Митчелл также говорит о том, что большинство ссыльных прибыло из южной Англии и Ирландии [46, с. 29]. Однако следует принять во внимание тот факт, что выходцы из Ирландии (до начала «золотой лихорадки», т.е. до середины XIX в.) составляли более 1/3 всех ссыльных и около половины (или более) иммигрантов. Кроме того, среди тех, кто прибыл из южной Англии, особенно среди выходцев из Лондона, значительная часть была носителями кокни, а не нормированного английского литературного языка.

Что касается социального состава населения Австралии в рассматриваемый период, то мнение ученых в этом едино: ссыльные в своей массе были представителями полупролетарских и пролетарских «низов», разорившихся крестьян, «людей трущоб», и т.д., т.е. всех тех, кто прежде всего попадал под разящий меч «законов о мятежах», «декретов, экспроприрующих народ» (как К. Маркс называл «билли

об огораживаниях») и других подобных законов Англии XVII-XVIII вв.

А. Митчелл, характеризуя AuE говорит, что по своему происхождению английский язык в Австралии является «языком рабочего класса», т.е. «языком людей, которые бедны и по большей части необразованны» [46, там же].

Наконец, важно подчеркнуть, что подавляющее большинство переселенцев (ссылных) прибывало в Австралию в качестве «одиночек», не имеющих установившихся семейных или социальных связей. Исключением являются лишь выходцы из шахтерского района Корнуолла, которые по прибытию в Австралию образовали более или менее устойчивое землячество, сохранив многое из своих традиций, социальных взглядов и привычек наряду с элементами этого территориального диалекта старой Англии, которые со временем претерпели ассимиляцию, распались.

Среди тех, кто прибыл в страну в первые десятилетия колонизации были, конечно, и представители имущих классов: офицеры, чиновники, полицейские чины, представители интеллигенции (прежде всего работники судебного аппарата), миссионеры и др. Именно они, в основном, и представляли Standard English. Но их было очень мало. Можно без преувеличения сказать, что, по крайней мере, в устной сфере общения носители Standard English тонули в «диалектном» море.

Австралийский историк Ф. Фолкард, повествующий об этом периоде истории Пятого континента, подтверждает эту мысль, говоря о том, что среди первого поколения колонистов было «... очень мало социально привилегированных людей или представителей интеллигенции» [39, с. 167-169].

* * *

Известный отпечаток на характер AuE в этот период наложили, конечно, и другие экстралингвистические факторы (естественно-географические и социальные условия). Но вряд ли следует трактовать эти вопросы так, как это делают Т. Дорш, Т. Вуд и некоторые другие австраловеды, пытающиеся проследить непосредственную связь между современным произношением и лексико-грамматическими особенностями AuE с одной стороны, и климатом Австралии, ее бескрайними просторами, «умственной ленью» австралийцев, их физическими данными и даже состоянием

«хронического насморка», в котором австралийцы пребывают из-за неблагоприятного климата, с другой.

Социальные условия в период колонизации Пятого континента (особенно на первых порах) были мало благоприятны для распространения литературного языка. Сферы функционирования последнего были весьма ограничены. В стране властвовал тюремно-средневековый режим (недаром в это время Австралию называли *jail on a large scale* — громадной тюрьмой). Австралию той эпохи характеризовал низкий уровень материальной и духовной культуры, отсутствие национальной литературы, необходимость непрерывной борьбы со стихией, хищными зверями, змеями и т.п.

Подобные факторы не могли не способствовать определенному «огрублению» и нравов и языка. В этих условиях по мнению Ф. Фолкарда те немногочисленные носители *Standard English*, которые культивировали «акцент Мэйфер» (аристократического района Лондона) выглядели не более, чем «белые вороны» и, в конце концов, через несколько поколений большая часть их была вынуждена отказаться от своей «бритомании».

Сказанное выше тем не менее не отрицает ни существования с самого начала литературного языка, ни той роли, которую он фактически сыграл в становлении национального варианта английского языка в Австралии в последующий период. Известно, что «... чем меньшими в количественном отношении и чем более изолированными в классовом отношении оказывались слои населения, пользующиеся литературным языком, тем значительнее могла стать область его распространения и тем сильнее он мог отличаться от языков народных, особенно тогда, когда литературный язык еще не стал атрибутом народного самосознания... И наоборот, влияние литературного языка (хотя бы в виде пассивного овладения им) на прочие слои населения и национальный характер литературного языка ограничивают масштаб его географического распространения и приближают его к народным языкам» [14, с. 341].

Зарождение и развитие национального варианта английского языка в Австралии происходило под влиянием указанных тенденций.

* * *

Надо сказать, что вплоть до 30-х годов XIX века «белая» история Австралии почти не оставила письменных памятников. Исключениями являются лишь отдельные мемуары

и первый словарь австралийского сленга и арго, составленный в 1812 году заключенным по имени Джеймс Во, отбывавшим наказание в Ньюкасле, штате Новый Южный Уэльс. В этой литературе обращается внимание на две особенности, которыми к тому времени отличался AuE: «нестандартное» (иногда «грубое» или даже «варварское») произношение и национально окрашенный сленг и арго.

«Ряд сленговых выражений, употребляемых в Сент Джайлз Крик, несомненно тяготеют к тому, чтобы войти в постоянный лексикон здешней колонии, — писал Питер Канингэм, посетивший Австралию в 1826 г., — ... причем их употребление очень распространено и характерно для всех слоев общества» [27, с. 3].

На протяжении XIX века отношение к AuE со стороны так называемых образованных кругов английского общества неизменно характеризовалось одним: AuE рассматривался в плане «вульгаризации» BE. Посетившие Австралию не скрывали презрительного отношения к «колониальной словесности», «колониальному произношению» переселенцев. Характерным в этом отношении является известное высказывание Э. Дж. Уэйкфилда, относящееся к 1829 году: «Имея в виду, что наши низшие классы взяли с собой (в Австралию) «своеобразный язык», который постоянно пополняется соответствующими выражениями, вы поймете, почему правильный английский язык не является и вряд ли станет языком этой колонии» [52, с. 214].

Если перевести это высказывание на язык социолингвистики, оно будет звучать следующим образом: «Имея в виду, что иммигранты были носителями различных территориальных и социальных диалектов, процесс развития которых с переселением получил новый импульс, вы поймете, почему один социальный диалект (стандартный BE) не является и вряд ли станет преобладающим в Австралии».

Через 11 лет взгляды Э. Уэйкфилда несколько трансформировались. В 1840 году в своем «Письме из Сиднея» он указывал на широкое использование сленга «от тюрем до резиденции губернатора включительно» и высказывал предположение, что подобный лексикон будет считаться вполне приличным и «законным», как только страна обретет законодательный парламент [52, там же].

* * *

Первые комментарии об «австралийском произношении» («австралийском акценте») относятся к 30-м годам XIX

века, т.е. к тому времени, когда выросло первое поколение «австралийцев».

В воспоминаниях Ч. Мередит, которая провела шесть лет в Новом Уэльсе, говорится: «Большая часть мужчин и женщин, родившихся в Австралии, страшно гнусавит. Это напоминает манеру произношения многих американцев, которые говорят «в нос»...».

С вышеприведенной цитатой перекликается мнение «школьной комиссии» штата Новый Южный Уэльс, выраженное в ее отчете, опубликованном в 1855 году: «Явно недостаточное внимание, уделяемое в школах (штата) правильному произношению..., имеет тенденцию содействия Австралийскому диалекту, который в будущем может превзойти Американский по неприятности».

Подобные высказывания общего плана, большей частью «осуждающие» произношение австралийцев, можно найти у многих авторов, посетивших страну, но до сих пор известны только две серьезные попытки анализа «австралийского акцента» в раннем периоде. Первая была сделана в 1887 г. Мак Бэрни, директором женского колледжа в Джилонге штата Виктория. Мак Бэрни провел тщательные наблюдения за произношением австралийцев в штатах Виктория, Тасмания, Новый Южный Уэльс и Куинслэнд (т.е. в основных районах страны). Мак Бэрни не был фонетистом, поэтому его анализ не дает ответа на ряд вопросов, связанных с выяснением оттенков произношения, установлением аллофонии, просодических факторов и т.д. В некоторых случаях он сам указывал на приблизительность и возможную неточность отдельных сопоставлений, но несмотря на указанные недостатки, работа Мак Бэрни, систематизированная и опубликованная А. Эллисом, представляет значительный интерес для австралистики.

Мак Бэрни указывает на существование двух типов произношения: «хорошее произношение» (good speech) и «кокни». Для «кокни», по его мнению, характерны следующие особенности:

1. Опускание в речи спиранта *h* и окказиональное употребление спиранта в позициях, где он излишен.

2. Усечение конечного *g* в словах на *-ing* (например, *shillin'*, *singin'*).

3. Произношение *a* (в *fate*) почти как *i* (в *bite*).

4. Произношение *o* (в *hope*) почти как *ow* (в *cow*).

5. Изменение произношения первого элемента *ow* (в

cow) таким образом, что в письменном виде это сочетание выглядит как *kuow* или *saow*.

6. Общая протяжная манера произнесения гласных. Так, например, *dog* произносится как *dawg*, *coffee* как *kawfu* и т.д.

7. Появление *ɹ* в таких интервокальных позициях, где это не вызывается необходимостью, например: *I saw-ɹ-ɪt*.

Мак Бэрни считает, что для Австралии характерны 1, 2, 7 особенности, как впрочем и для всех районов Англии и частично для Новой Зеландии. 3 и 4 особенности довольно часто отмечаются в Австралии, но редко в Новой Зеландии. 5 особенность широко распространена в Австралии, но существуют трудности в ее выявлении и описании, т.к. первый элемент дифтонга часто настолько краток, что его трудно заметить. Обычный английский *ow* начинается, как *a* (в *sofa*), *u* (в *put*) или *a* (в *father*), сужаясь затем к *oo* (в *woo*). Австралийский вариант начинается с протяжных *a* (*cat*) или *e* (*get*). В некоторых районах Австралии и Тасмании заметна тенденция к удлинению гласных, например *ha''nd*, *da''ug*.

Общим для Австралии является расширение *i* (в *die*).

Оставляя в стороне вопрос о точности передачи звуков, описанных Мак Бэрни, и забегая несколько вперед, следует сделать вывод о том, что некоторые дифтонги одного из основных типов современного произношения *AuE*, известного под названием *Broad Australian (BrAu)*, очевидно установились в речи австралийцев уже в 1887 году.

Вторая попытка описать произношение *AuE* относится уже в начале следующего периода *AuE* — к 1901 году. 23 марта 1901 года в одной из заметок газеты *Bulletin* давалось описание произношения *AuE* в Аделаиде.

Таким образом, по тем данным о развитии *AuE* в области произношения, которыми располагает австралистика (к сожалению, эти данные, как мы видели, разрозненны и неполны, хотя, как полагают, достаточно достоверны) можно прийти к выводу, что к концу рассматриваемого периода (на рубеже XIX и XX веков) в Австралии складывается тип произношения, определенно отличающийся от *Standard British English* и близкий по целому ряду признаков современному просторечному типу произношения (*BrAu*). Отсутствие материалов, в которых звуковая система английского языка в Австралии того периода рассматривалась бы дифференцированно (с учетом социальной стратификации языка), лишает возможности сделать

основательные выводы о судьбе и характере литературного произношения (CAu) в рассматриваемый исторический период. Остается лишь строить предположения и догадки. Согласно одной из гипотез [35, с. 87], поддерживаемой наиболее известным авторитетом в области фонетики австралийского варианта английского языка профессором А. Митчеллом, в этот период проходило безусловное становление и развитие еще одного типа произношения (занимавшего как бы промежуточное положение между просторечным и стандартным типами) — General Australian (GAu).

Нечто подобное этому процессу наблюдалось и в истории самой Англии, где сгонявшиеся с земли крестьяне массами мигрировали в города, способствуя утверждению урбанизированных, более или менее локализованных диалектов, а также полудиалекта. Разница, однако, и весьма существенная, заключалась в том, что в отличие от Англии, где местные диалекты развивались столетиями и укреплялись соответствующими традициями, их носители в Австралии оказались лишенными подобной «питательной среды», в иной естественно-географической и социальной обстановке, в условиях, диктовавших необходимость появления наддиалектного орудия общения, в условиях возрастающего влияния на язык системы народного образования. Последняя, как известно, полностью базировалась в то время на литературе, учебниках, словарях, издававшихся в Лондоне. Все это привело к тому, что речь австралийцев с самого начала «... оказалась ближе к литературному языку, чем могли оказаться древние, изолированные и характерные (британские) диалекты [52, с. 33]. По справедливому замечанию А. Митчелла, возникновение и развитие GAu во многом напоминает также аналогичные процессы, лежавшие в основе возникновения General American в США в период колонизации «дикого Запада». Однако в отличие от США, в истории Австралии никогда не существовало ситуации, повлекшей за собой обособление этнических групп, локализацию диалектов (как это было на восточном, атлантическом побережье США в начале колонизации страны) и усложнение языковой обстановки в стране. Специфические условия колонизации Австралии с самого начала исключали обособление поселенцев и локализацию местных диалектов, создавали благоприятные условия для создания необходимого наддиалектного орудия общения. Такое орудие имелось в лице литератур-

ного языка (BE), завезенного представителями образованных классов (о неблагоприятной обстановке для его функционирования говорилось выше). Существование литературного языка (в данном случае в «чужой стране») не исключает, однако, возможности и необходимости функционирования интердиалекта, в особенности, в устной сфере общения. По мнению А. Митчелла, GAu в ходе своего исторического развития последовательно укреплял свои позиции, и в настоящее время GAu функционирует на территории всей страны; более половины населения страны в своем произношении обнаруживают черты, характерные именно для этого типа произношения. Важно подчеркнуть и другое обстоятельство: «австралийское» литературное произношение (существование которого в настоящее время никто не отрицает) не могло возникнуть на «пустом месте», не могло не быть связанным, не испытывать давления «снизу», со стороны субстанции и структуры субстандартных образований, в частности, со стороны GAu. При всем своем отличии от субстандартных образований Cultivated Australian уходит корнями в национальную почву. В связи с этим представляют интерес некоторые наблюдения автора заметки в *Bulletin* о BgAu, уже рассматривавшейся нами. В самом деле, если взять описание краткого *u* (как в *put*), то нельзя не обратить внимания, что оно произносилось как $\text{ě-}\bar{\text{a}}$, например, $\text{сě-}\bar{\text{a}}\text{t}$ (в *cut*). Чем объяснить появление «призвука» ě ? Известно, что в современном BgAu звук $\bar{\text{a}}/\bar{\text{ɔ}}/$ в отличие от британского коррелята $/\text{a}/$ в RP является гласным не заднего, а переднего ряда (разница в подъеме незначительна). Иными словами, можно не погрешить против истины, сказав, что основное различие между $\bar{\text{a}}/$ в BgAu и $/\text{a}/$ в RP заключается в настоящее время в различном их положении на горизонтальной оси диаграммы кардинальных гласных: в то время как $/\text{a}/$ в RP, будучи гласным заднего ряда, расположен в непосредственной близости к кардинальному $/\text{ɔ}/$, $\bar{\text{a}}/$ в BgAu расположен «по соседству» с кардинальным $/\text{ɛ}/$ или с широкой разновидностью $/\text{e}/$. Как указывает Д. Джоунз, ненапряженный краткий гласный, как правило, относится к более широкой разновидности, чем долгий напряженный. В свете сказанного становится понятной транскрипция $\text{ě}=\bar{\text{a}}$, говорящая о том, что уже в то время гласный *u* ($\bar{\text{a}}$) в BgAu претерпел сдвиг в сторону переднего ряда.

Таким образом, если подытожить данные об «австралийском» произношении в данный период, то внимательный

анализ даже таких неполных материалов об AuE, как цитировавшаяся выше заметка, позволяет судить о наличии сигналов, «зерен» зарождающегося «австралийского» литературного произношения, при его сосуществовании, с одной стороны, с британским литературным произношением, с другой — с субстандартными образованиями типа GAu и BGAu.

* * *

Вторым аспектом AuE, который привлек внимание исследователей и который, очевидно, рельефно выделялся на общем фоне развития языка, оставляя до поры до времени в тени другие процессы (например, процесс становления литературного языка в Австралии) был сленг.

Словарь сленга и арго Д. Во, уже упоминавшийся выше, оценивается австраловедами (в соответствии с тенденциями в отношении оценки природы AuE, о которых говорилось во введении) по-разному. С. Бейкер, например, считает, что словарь довольно точно отражает состояние AuE начала XIX века, что автору удалось в нем отразить «путь, по которому двигался AuE». В доказательство этому он приводит ряд слов и выражений (*awake* — to see through or comprehend; *chum* — a fellow prisoner, а позднее в сочетании *new chum* — a new immigrant; *down, to put a down upon* — to dislike и др.) в дальнейшем вошедших в словарный фонд AuE. Однако более внимательное изучение словаря Д. Во позволяет придти к более правильной его оценке. По признанию самого автора словарь мог бы быть полезен в качестве «развлечения» для тех, кто интересуется «солеными словечками» в обиходе у заключенных. В нем немало выражений, которые буквально требуют перевода на стандартный английский язык. Словарь не отражал фактического состояния AuE того времени: в нем полностью отсутствовали заимствования из языков аборигенов, почти не было литературных и нелитературных австрализмов, хотя при желании можно было включить и те и другие, поскольку они уже довольно широко использовались в Австралии в это время. Сленг и арго, собранные Д. Во, не были исключительным достоянием ссыльных в штате Новый Южный Уэльс, многие выражения были «вывезены» из тюрем метрополии. Характерно, что хотя некоторые лексические единицы данного словаря и были в ходу примерно до середины XIX века,

они не вошли (за редким исключением) в обиходную речь колонистов, а так и остались в качестве арготических выражений. Словарь Д. Во, тем не менее, был первой лексикографической работой, посвященной английскому языку в Австралии.

В последующем некоторые примеры из словаря Д. Во были стилистически использованы писателями, изображавшими быт колонии тех времен. Например, А. Хэррис использовал *blunt* и *brads* (money), *cross* (illegal practices, the opposite being square), *dab* (bed), *flat* (honest man), *trap* (a policeman), *the family* (the whole fraternity of thieves), *swag* (a stolen wearing-apparel, linen, or piece-goods), etc.

Но уже во времена А. Хэрриса жаргон претерпевает изменения: *the family* уже служит для обозначения не карманных воров, а тех, кто ворует скот (*cattle-thieves*); *swag* употребляется уже в современном смысле, т.е. служит для обозначения «узелка» (точнее «скатки», так как раньше немудреные пожитки колонистов умещались в скатанном одеяле, переносимом за спиной, а поскольку наиболее распространенным цветом тюремных одеял был синий, то «скатку» называли еще *bluey*).

Swag (узелок) — одно из немногих жаргонных слов, ставших общеупотребительным на раннем этапе AuE. От него был затем образован глагол *swag* (сворачивать узелок, переносить пожитки в узелке); производные *swagger*, *swag-gie*, *swagman*, *swagsman* (бродяга, батрак, вообще человек с котомкой за плечами). Вся группа слов широко использовалась и используется писателями и поэтами, историками Австралии. У Генри Лоусона можно, например, найти подробное описание, как из одеяла делается скатка (а, при необходимости и «крыша над головой»), но в настоящее время искусство «крутить скатку» стало достоянием истории, хотя слово *swag* по-прежнему понятно каждому австралийцу.

До конца XIX века вышли еще несколько словарей сленга и арго и статей, посвященных этой теме. Некоторые лексикографы, как, например, Лентцнер, полагали, что австралийский сленг вызван к жизни особыми условиями жизни, что поэтому он «жизненно необходим» и не является сленгом в собственном смысле слова. Лентцнер не был уверен, однако, в каком отношении находится австралийский сленг в *Queen's English* (то, что к этому времени складывался австралийский вариант литературного языка, от-

личный от Queen's English, вообще выпало из поля зрения автора). По мнению австраловедов, вплоть до опубликования словарей Морриса и Лейка, ряд направлений в развитии AuE и состояние AuE (за пределами сленга) фактически оставались вне поля зрения лингвистов.

* * *

Примерно с 30-х годов XIX века в Австралии начинается расширение сферы влияния литературного языка, в частности, его письменной формы. В стране появляются периодические издания (в том числе местные газеты, например, в Перте — с 1831, Аделаиде — 1837, Мельбурне — с 1838), выходят журналы и дневники исследователей, сборники-памятки иммигрантам, популярно рассказывающие о стране и ее обитателях, отчеты о деятельности различных миссионеров, мемуары и очерки лиц, посетивших Австралию, периодические отчеты и донесения губернатора о положении в колонии.

Известный интерес представляют донесения губернатора этого времени, поскольку они содержат материал, отображающий жизнь колонии и колонистов. Язык отчетов формальный, но широкое использование таких австрализмов, как *gun*, *station*, *stockman*, *stockyard* и др., без кавычек и комментариев дает основание полагать, что эти слова уже широко употреблялись в колонии. Разговорные (просторечные) лексические единицы, типа *waddy* (a club) или *scorru* (convict) в отчетах встречаются редко и, как правило, в соответствующем контексте (например, в выдержках из писем заключенных).

Однако с ростом населения в колонии и усложнением управления и администрации указанные документы становятся все более формальными и теряют ценность иллюстративного материала AuE.

Среди научно-популярной литературы известный след в словаре AuE оставили отчеты экспедиций Т. Л. Митчелла [49, с. 34-35]. В отличие от своих предшественников автор скрупулезно фиксировал в дневнике исконные названия, в частности, многочисленных представителей фауны и флоры Австралии (в тех случаях, когда ему удавалось установить эти названия у аборигенов). В его дневниках встречаются известные поныне *billabong* (старица реки), *уагга* (один из видов эвкалипта), целая серия ботанических терминов.

Некоторому нормативному закреплению в АиЕ ряда слов из языков аборигенов служили отчеты и журналы миссионеров, в частности, журнал Ю. Гантера (Y. Ganther's Journal) в 1836—1840 годах.

Открытие золота в стране в середине XIX века и следовавшая за этим «золотая лихорадка» вызвали массовую волну иммиграции в Австралию. За три года население одного только штата Виктория увеличилось в 4 раза, а всего за время «золотой лихорадки» в страну иммигрировало свыше 600000 человек. Среди них немало было «искателей приключений» и авантюристов, готовых, по мнению Ф. Фолкарда, «ринуться на край света»: «... Они двинулись в Австралию с золотых приисков Чили и Калифорнии, из всех стран Европы, из Китая, а также из Уэльса, Шотландии, Ирландии и Англии. ... сюда же вернулись «прошедшие огонь и воду» бывшие заключенные Сиднея, которых нелегкая арестантская доля забросила в Калифорнию» [39, с. 43].

Указанный процесс способствовал развитию и освоению отдаленных областей страны, совпал с оживлением экономики и внешнеторговых и иных связей Австралии с внешним миром. В это время усиливается миграция населения внутри страны. Растет национальное самосознание народа.

Изменение социально-экономических условий, хотя и опосредственно, не могло не отразиться на состоянии АиЕ. Выше говорилось о широкой употребительности сленга, жаргона и арго. Вполне естественно предположить, что обстановка, в которой проходила «золотая лихорадка», благоприятствовала дальнейшему функционированию подобного рода языковых образований и их определенному «давлению» на литературный язык¹.

С другой стороны, в стране развивалась национальная культура, заметно возросло число образованных людей, носителей литературного языка, немало их прибыло в страну вместе с волной иммигрантов. По мнению Ф. Фолкарда, «жители штата Виктория (в то время), в среднем,

¹ Последнее замечание представляется весьма существенным. По мнению ученых ПЛК, такого рода «давление» приводит к стремлению литературного языка сблизиться с так называемым народным языком (интердиалектом, полудиалектом), вызывает к жизни тенденцию к демократизации литературного языка [14, с. 341]. Это положение поможет объяснить ряд проблем современного АиЕ (в частности, иное, по сравнению с ВЕ, соотношение литературной лексики и сленга и др.).

были безусловно более образованны, начитанны и более интеллигентны, чем их родные в Великобритании» [39, с. 187].

Вскоре в одном за другим штатах страны вводится система народного образования. В штате Виктория всеобщее образование было введено в 1872 году. В этих условиях литературный язык упрочил свои позиции, как эталон, по которому начинает равняться все большее количество колонистов. Однако это был уже не тот литературный язык «в чистом виде», который был импортирован в Австралию образованными английскими колонистами. Почти вековое развитие английского литературного языка в специфических условиях Пятого континента, в условиях взаимодействия естественных, социальных и, особенно, лингвистических факторов не прошло бесследно для AuE. В литературном языке интенсифицируются внутренние процессы, задевающие прежде всего инвентарь лексических единиц. Но не только инвентарь. Как увидим ниже, отдельные различительные элементы субстанции, группируясь, образуют взаимосвязанные «поля», что, в конечном счете, приводит к более глубоким изменениям, задевающим лексико-семантическую систему AuE в целом. Здесь же важно отметить, что изменения в характере импортированного литературного языка (BE) и постепенное становление нормы AuE выражалось прежде всего в семантических сдвигах, связанных с потребностями номинации или стремлением дать экспрессивные наименования уже существующим предметам, в «олитературивании»¹ специфических профессиональных диалектных и даже жаргонных значений слов и т.п. Известную роль в становлении литературного языка AuE сыграли диалектизмы и различного рода лексические инновации. Указанные изменения отразились определенным образом на синтагматических и парадигматических связях лексики. Изменения в лексике литературного языка (на первых порах таким языком в Австралии был определенно BE) коснулись целого ряда лексических единиц, тяготевающих (в силу предметно-логической соотнесенности с обозначаемыми предметами и явлениями «австралийского образа жизни») к группировке в определенные сферы максимальной концентрации. Здесь можно указать для иллюстрации группы слов, связанных

¹ Термин, употребляющийся в монографии «Русский язык и советское общество». М., 1967, с. 93.

с номинацией предметов и явлений естественно-географической среды и хозяйственно-бытовой сферы. Процесс изменений в лексике был двусторонним: с одной стороны, в новых условиях оказались малоупотребительными или вышли из употребления некоторые значения слов или данные слова целиком. Примером этого являются такие общеанглийские единицы, как *woods, fields, meadows, copse, spinney, thicket, dale, glen, dingle, vale, coomb, gill, brook, stream, rivulet, inn, village* и др. Причем эти слова, видимо, настолько не соответствовали в Австралии привычным представлениям о предметах, которые они обозначали, что процесс их утраты в речи колонистов, по мнению некоторых австраловедов, был почти мгновенным (*rejection, almost at a blow*) [49, с. 242]. С другой стороны, в употребление вошли отдельные значения слов или слова целиком (и выражения), малоупотребительные или неизвестные в ВЕ, например, *bush, scrub, outback* (гл. III), *gully, creek, paddock, pastoral industry, pastoralist, gibber plain, billabong, milk bar, township*; многие сотни лексических единиц, связанных с наименованием особей в фауне и флоре типа *koala, kangaroo, dingo, mallee, wattle, goanna, platypus, kookaburra*.

Вначале эти изменения носили незначительный характер в масштабе всей лексико-семантической системы языка. Однако со временем различительные элементы накапливаются, усложняются их взаимоотношения внутри лексико-семантической системы AuE, изменяются их синтагматические и парадигматические отношения. Некоторые из появившихся в AuE лексических единиц становятся центром интенсивного словобразования, примером чего может служить слово *stock* (скот). Примерно к 1797 году в AuE появилось сложное слово, в котором *stock* использовалось в качестве одной из основ, — *stockyard*. Затем в последующие десятилетия австраловеды регистрируют появление значительного количества производных от *stock*: *stock-keeper* (1800), *stockman* (1803), *stockfarm* (1806), *stockhouse* (1808), *stockholder* (1819), *stockrun* (1825), *stockhut* (1826), *stockstation* (1833), *stockwhip* (1845), *stockhorse* (1847), *stockbook* (1847), *stockfarming* (1849), *stockrider* (1859), *to stock up* (1878), *stockroute* (1886), *stocksick* (1890), *to stock-keep* (1890), *stock-agent* (1897), *stocklist, stockyard*.

В данном списке интересна не столько хронология появления локально-маркированных лексических единиц с

основой stock (хотя последние, возможно, служат иллюстрацией достаточно быстрого и достаточно широкого процесса словообразования), сколько то, в каком направлении шел этот процесс и какие способы словоизменения и словообразования использовались в AuE в этот период. Этот процесс свидетельствовал также о двояком воздействии на язык экстралингвистических факторов, в частности, изменений реалий и изменений в составе носителей языка. Лексико-семантические сдвиги проходили в тех направлениях, которые более всего диктовались изменившимися социальными (в широком плане) условиями. Так, своим появлением в AuE слова stockman (скотовод, фермер), stockroute (скотоперегонный маршрут) и другие обязаны непосредственной потребности номинации тех предметов и явлений, для которых имевшиеся слова BE (в частности, с основой cattle) «не подходили» (или рассматривались таковыми большинством носителей литературного языка, не говоря уже о тех, кто не придерживался стандарта, был более терпим к языковым новшествам), поскольку рассматриваемые явления слишком очевидно отличались от соотносимых явлений в «доброй старой Англии»: взять хотя бы stockroute, обычно тысячемильный маршрут перегонки скота из районов пастбищ к скотобойням, находившимся в то время в районах Сиднея и Бризбена на восточном побережье страны. Ничего подобного не существовало и не могло существовать в условиях Англии. С другой стороны, как показывают исследования по истории Австралии, например, труды С. Кларка, А. Митчелла и др., большинство колонистов Австралии в первые десятилетия составляли горожане, т.е. люди, мало знакомые с терминологией, связанной с сельским хозяйством, в частности, со скотоводством, т.е. той лексикой, которая была более известной и употребительной в сельских районах Англии (и которая, наряду с литературным словарем, включала, очевидно, значительное количество диалектизмов, о чем речь пойдет ниже). Как справедливо отмечает У. Рэмсон, — «... потери (при «трансплантации» английского языка из Англии в Австралию) в лексике, типичной для сельской местности и связанной с сельским хозяйством, в частности, с овцеводством, наряду с утратой ряда стандартных лексических единиц, обозначавших предметы и явления естественно-географической среды, диктовали необходимость серьезной лексической экспансии в указанном направлении» [49, с. 54].

Что касается способов словообразования, то они ничем не отличались от традиционных, принятых в ВЕ.

Тенденция к экспрессивности наименований уже известных предметов и явлений находит отражение в употреблении в АuЕ в этот период таких лексических единиц, как *never-never*, (*the inner part of the country*), *the bush*, *brumby* (horse), *billy* (kettle), *cobber* (friend), *to surf* (to swim).

* * *

Как известно, для обозначения нового предмета или явления может быть создано слово, использовано диалектное или заимствовано иноязычное слово, образовано сложное наименование или же приспособлено слово, уже существующее в языке, которое определенным образом видоизменяет в таком случае свою прежнюю семантику. Все эти способы в той или иной степени использовались в АuЕ в рассматриваемый период. Поскольку, однако, некоторые ученые, в том числе видный англист-диалектолог Г. Брук, [30, с. 129-134] считают, что серьезным источником пополнения лексики послужили диалекты Великобритании, следовало бы осветить эти вопросы более подробно.

Возьмем для примера группу лексических единиц, появившихся в АuЕ в указанный период и связанных с областью сельского хозяйства, домашнего обихода и некоторыми наименованиями предметов и явлений естественно-географической среды. Как показывает анализ письменных источников АuЕ того времени, в этих областях действительно довольно широко встречаются слова и выражения, отсутствующие или малоизвестные в *Standard British English* указанного периода, что само по себе еще не свидетельствует об их принадлежности к диалектизмам, например: *cracker*, *dee*, *pug*, *to fall*, *mudfat*, *staggering bob*, *dinkum*, *clay-pan*, *soak*, *waterhole*, *chook*, *paddock*, *gun*, *crook* и др. Часть этих лексических единиц относилась к профессиональной лексике и использовалась в АuЕ в несколько отличном значении по сравнению с ВЕ. Например, *cracker* означал веревку, привязанную к рукоятке бича и издававшую хлопок при каждом ударе бича; *dee* — утюг, напоминавший своей формой букву «D»; *pug* — хорошо замешанную глину; *to fall* — сваливать дерево (использовался лесорубами вместо соответствующего слова *to fell* в *Standard English*, означавшего «спиливать дерево»);

crook — больной, немощный (в сочетании to be (feel) crook); а в сочетании to go crook on smb — почувствовать неприязнь в отношении кого-либо.

Другая часть слов, вероятно, диалектного происхождения. Mudfat — слово ольстерского (северо-ирландского) диалекта, означавшее (применительно к скоту) «очень жирный»; staggering bob — широко распространенный диалектизм, означавший молодого теленка или, соответственно, молодую телятину; clay-pan (впервые зарегистрированное в AuE в 60-е годы, очевидно, корнуоллского происхождения) — долго невысыхающая лужа; soak — низкое или болотистое место, где есть ключи и waterhole — водоем, колодец — северо-английские диалектизмы.

В некоторых из указанных слов произошли семантические сдвиги. Например, chook (Взять!) образован путем деривации от chookeу (chook), употребляющегося в некоторых южных диалектах Англии как звукоподражательное слово, с помощью которого хозяин обычно созывал свиней, а в отдельных случаях, домашнюю птицу для кормежки (ср. русское «цып-цып»).

Диалектизмы paddock и gun в Австралии претерпевают расширение значений и через просторечие¹ попадают в литературное употребление. Английский диалектный словарь дает следующие значения слова gun: «часть пастбища» или «право пасти скот на общем пастбище». В AuE gun означает просто открытый участок местности, обычно значительных размеров, используемый фермером в качестве пастбища. Впервые употребление слова gun в AuE зарегистрировано в 1804 году, к 30-м годам оно становится общеупотребительным, используется в качестве стержневого в словосочетаниях back gun, cattle gun, sheep gun, stock gun. Интересно отметить, что к этому времени другая английская лексическая единица sheep walk, коррелирует слова gun в BE, используется колонистами все реже.

Словом, вызывающим, по мнению австраловедов, наиболее полные ассоциации с «настоящим австралийским», является лексическая единица dinkum.

В Австралии в XIX веке это слово употреблялось в двух основных значениях, зафиксированных в английском диалектном словаре: одно из них «работа, труд, соответствующая доля труда» (work, a due share of work) как,

¹ Указанная тенденция присуща и другим языкам (см., например, 15, с. 61).

например, в выражении *an hour's hard dinkum*, т.е. дословно «тяжелая работа в течение часа». В этом значении *dinkum* в Австралии более не употребляется. Другое значение слова *dinkum* — «игра», как, например, в выражении *fair dinkum* (*fair play* — честная игра). В AuE путем деривации от существительного *dinkum* образовалась целая группа слов, относящихся к разным грамматическим категориям, в том числе к прилагательным и наречиям. Основные значения слова *dinkum* в настоящее время: «настоящий», «честный», «искренний», например, *dinkum Aussie!* (настоящий австралиец, это по-австралийски!). Сейчас слово *dinkum* является одним из наиболее распространенных слов в AuE, сосуществуя в качестве разговорного аналога с общеанглийским литературным словом *genuine* [52, с. 27]. Не исключено, что слово *dinkum* находится на пути к статусу дублета в литературном языке в Австралии.

Примеры «трансплантации» английских диалектизмов из Англии в Австралию и их трансформации, в частности, перехода в разряд литературной лексики (во времена «золотой лихорадки») можно продолжить, взяв группу лексических единиц, связанных с областью горнодобывающей промышленности. Здесь также часть слов была поглощена AuE без изменений, другая часть претерпела известные семантические изменения. Большая часть лексических единиц этой группы — термины или слова, приближающиеся по значению к терминологии. Так, слово *bottom*, в Норт-кумберленде (Англия) означавшее «дно шахты», стало использоваться без изменений в аналогичном смысле и в AuE.

Некоторые слова указанной группы подверглись значительному переосмыслению и стилистической переоценке, например, заимствованное AuE из корнуоллского слово *carfain* (управляющий шахты) или *crīb* (легкая закуска шахтера, чтобы «заморить червячка»), или староанглийское слово *darg* (дневная норма). Слово *darg* вошло с тех пор в словарный фонд в разговорно-бытовой сфере общения AuE.

Диалектизмы *fossick* и *mulloch*, употребляющиеся в BE в широком значении, в AuE претерпели сужение значения, стали употребляться преимущественно в золотодобывающей (а не горной вообще) промышленности.

Наибольшие споры из этой группы слов в английской этимологии вызывает слово *pugget*. Как диалектизм *pugget* (кусочек чего-либо) зарегистрирован в Ирландии, Шотлан-

дии, в некоторых частях Англии (в частности, в Корнуолле). В AuE слово проникло в двух определенных значениях в 50-х годах XIX века: в значении «слиток золота» и в переносном значении «теленка», «ягненок».

Оба значения сохранились и в прилагательном *pugget*, а глагол *to pugget* означал либо «добывать слитки» (золота), либо «присваивать неклеяменного теленка». Интересно, что вскоре после того, как слово *pugget* получило широкое распространение, в периодическом издании *Notes and Queries* в 1852—1854 годах появились этимологические заметки, в которых *pugget* толковалось в одном случае как производное от американизма *ingot*, в другом случае как заимствование и адаптация одного из персидских слов и т.п.

Рассмотренные выше примеры из области сельского хозяйства и горнодобывающей промышленности не являются исключением. Подобным же образом можно было бы проследить судьбу диалектизмов в области человеческих отношений (слова типа *cobber*, *sheila*, *wowser*, *rommy*), характеристики размеров (слова типа *boomer*), усилий или движения (слова типа *sling*, *scratch*), домашней утвари, пищи (слова типа *billy*, *swag*, *tucker*) и т.п.

В дальнейшем многие из указанных слов (*billy*, *wowser*, *swag* и др.) в BE перешли в разряд архаизмов, в то время как в AuE они продолжают употребляться и по сей день. Аналогичный процесс наблюдался также в развитии американского варианта английского языка.

* * *

Следующей значительной группой лексики, явившейся заметным источником пополнения словарного состава AuE в указанный период и отражавшей лексико-семантическую дифференциацию BE — AuE и становление литературной нормы последнего, были лексические инновации. Как уже указывалось выше, причинами возникновения инноваций были потребности номинации (соответствующий «вакуум», образовавшийся в результате «трансплантации» английского языка в Австралию) или стремление к экспрессивности наименований и некоторые другие моменты (в частности, стилистические изменения, происшедшие в лексике).

Здесь следует выделить довольно обширную группу слов, обозначающих природные условия Австралии, ее флору

и фауну. Так, к флоре относятся: *beefwood*, *ironbark*, *lightwood*, *stringy-bark*, *raspberry-jam wood*, *blackbutt*, *bluegum*, *bottle-brush*, *black boy*, *flooded gum*, *swamp oak*, *tea tree*, *saltbush*, *gumtree* и др. Бросается в глаза описательный характер инноваций — особенность, отмеченная еще Е. Моррисом, который полагал, что это происходит потому, что названия многим явлениям и предметам давал не специалист (ботаник, зоолог и т.п.), а поселенец, имевший иногда довольно смутные понятия в данной области.

Не менее обширна группа слов, относящихся к фауне: *kangaroo dog*, *kangaroo-rat*, *bronzewing*, *whipbird*, *laughing jackass*, *morepork*, *native dog*, *native turkey*, *lyrebird*, *red-bill*, *emu-wren*, *razor grinder*. Почти все эти слова вошли в употребление в АУЕ до 1860 года, часть из них в самом начале колонизации. Например, *kangaroo-rat* (название небольшого млекопитающего, напоминающего кенгуру в миниатюре) было использовано губернатором Филиппом в 1788 году. Описательное сочетание *kangaroo-rat* (образованное с помощью синтаксического способа словообразования) довольно быстро вытеснило соответствующее местное слово *potaroo*, затем местное слово *bettong*, употреблявшееся для обозначения представителя другого рода кенгуровой крысы.

Некоторые из указанной группы слов претерпели ряд изменений в плане выражения. Так *bronzewing* (название голубя с золотисто-бронзовой окраской оперения) вначале был известен как *golden-winged pigeon*, затем появилось сочетание *bronze-winged pigeon*, наконец, к 1850 году наиболее употребительной оказалась усеченная форма *bronzewing* — пример изменения синтагматических связей в результате воздействия внешних факторов (актуализация лексической единицы). Очевидно, в данном случае уточняющий элемент сочетания (*pigeon*) стал постепенно излишним с чисто коммуникативной точки зрения, поскольку этот элемент устойчиво детерминирован самой ситуацией.

Интересно отметить, что почти одновременно с разговорным *bronzewing* (*bronze wing*) появился его сленгизованный аналог *squatter*. Когда *bronzewing* вошел в состав литературной лексики, *squatter* «передвинулся» в разряд разговорных слов. Аналогичные изменения формы (семантическое стяжение) прослеживаются у слова *whipbird* (название птицы, «пение» которой напоминает хлопки бича), первое употребление которого австраловеды относят к 1882 году. Оно употреблялось тогда как сочетание *coach-*

man's whipbird. Примерно в 40-х годах прошлого века в речи устанавливается употребление whipbird.

Интересны с точки зрения расхождения AuE и BE сочетания native dog (первоначальное название динго) и native turkey. Явно отличные, не схожие с теми, которые были известны колонистам на родине (до отъезда в Австралию), особи получают новое наименование, отличающееся от исходных лишь атрибутивным элементом. Причем речь идет не об окказиональном употреблении лексических единиц, а о длительном и повсеместном употреблении «заместителей» соответствующих научных терминов. Таких «заместителей» в AuE несколько тысяч. Значительная часть их вошла в литературный язык. Примером последних могут служить triantelope, possum, goanna и другие. Вокруг некоторых из них долгое время шли споры среди лингвистов. Е. Моррис, например, полагал, что слово triantelope (один из видов крупных пауков в Австралии) — «комический вариант» научного термина tarantula. Однако выяснилось, что австралийцы называют triantelope крупного мохнатого паука, обычно обитающего на деревьях и лишь отдаленно напоминающего европейско-азиатских тарантулов, живущих в земляных норах. Биологи подтвердили, что в данном случае речь идет о разных видах насекомых. И поскольку слово triantelope находилось в употреблении более ста лет (впервые оно зафиксировано в мемуарах С. Ходсона в 1846 году) и не было установлено исконное наименование, оно стало стандартным вначале в AuE, затем и в BE. Называя его «заместителем» научного термина, лингвисты лишь отдают дань традиции. В других случаях «заместители» уступают место научным терминам, примером чего может служить эволюция таких лексических единиц, как laughing jackass — kookaburra; native dog — dingo; throwing stick — woomera.

Условия жизни ссыльных, социальный состав колонистов нашли свое отражение в словах emigrants (поселенцы, ставшие свободными), exiles (колонисты, отбывшие срок наказания), emancipists (амнистированные заключенные), emancipist party и anti-emancipist party (политические группировки, выступавшие за или против восстановления всех прав бывших заключенных; последних в разговорном языке называли exclusives или exclusionists); legitimates (свободные иммигранты, в отличие от illegitimates — колонисты, отбывшие срок наказания).

Следующей группой инноваций оказались лексические

единицы, обозначающие новые способы ведения хозяйства, особенности жизни и быта. Здесь мы находим: *back run*, *back station*, *outback*, *woolshed*.

Эта группа лексических единиц, вошедшая в AuE уже на раннем этапе колонизации, показательна в плане выражения: в качестве стержня в них используются стандартные английские слова (основы слов) типа *run*, *station*.

Сложные и сложнопроизводные слова с *out-*, например, *outsettlement* и *outsettler* были известны в Англии с начала XVIII века. В XIX веке они вошли в употребление в AuE, став, очевидно, моделью для инноваций типа *outsquatter* «крупный фермер».

Следующая группа инноваций связана с понятиями, объединяемыми в AuE лексемой *bush*, рассматриваемой подробно несколько ниже.

В количественном отношении среди лексических инноваций на первом месте находятся сложные слова. Относительно меньшую роль в пополнении лексики в этот период играет деривация типа *overland* (от *to overland*) — человек, перегонявший скот через всю страну; *First Fleeter* (от *First Fleet*) — колонист, прибывший в Австралию на корабле 1-го флота, т.е. в 1788 году и др.

Среди собственно неологизмов (в основном, нелитературных), образованных в это время, встречаются *felonry*, впервые введенное Джеймсом Муди в 1837 году и обозначающее класс людей, отбывающих наказание (ср. *peasantry*, *-entry*, *yeomantry*, etc.); *jackeroo* (от *Johnny* или *Jacky Law* по модели *kangaroo*) — англичанин, постигающий науку управления овцеводческой фермой в Австралии¹.

* * *

Среди заимствований раннего периода следует выделить заимствования из языка (языков) аборигенов (AL²), английского языка в Америке и некоторых европейских языков (немецкого, итальянского и др.). Рассмотрим заимствования из первых двух.

Первым словом, заимствованным из AL, было *kangaroo*. Интересно, что впервые оно было заимствовано членами

¹ В настоящее время *jackeroo* (*jackaroo*) — ученик, и.о. управляющего

² AL — *Aboriginal languages* — языки аборигенов

экспедиции Д. Кука в 1770 году и в дальнейшем реинтродуцировано (reintroduced) в АЛ колонистами 1-го флота, т.к. аборигены племен, населявших район высадки, называли словом *Langaroo* вообще всех животных, кроме собак. Одно из возможных объяснений этого заключается в том, что в Австралии к моменту начала белой колонизации было около 600 языков и наречий, причем их носители были в состоянии миграции. Слово *kanaroo*, зафиксированное Куком в речи одного племени, означало иное понятие для других племен. Почти одновременно с *kanaroo* появилось другое слово *quoll* (означавшее одного из животных), но оно не вошло в общеупотребительный язык, а закрепилось в качестве составной части научного термина *Dasyurus quoll* (семейство кошачьих, обитающих в Австралии).

Характерной особенностью заимствований из АЛ было то, что большая часть их падает на племена, с которыми колонисты общались именно в начале колонизации, т.е. племена, обитавшие в районе Сиднея (подобно тому, как наибольшая доля заимствований в *American English* падает на так называемые *Algonquian languages*, т.е. на языки индейцев, населявших районы высадки колонистов на Атлантическом побережье). Из 250 заимствований из АЛ, зафиксированных Хантером в 1790 году в этом районе, около одной пятой продолжает употребляться в АиЕ.

Основная часть заимствований из АЛ относится к области флоры и фауны. Это названия деревьев и растений *bunya-bunya*, *coolibah*, *jarrah*, *mulga*, *waratah*, *mallee*; названия животных: *brumby*, *dingo*, *kanaroo*, *koala*, *potaroo*, *wallaby*, *wallaroo*; названия рыб: *barramundi*, *luderick*, *morwong*, *tarwhine*, *toopong*, *wirrah*, *wobegong*, *wollomai*, *yabby*; названия птиц: *boobook*, *broilga*, *bull-bull*, *corella*, *currawong*, *jerryang*, *gang-gang*, *kookaburra*, *wonga wonga* (значительная часть последних оноματοпэтична); здесь же названия насекомых: *bardi*, *carbora*, *kogumburra*, *witchetty*; наименования местных предметов: *billabong*, *gibber*, *gilgai*, *папта*; предметов вооружения и домашнего обихода: *boomerang*, *coolamon*, *dilly*, *leangle*, *nulla nulla*, *waddy*, *woomera*; названия жилищ: *gunyah*, *mia mia*, *wurley* и др.; группа лексем, относящихся к характеристике обрядов и церемоний: *bora*, *corroboree*, *gin*, *lubra*, *myall*, *warrigal*.

Большинство указанных заимствований вошло в литературный язык. Часть их ассимилировалась, некоторые

подверглись известному переосмыслению, легли в основу фразеологических выражений, сленгизмов.

Следует отметить, что заимствования из языка аборигенов имели место на различных уровнях. На уровне просторечия эти заимствования типа budgeree (good), gunyah (hut), bogey (to bathe), carbon (large), jumbuck (sheep), ryalla (to talk) и т.п. часто вплетались в сленг и пиджининглиш (pidgin English) их носителей, что приводило к «варварской словесной мешанине», подмеченной Коллинзом еще в 1798 году. Эта «мешанина» впоследствии послужила основой пиджина аборигенов, обитавших в Куинсленде и Северной Территории.

Мнение ученых относительно роли заимствований из AL расходятся. Очевидно, однако, что эта роль не была неизменной: заимствования из AL занимали значительно большее место (во всяком случае, в количественном отношении) в начале колонизации, чем теперь¹.

В настоящее время широкоупотребительными в литературном языке являются около 130 слов и выражений, заимствованных из языка аборигенов.

В этом отношении AuE отличается от NZE, где достаточно высока употребительность многих лексических единиц (в особенности названий деревьев и растений типа kawī, puriri, totara и др.), этимологически восходящих к языку маори.

* * *

AuE в рассматриваемый период обогатился рядом заимствований из английского языка в Америке (АЕ). Эти заимствования можно схематически разделить на две группы: первая группа слов — заимствованная до 1850 года, другая — в период «золотой лихорадки».

Первая группа заимствований из АЕ, в основном, относится к области организации поселений на малообжитой территории. Сюда относятся слова block, location, section, township, а также bush, bushranger (woodsman, bushman), landshark и squatter. Слово township использовалось в АЕ с 1759 года по 1785 год. Оно означало участок местности

¹ Исключение составляет область специальной лексики (научная терминология, топонимика). Достаточно сказать, что словарь географических наименований Australian Aboriginal Words and Place Names. Melb., 1965 насчитывает более 3000 наименований.

(в плане квадрат со стороной шесть миль), разделенный на 36 квадратных миль (sections). Впервые township в указанном значении было зафиксировано в AuE в письме губернатора Филиппа в 1790 году. Примерно к 1811 году township употребляется уже как синоним town или village, но наряду с новым значением township по-прежнему употребляется в «американском» значении, что приводило, по свидетельству историков, к целому ряду ошибок до тех пор, пока новое значение не вытеснило старое (в 40-х годах XIX века).

Большой Оксфордский Словарь фиксирует township следующим образом:

In Australia A site laid out prospectively for a town meanwhile often consisting of a few 'shanties' grouped around a railway-station, store, hotel, post office, or the like, a village or hamlet.

Block и location заимствованы со значением «участок местности любой конфигурации и любой протяженности». В АЕ слово block означало, в основном, «полосу» земли и лишь к 1829 году стало означать участок любой протяженности и конфигурации. Употребление block зафиксировано в AuE в 1841 году.

Location зафиксировано в АЕ в 1809 году как термин, означавший участок земли ограниченных размеров, подлежащий обычно продаже. Ранее в этих значениях использовался термин plantation. В AuE location зафиксировано в 1822 году.

В новой языковой обстановке в словах township, section, block и location происходит постепенное ослабление значений, специфичных для АЕ, постепенная кристаллизация австралийских значений и, как конечный результат процесса, — образование, по терминологии А. Д. Швейцера, лексико-семантических дивергентов с односторонней или двусторонней локальной маркированностью. Примером последнего является слово township:

<p>township</p> <p>AE</p> <p>a village</p> <p>a division of a country</p> <p>a unit of geodetic survey=36 sq. m.</p>	<p>Common English: collection of residences</p> <p>AuE</p> <p>a site for a small town, a village</p>
--	--

На карте Австралии, изданной в 1938 году в Канберре, дается следующая градация городов по числу жителей:

capital cities, towns (ranging in population from “above 20,000 to below 1,000”) and townships (minor settlements, homesteads, etc.). Таким образом, township здесь определяется как поселение с населением менее тысячи [27, с. 22].

В настоящее время намечается тенденция к вытеснению township из официальной переписки, справочников и к замене его словом town, хотя в устной форме литературного языка, а также в просторечии township по-прежнему широко употребляется в Австралии.

Последующая группа заимствований bushranger, landshark, и squatter вошла в общее употребление довольно быстро.

Bushranger было заимствовано из АЕ, но в значении «человек, живущий в лесу». В дальнейшем, с появлением беглых преступников, которые прятались в лесах, живя грабежами, bushranger в АuЕ стало означать грабителя, разбойника. Негативное значение закрепилось в словарях только за австралийским вариантом слова. Однако, следует иметь в виду, что бушрейнджеры, их дерзкие вылазки против «власть имущих», безудержная удаль и храбрость импонировали свободолюбивым тенденциям, живущим в народе. Имена некоторых из них стали нарицательными, олицетворяя мужество и удаль, например, game as Ned Kelly (храбрый, как Нэд Келли).

Существительное landshark употреблялось в США с 1829 года. С 1841 года отмечается употребление слова landshark в функции глагола. В АuЕ оно впервые используется в 1853 году. Однако старое английское слово landjobber, зарегистрированное в OED с 1745 года, до середины XIX века употребляется в Австралии чаще, чем landshark.

Слово squatter, образованное от глагола to squat (букв. сидеть на корточках), вошло в АuЕ в 20-30-е годы XIX века. Как и в случае с township, здесь наблюдается семантическая дивергенция. Вначале squatter в АuЕ означало то же, что и в АЕ (фермер, занимающий чужую или незанятую землю) с соответствующими негативными оттенками. Но уже к 1840 году squatter в АuЕ означало человека, занимающего принадлежащую правительству (штата) землю на основании лицензии. Скваттер в Австралии, как правило, не земледелец, а скотовод. Исчезает и негативная коннотация. Один из тогдашних правителей Австралии описывает (в 1840 году) скваттеров «... as a class of persons

whom it would be wrong to confound with those who bear the same name in America».

Как известно, лексическое развитие заимствованных слов служит своего рода показателем завершения их ассимиляции. Применительно к слову *squatter* это произошло к середине прошлого века, когда в АУЕ вошли в употребление его производные: *squattocratic*, *squattocracy*, *squatterdom* (*squatters*, collectively, or pertaining to them), *squatting* (pertaining to a squatter's activities) и др.

Squatter в современном АУЕ знаменует дальнейшее расширение значения и используется как стилистический синоним слова *pastoralist* (крупный фермер-скотовод).

Вторая группа заимствований из АЕ относится, в основном, к области горнодобывающей промышленности. Наиболее ранние из них заимствованы из литературы о золотых приисках Калифорнии, появившейся в Австралии в 1848 году. Наиболее интересной в этом отношении была книга С. Раттера «Полезные советы золотоискателям», подробно описывающая процесс золотодобычи в Калифорнии и объясняющая новые для австралийцев термины (*cradle*, *bar*, *digger*, *prospecting rap* и т.д.). Раттер называет золотоискателей *gold hunters* — новой для АУЕ лексической единицей. Некоторые из терминов, выдаваемые Раттером за «американизмы», фактически являлись диалектизмами, попавшими в Америку из Англии. Так, слово *cradle* (промывочный ковш) было известно горнякам Норткумберленда задолго до «золотой лихорадки» в Америке. *Cradle* быстро вошло в АУЕ и как существительное, и как глагол, но с несколько измененным, по сравнению с оригинальным, значением. Широко известное в настоящее время слово *digger* (ставшее нарицательным для обозначения австралийского солдата) было известно в Англии с XVI века. В начале XIX века оно получило широкое распространение в Америке, как один из синонимов слова *prospector* золотоискатель. В АУЕ оно заимствовано с этим широким значением, однако вскоре оно претерпевает сужение значения, означая лишь тех золотоискателей, которые добывают золото в пластах мелкого залегания. Слово очень быстро, в течение нескольких лет, вошло в АУЕ, дав производные *diggerman*, *diggeress*, *diggerdom*, *diggerism*. Наряду с ними появились просторечные аналоги *diggin* и *diggins*, но оба оказались недолговечными. Претерпев незначительные изменения в плане содержания, эта группа слов употребляется в АУЕ и в настоящее время.

Со времени первой мировой войны digger стало употребляться также в переносном смысле для обозначения австралийского (затем и новозеландского) солдата, (а иногда жителя Австралии вообще), вытеснив сленговые Tommy, Cornstalks, Tommy Kangaroo и пр. В этом значении слово digger также послужило основой для лексического развития (digger dialect, dinkum digger, digger so-and-so, digger-ish).

Часть слов выступала в роли заместителей терминов на первом этапе золоторазработок, когда использовались примитивные подручные средства, уступившие затем место другим технологическим процессам (и, соответственно, другой терминологии). Здесь можно отметить такие слова, как bowie knife, splitrail fence, corduroy road и пр. Термин corduroy road (дорога через болото, устланная ветвями деревьев), например, использовался и в США и в Канаде в 20-30 годы XIX века и в середине XIX века вошел в AuE, но не получил широкого распространения в Австралии.

При объяснении тех или иных тенденций развития AuE в раннем периоде иногда напрашивается аналогия с историей английского языка периода колонизации Америки. Сопоставления подобного рода, однако, относительны. Нельзя забывать о различии эпох, не говоря уже об уникальности и неповторимости фауны и флоры, естественно-географических и климатических условий Пятого континента, о различиях в социальном составе переселенцев из «старого света», различиях в формировании языковой обстановки в указанных странах и т.п. Следовало бы упомянуть и о других различиях. Выше говорилось о несопоставимости масштабов иммиграции в США и Австралию (соотношение 40 : 1).

Существенно отличался и характер связей «старого» и «нового» света. Факты свидетельствуют о том, что иммиграция в Австралию и связи последней со «старым светом» (в отличие от США) длительный период носили односторонний («центробежный») характер. Преимущественно односторонним был и поток информации¹.

Социальными последствиями подобной ситуации было то, что значительная часть инноваций в AuE того периода

¹ Скучные сведения о колонизации Пятого континента, например, не идут ни в какое сравнение с огромным количеством литературы об освоении «дикого Запада» в США.

(в отличие от АЕ соответствующей эпохи) практически не имела выхода в общеанглийский фонд и была локализована ареалом восточной Австралии. Этим, в частности, объясняется несравнимо меньший удельный вес «австрализмов» в общеанглийском фонде по сравнению с соответствующей долей «американизмов» на раннем этапе колонизации страны. Любопытной в этом отношении является судьба многих терминов, относящихся к области овцеводства. Исконно английские термины *stock* и *gun* и их производные, например, в результате комбинированного воздействия внешних и внутренних законов развития языка в условиях Пятого континента, претерпели изменения как в плане выражения, так и в плане содержания, изменили свои синтагматические и парадигматические связи, стали типичными «австрализмами». Они вошли в состав литературной лексики АиЕ, однако остались, в лучшем случае, на периферии основного общеанглийского словаря. Аналогична судьба некоторых профессионализмов времен «золотой лихорадки».

В то же время многие американизмы типа *tomato*, *potato*, *tomahawk*, также пришедшие в АЕ «извне», довольно быстро вписались в общеанглийский лексический фонд, стали употребляться и за пределами США, перешли в разряд этимологических американизмов.

Можно говорить и о других различиях в становлении указанных вариантов.

* * *

Заметным событием, подытоживающим развитие АиЕ в ранний период, был выход в свет в 1898 году двух серьезных лексикографических трудов по английскому языку в Австралии: словаря Е. Морриса¹ и словаря Д. Лэйка.² Оставляя в стороне вопрос о полноте³, с которой указанные словари отразили «австралийский элемент» английского языка, насчитывавшего к тому времени 110 лет

¹ *Morris E. E. Austral English. A Dictionary of Australian Words, Phrases and Usages. London, 1898.*

² *Lake J. A Dictionary of Australian Words. Australian Supplement to Webster's International Dictionary. Springfield, Mass., 1898.*

³ Почти все австраловеды отмечают крайне неполный характер указанных словарей. Так, редактор словаря *Webster's International Dictionary*, в качестве дополнения к которому был издан словарь «австрализмов» Д. Лэйка, писал, что «автор мог бы при желании без труда удвоить объем «дополнения».

непрерывного развития в условиях Пятого континента, нельзя не отметить, что оба они выгодно отличались от всех предшествующих (и ряда последующих) лексикографических изданий, прежде всего, научной добросовестностью, объективностью и сыграли важную роль в формировании национального варианта литературного языка в Австралии. Велико значение указанных словарей и в стимулировании интереса общественности, в частности, лингвистических кругов к более широкому и систематическому изучению AuE. При этом идеи «национальной исключительности», невольно отражавшиеся в данных словарях, попали на благоприятную почву: в Австралии создались условия для объединения нации, и с 1901 года Австралия стала формально независимым государством (доминионом в составе Британского содружества наций).

Моррис впервые применил принципы, лежавшие в основе составления Большого Оксфордского Словаря, для подготовки словаря английского языка в Австралии. В частности, в его словаре каждый «австрализм» иллюстрировался примерами, что позволяло более полно понять диапазон его значений, полисемию, синонимию и пр. Лэйк в своем «австралийском» приложении к словарю Вебстера значительно дополнил картину развития и состояния AuE, предпослав словарю статью об английском языке в Австралии к концу XIX века.

Если прежние лексикографы, как например, Ленцнер, колебались в отнесении того или иного слова к AuE, сомневались в принадлежности ряда слов к Standard English или к слэнгу, то Моррис и Лэйк дают свою классификацию «австрализмов». У Лэйка, например, выделяется пять главных классов маркированных лексических единиц: местные заимствования; «новые слова или выражения, образованные колонистами на основе существующих слов английского языка»; провинциальные слова, «которые получили более широкое распространение в колонии»; общая научная терминология и «английские слова и выражения, которые употребляются в колонии в более или менее отличном (по сравнению с Англией) смысле». У Морриса менее четкая классификация, чем у Лэйка (у него девять классов подобных лексических единиц), но существенно, что оба они признают наличие нового ответвления (a new branch) английского языка, который Моррис назвал Austral English. Austral English по определению Морриса — это все те новые слова и новые значения существующих

слов, которые обогатили английский язык в силу того, что его носители избрали своим местом жительства Австралию, Тасманию и Новую Зеландию.

Выход в свет словарей Е. Морриса и Д. Лэйка знаменовал собой завершение (хотя и неполной, спорадической) теоретической разработки отдельных сторон AuE в ранний период и, что более важно, положил начало кодификации национального варианта литературного английского языка в Австралии.

Наконец, выход в свет этих словарей знаменовал собой международное признание того факта, что в Австралии к этому времени существовало самостоятельное ответвление английского языка (*independent and respectable branch of English*), хотя природа этого нового ответвления была во многом еще неясна.

* * *

Подводя итог рассмотрению развития AuE в ранний период, можно было бы сделать следующие выводы:

1. Своеобразные этнографические и социальные условия Австралии, исторические особенности рассматриваемого периода обусловили расхождения между британским вариантом английского языка и тем английским языком, который был в конце XVIII века завезен в Австралию и развивался в условиях относительной изоляции в течение 110 лет (ранний период).

2. Формирование AuE на раннем этапе в значительной степени характеризовал стихийный процесс, в котором было много противоречивого: старое архаичное переплеталось с новым, оживающее с перспективным, консервативное с динамичным. Это относилось и к социальным и к собственно лингвистическим факторам, определившим дальнейший характер и особенности английского языка в Австралии.

3. Социальные условия этого периода предопределили такие процессы, как взаимодействие и «выравнивание» различных диалектов, завезенных в Австралию, осуществление первой волны заимствований в результате языковых контактов (с аборигенами и иммигрантами неанглийского происхождения), постепенное накопление и кристаллизация элементов субстанции и структуры национального варианта литературного языка. Они же предопределили уникальную особенность AuE — гомогенность языка, уни-

фикацию норм произношения и практическое отсутствие территориально-диалектных разновидностей AuE на всей территории Австралии.

4. Собственно лингвистические процессы, предопределенные указанными выше социальными условиями, проявились в отклонениях от британского образца в наиболее подвижных областях языка — в области фонетики и лексики.

В указанный период в Австралии складывается тип произношения, определенно отличающийся от Standard British English и близкий по целому ряду признаков тому типу произношения, который в настоящее время называется Broad Australian. В этот же период отмечается становление еще одного типа произношения General Australian, занимавшего как бы промежуточное положение между литературным произношением (в тот период Standard British) и просторечным BrAu. Поскольку, однако, к концу рассматриваемого периода австралийский вариант литературного произношения не утвердился, указанные выше отличия от BE носили, главным образом, диалектный характер.

5. Рассматриваемый период сыграл важнейшую (по мнению ряда австраловедов, в том числе У. Рэмсона [49, с. 94], даже решающую) роль в формировании AuE в области лексики. Анализ показывает, что этот период характеризовался интенсивным процессом накопления «австралийских» элементов как литературного, так и нелитературного словаря AuE. Вопреки утверждениям ряда лингвистов (в частности, С. Бейкера), отстаивавших идею «особого» развития AuE и становления «австралийского языка», английский язык в Австралии в указанный период развивался как естественное продолжение BE на основе множества региональных диалектов, завезенных из Великобритании, под знаком тесных связей с метрополией и контролирующего влияния Standard British English.

Изменения в лексике коснулись не только лексических единиц, находившихся на периферии словарного состава, но и таких обычных слов, как *woods, fields, village* и других, многих сотен слов, связанных с предметами и явлениями окружающей природы и, в особенности, с наименованием особей фауны и флоры.

В ряде случаев новые лексические единицы (австрализмы) становятся основой интенсивного словообразования (см. *stock, dinkum, bush*), основой развитых лексико-

семантических, лексико-стилистических и словообразовательных парадигм, что свидетельствовало об известном углублении лексико-семантической дифференциации AuE — BE и становлении литературной нормы AuE.

6. Большинство лексических инноваций, вошедших в AuE в качестве основы складывавшегося литературного словаря AuE, образовано на базе исходного «английского материала» с помощью простейших структурных моделей, и в этом отношении формирование литературной нормы AuE аналогично формированию нормы в АЕ и других вариантах английского языка, однако, в отличие от АЕ, в лексических инновациях значительно меньшую роль играют переносные значения слов, игра слов и пр. Элементы сложных слов и словосочетаний выступают, как правило, в прямом значении.

7. Известную роль в формировании AuE в этот период сыграли местные диалекты, завезенные в Австралию из Великобритании, а также заимствования из языка аборигенов, однако не следует преувеличивать роль тех и других.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ И ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В АВСТРАЛИИ

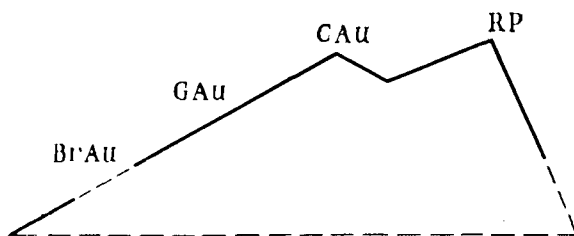
ФОНЕТИКА

Подобно тому как «национально негомогенный стандартный (литературный) язык» существует в принципе только как абстракция и практически и в письменной и в устной форме реализуется в виде вариантов [4, с. 19], английский язык в Австралии на уровне звуковой системы реализуется в виде национально окрашенных, принятых и установившихся в речи различных типов произношения. До последнего времени считалось, что существует два основных (поляризованных) типа произношения, получивших название Educated Australian (English) или Cultivated Australian (English) и Broad Australian (English), т.е. литературное или «культурное» произношение и просторечное произношение. Впервые эту классификацию предложил проф. А. Митчелл в своей монографии "The Pronunciation of English in Australia", вышедшей в 1946 году. С тех пор основные положения монографии стали традиционными и не оспаривались в австралистике, а сама монография заняла место в рекомендательном списке основных трудов по английской фонетике у многих лингвистов, включая Д. Джоунза [41, с. 14]. В начале 60-х годов в результате серьезных исследований, сопровождавшихся уникальным по масштабам экспериментом, в ходе которого были записаны на пленку и проанализированы образцы речи более 9000 информантов в 327 школах во всех штатах страны, группа австралийских ученых, возглавляемая А. Митчеллом и А. Делбриджем, пришла к заключению, что доминирующим типом произношения AuE, которое, видимо, придерживается большинство населения страны, является так называемый General Australian (English), т.е. общеавстралийский полудиалект.

Вывод ученых о существовании GA, т.е. типа произношения, занимающего промежуточное положение между

литературным произношением SAu и просторечным BgAu не случаен: этот вывод был подготовлен всем ходом исторического развития английского языка в специфических условиях Пятого континента. Действительно, с самого начала колонизации социальные¹ условия воспрепятствовали обособлению этнических групп и укреплению позиций диалектов, завезенных из Великобритании, как это было в свое время в США, и, наоборот, всячески благоприятствовали непрерывному «перемешиванию» различных диалектов и говоров, «размыванию их с двух концов»² (по выражению В. Жирмунского) и диктовали необходимость междиалектного орудия коммуникации.

Соотношение трех указанных типов SAu, BgAu и GAu, с одной стороны, и стандартного английского (RP), — с другой, можно было бы представить в виде двухвершинного треугольника, одна из вершин которого занята RP, а другая (меньшая) занята SAu. В этом случае одна из его сторон («австралийская» — пологая) занималась бы GAu и BgAu, а на другой, более крутой, располагались бы различные виды британского нелитературного произношения.



Указанное деление на SAu, GAu и BgAu в известной мере условно. Фактически картина произношения сложнее. Во-первых, исследователи произношения AuE сталкиваются (как и в других англоговорящих странах) с явлениями

¹ В некотором смысле также и естественно-географические условия, поскольку они долгое время служили препятствием, сдерживали освоение страны «вглубь», ограничивали поселения своего рода «пяточком» на восточном побережье страны, где проходила непрерывная миграция и «перемешивание» населения.

² Имеется в виду, что верхушка села (основного оплота диалекта) тянется к городу (где сильнее позиции интердиалекта и языка «цивилизации» — литературного языка), с другой стороны, в села идут горожане — сезонные рабочие.

промежуточного порядка, с образцами речи, в которых смешиваются элементы, присущие различным типам произношения. Это проявляется часто в речи иммигрантов-англичан, которые пытаются имитировать новое для них произношение. Во-вторых, следует учитывать явление бидиалектизма, проявляющегося, в частности, в том, что иммигранты — носители диалектов продолжают использовать диалект в семейной, бытовой обстановке, но в школе и в деловой обстановке переключаются на принятый «стандарт». С другой стороны, носители SAu и GAu могут, в известной степени, свободно переключаться на BgAu, когда, по их мнению, это желательно. «В речи многих австралийцев, — отмечают А. Делбридж и Дж. Бернارد, — проявляется тенденция к избирательности того типа произношения, который более всего соответствует данной обстановке. Этот процесс, как правило, бессознателен, но наблюдения показывают, что общая тенденция сводится к выбору BgAu, когда обстановка более свободная, менее официальная и, наоборот, SAu, когда обстановка официально-деловая» [34, с. 60]. В-третьих, незначительная часть населения в силу ряда причин (требования к произношению, предъявляемые некоторыми профессиями, подражание «престижному» образцу, семейные традиции и т.д.) пытается имитировать в речи британский произносительный стандарт (RP), например, использует /a/ заднего ряда, вместо SAu /A/ переднего, но при этом обнаруживает в своем произношении отдельные черты, присущие австралийским типам произношения (SAu, GAu). В этом случае произношение приближается к образцу, который проф. А. Митчелл называет Modified Australian (MAu) [47, с. 1].

Основные типы произношения AuE не являются региональными вариантами произношения. Все они распространены (взаимосуществуют) на территории всей страны. И хотя указанные типы произношения не асоциальны, это не означает, что за каждым из подвидов произношения «закрепляется» определенный «коллектив сношений». Существует достаточно большая вариативность норм произношения в зависимости от ситуации общения. В этом же направлении действуют и другие социальные факторы (вид и качество полученного образования, место рождения и жительства, возраст, пол, семейные традиции и пр.) По мнению А. Делбриджа, речи юношей более присущ GAu и BgAu, в то время как девушки чаще говорят на GAu

и SAu. Cultivated Australian обычно связывают с более высоким уровнем образования и профессиональной подготовки, получением образования в частных школах и проживанием в городах.

Указанные типы произношения отличаются также просодическими факторами (ударением, интонацией, ритмом и т.д.) и другими аспектами (например, BgAu присуща назализация, различного рода ассимиляция, замедленный темп речи и пр.). Ближе всего к британскому стандарту (RP) из указанных типов является SAu, считающийся в Австралии нормированным типом произношения.

Несмотря на то, что каждый из указанных типов может быть относительно легко идентифицирован, между ними не существует жестких границ. Взаимопроникновение элементов «соседних» типов особенно значительно «на стыках» BgAu и GAu, GAu и SAu. Менее характерно одностороннее проникновение элементов RP в указанные типы. По мнению А. Митчелла, «носители BgAu и GAu положительно воспринимают SAu, но их позиция по отношению к некоторым типам южноанглийского литературного произношения или утонченным формам негативна» [45, с. 11].

Все указанные типы AuE противопоставляются на уровне звуковой структуры друг другу (в разной степени), а все вместе — RP. Кроме указанных типов (SAu, GAu и BgAu) в Австралии на данном уровне не отмечается (кроме отдельных случаев регионализма) сколько-нибудь заметных диалектных (региональных или зональных) отклонений. В этом отношении языковая обстановка в Австралии, на территории целого континента, является уникальной,¹ не имеющей аналогии ни в одной «англоговорящей» стране.

Относительная употребительность SAu, GAu и BgAu видна из следующих данных упоминавшегося эксперимента. Если число информантов (9000 человек) взять за 100%, то носители SAu составляют 11%, носители GAu — 55%, носители BgAu — 34%.

Между указанными типами AuE отмечается относительно высокая степень сходства.

С другой стороны, известно, что RP также не является жестко унифицированным вариантом произношения, до-

¹ Речь идет об английском языке. Что касается местных говоров, то, по мнению специалистов (в частности А. Капелла), в 1963 г. на территории континента насчитывалось 633 говора (number of languages), из которых 375 относилось к числу быстро исчезающих (rapidly disappearing).

пуская в своих пределах известную вариативность. Известный английский фонетист А. Гимсон, например, выделяет в современном произносительном стандарте (RP) три варианта: «консервативное» RP (conservative RP), носителями которого является, как правило, старшее поколение; «общее» RP (general RP) — наиболее распространенное, известное под названием BBC English и так называемые «продвинутые» формы (advanced RP), типичные для речи молодежи или отдельных прослоек общества.

Степень общности CAu, GAu и BGAu, с одной стороны, и степень вариативности в RP, с другой, служит по мнению некоторых исследователей достаточным основанием (в ряде случаев) для сопоставления по линии RP — AuE (в целом). Как справедливо отмечает проф. А. Митчелл: «Любое письменное описание звуков речи Australian English, основанное на сравнении произношения австралийцев с RP, должно исходить из обобщения и нормализации индивидуальных особенностей говорящих и даже из обобщения вариативных типов произношения.» [46, с. 33]

* * *

Учитывая неоднозначность трактовки сходных (и даже тождественных) элементов сопоставляемых звуковых систем BE, AE и AuE в современном языкознании и, соответственно, наличие различных систем обозначения (транскрипций), используемых фонетистами, следовало бы уточнить некоторые положения, принятые в данной книге.

Прежде всего, при интерпретации долгих и кратких гласных следует присоединиться к мнению большинства фонетистов относительно того, что эти гласные различаются не только долготой, но и качественными характеристиками. Поэтому логично обозначать их различными транскрипционными знаками: /i/ и /i:/, /ɔ/ и /ɔ:/, /u/ и /u:/.¹ Звук долготы при этом будет излишним, т.к. долгота сама по себе не выступает в качестве самостоятельного дифференциального признака, за отдельными исключениями в AuE, о чем будет упомянуто ниже (при рассмотрении особенностей вокализма AuE.)

Границы между долгими гласными и дифтонгами в известной мере условны. С одной стороны, в определенных

¹ Здесь и далее в главе фонемы заключены в косые, а аллофоны — в квадратные скобки.

позиционных и просодических условиях долгие гласные /i/ и /u/ подвергаются дифтонгизации. Эти дифтонгизированные варианты («дифтонгойды» — по Л. Щербе) иногда обозначаются в транскрипции /ij/ или /i:/, /ɤu/ или /uw/. В сопоставляемых вариантах «дифтонгойды» встречаются и в речи австралийцев и в речи англичан: в AuE чаще, чем в BE.

С другой стороны, некоторые дифтонги в аналогичных условиях подвергаются монофтонгизации. И в этом случае прослеживаются определенные различия между AuE и RP на инвентарном и дистрибуционном уровне.

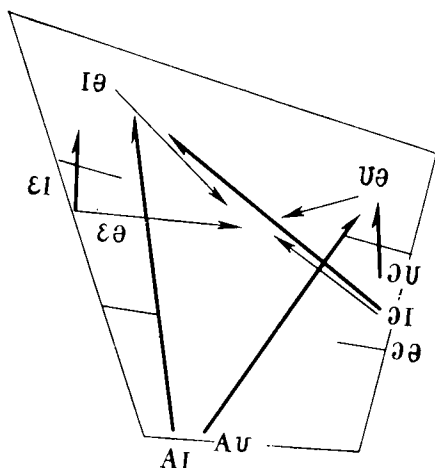
Долгие гласные и дифтонги, как и в «традиционной фонетике», рассматриваются нами в качестве единых фонем в противоположность трактовке Трейгера, Смита и других ученых, считающих их двухфонемными сочетаниями.

Наконец, следовало бы сказать несколько слов относительно системы транскрипции, используемой ниже. На первый взгляд, задача решается просто, в пределах общепринятой системы IPA (The International Phonetic Association), если принять за основу суженный вариант транскрипции (так называемый “narrow transcription”). Однако в этом случае для обозначения функционально идентичных, но различающихся по качественным характеристикам (а иногда и по долготе) звуков сопоставляемых вариантов, пришлось бы использовать один и тот же символ (например /a/ в слове father в RP и AuE), что оставляло бы открытым вопрос о различиях в звуковых системах AuE и RP. В самом деле, в приведенном выше примере в слове father в произнесении англичанина безошибочно угадывается гласный /a/ з а д н е г о ряда, низкого подъема, близкий к кардинальному № 5. В то же время в AuE в этом случае используется нелабиализованный долгий гласный п е р е д н е г о ряда широкой разновидности низкого подъема, для обозначения которого напрашивается другой символ. Еще сложнее обстоит дело в тех случаях, когда элементы коррелятивных пар в AuE и RP занимают различные положения на схеме кардинальных гласных, отличаясь друг от друга более чем по одному параметру (например, по высоте подъема и по продвинутости — ретракции, или по высоте — продвинутости — назализации и т.п.)

Понятно, что принятая система обозначения должна учитывать эти моменты. Поэтому в дополнение к символам IPA в AuE введены некоторые дополнительные символы¹.

¹ В перечне гласных монофтонгов AuE они отмечены звездочкой.

Общая картина дифтонгов AuE может быть проиллюстрирована следующей схемой:



К сказанному выше о системе транскрипции следует добавить, что для идентификации более узких, продвинутых и других диафонических вариантов фонем, там, где это необходимо, используются принятые IPA диакритические знаки (например, / ϵ^{\perp} / означает более узкую разновидность / ϵ / и т.д.)

На приведенных выше схемах некоторые расхождения при сопоставлении звуковых систем AuE и RP видны, что называется, невооруженным глазом. Они касаются, прежде всего, следующих восьми гласных:

/i/	как в слове	bitter
/ ϵ /	— ”” —	better
/ Æ /	— ”” —	batter
/ɔ/	— ”” —	sort
/z/	— ”” —	bird
/ə/	— ”” —	above
/A/	— ”” —	barter
/ $\bar{\Lambda}$ /	— ”” —	butter

Сопоставляя гласные /i/, /ɪ/, /e/, /æ/, относящиеся в RP к переднему ряду, с соответствующими гласными в AuE, убеждаемся, что последние занимают, в целом, аналогичное положение в координатной сетке гласных.

Вместе с тем нельзя не заметить одной черты, присущей всем указанным гласным AuE по сравнению с RP: эти гласные AuE /i, ɪ, ε, Æ/ уже соответствующих гласных RP.

Так, в RP /e/ на схеме кардинальных гласных расположен примерно на середине расстояния между кардинальными /ε/ и /e/. Австралийский /ε/ смещен вверх и находится в 2/3 расстояния от /ε/ до /e/. Аналогичное смещение в направлении более закрытой разновидности наблюдается в AuE у /Æ/, /i/, /ɪ/.

Различия между английским и австралийским /ɪ/ легко идентифицируются при произнесении слова *pit* в RP и AuE. В произнесении англичанина слышится широкое, отодвинутое назад /ɪ/ в первом слоге и еще более широкая разновидность /ɪ/ во втором. В произнесении австралийца слышится характерное узкое /ɪ/ в первом слоге и /i/ (т.е. еще более закрытая разновидность) во втором. Контраст между /i/ и широким английским /ɪ/ во втором слоге действует выделению оттенков различий английского и австралийского /ɪ/ в первом слоге *pit*. Наиболее закрытая разновидность /ɪ/ отмечается в речи носителей GAu и BrAu. Кроме того, для части носителей BrAu характерно использование удлиненного варианта /ɪ/ — /ɪː/, особенно в односложных словах под ударением (e.g. *My aunt was sick* [mɪ ʌnt wəz sɪk]).

Следует подчеркнуть, что в отличие от RP, /ɪ/ в AuE не встречается в открытом слоге в конце слов. Поэтому гласные в конце слов *pretty*, *valley*, *Dickie* следует рассматривать в качестве аллофонов /i/, а не /ɪ/. AuE /ɪ/ встречается в закрытом слоге (e.g. *language*, *electric*, *fighting*). Однако в этой позиции более характерным для AuE является появление нейтрального /ə/ (*roses* [rouzəz], *goodness* [gʊdnəs]). По мнению А. Делбриджа и А. Бернарда [34, с. 22], последнее является частным отличием нормы SAu от нормы RP, принятой в Англии (RP *roses* [rouzɪz]).

Гласный AuE /i/, как и в британском варианте, обнаруживает тенденцию к дифтонгизации (/iɪ/, /ij/ или /iij/). Последняя является не только следствием различных позиционных или просодических условий (для тех случаев, когда гласный находится под главным или второстепенным ударением, как в словах *rea* [rii], *machine* [məʃiɪn], *create* [krii'ɛɪt]), но и в результате стилистической дифференциации, точнее «интердиалектной вариативности произношения»¹. Так, по мнению А. Митчелла, чистый моно-

¹ Термин проф. В. А. Васильева.

фтонг /i/ встречается лишь в подчеркнуто литературном произношении части носителей САu, в то время как в речи остальных носителей САu /i/ встречается в свободной вариации с /i:/¹, либо последнее преобладает [47, с. 82]. Слышится /i:/ в этих случаях и в GAu. Для BrAu более характерна форма /əi/, так что feel в речи носителя BrAu слышится, как [fəi], соответственно: meal [məi], real [gəi], а центрирующий дифтонг /iə/ превращается в трифтонг /əiə/ (beer [bəiə]).

В GAu чистый монофтонг /i/, как правило, не употребляется, чаще встречается дифтонгоид /i:/ или дифтонг /əi/, отличающийся от BrAu /əi/ тем, что он уже по диапазону и короче последнего.

Фонетические различия /i/ в AuE и RP иллюстрируются следующими примерами:

	RP	САu	GAu
see	[si]	[sɪi(si)]	[səi]
feed	[fid]	[fɪid(fid)]	[fəid]
beat	[bit]	[bɪit(bit)]	[bəit]

О гласном /ε/ говорилось выше. Его диафоническими вариантами в GAu и BrAu являются, соответственно, олее узкие разновидности /ε[⊥]/ и /ε[⊥]·[⊥]/.

Если вспомнить, что в RP норма допускает вариативность /ε/ в довольно широком диапазоне почти от кардинального № 2 до № 3 и почти до /ə/ [41, с. 35], то можно констатировать, что данный монофтонг не обнаруживает существенных различий в AuE и RP.

В качестве первого элемента дифтонга /εi/ в САu используется либо /ε/, либо /e/, первое чаще. Более широкая разновидность ядра по сравнению с /ε/ наблюдается в Австралии только в речи носителей, которые «копируют» RP (так называемый Modified Australian English).

В транскрипции, используемой некоторыми фонетистами в Австралии, дифтонг /εi/ иногда изображается символом /e·/. Можно согласиться с А. Д. Швейцером и другими советскими лингвистами, считающими, что традиционный английский символ /εi/ или /e·i/ более точно отражает фактическое произношение, в особенности в тех случаях, когда дифтонгальный характер гласного не вызывает никаких сомнений (например, в ударных открытых слогах).

¹ Интересно в связи с этим, что /i:/ в конечном положении (как в [sitii] — city) преобладает и в речи новозеландцев.

В GAu и BrAu вместо /eɪ/ используется /ɛ̄ɪ/. Видимо, этим, отчасти, объясняется тот факт, что для некоторых носителей нормированного произношения CAu также характерно использование дифтонга /ɛ̄ɪ/ вместо /eɪ/ (своего рода «языковая солидарность»). Однако последнее наблюдается только в случаях, исключающих недоразумения понимания слов (слова типа bison, mile см. ниже).

Фонетические различия дифтонга /eɪ(eɪ)/ в RP и AuE иллюстрируются следующими примерами:

	RP	CAu	GAu	BrAu
say	[seɪ]	[sɛɪ]	[sɛ̄ɪ]	[sɛ̄·ɪ]
made	[meɪd]	[mɛɪd]	[mɛ̄ɪd]	[mɛ̄·ɪd]
male	[meɪl]	[mɛɪl]	[mɛ̄ɪl]	[mɛ̄·ɪl]

Время от времени можно слышать утверждения (чаще всего от людей, поверхностно знакомых с особенностями произношения AuE), что из-за «неправильного произношения» австралийцами дифтонгов, особенно дифтонга /eɪ/, англичанину иногда трудно понять, о чем идет речь.

На эту тему известно немало смешных историй. Так, в одной из них говорится о том, что австралийцы известны в мире как любители природы, в частности, экзотических животных. Но наиболее необычным в этом плане субъектом, видимо, был один австралиец, путешествовавший на теплоходе, который всякий раз, когда море начинало штормить, требовал в свою каюту «бизона» “bison” (речь шла в данном случае о гигиеническом тазике — basin).

Об аналогичном случае взаимного недопонимания говорилось в шуточной заметке, опубликованной в *Sunday Telegraph*, цитировавшей разговор австралийца с американкой:

I inquired at the *New York Times* Office for the editorial file of clippings on alients.

I asked, very clearly, “May I have your ‘Race’ file?” They handed me, very efficiently, a voluminous and informative dietetic file labelled “Rice”.

Learning from experience, I tried to spell the name “Bai-ley” on the telephone.

“‘B’ for ‘bread’, ‘A’ for ‘Adam’”, I began.

“‘Eye’ for ‘Adam’,” the girl repeated in surprise. “You mean ‘Eye’ for ‘Izzy’, don’t you?”

Из этих полуанекдотических случаев иногда делаются выводы, что австралийцы не различают /eɪ/ и /aɪ/ и что

оппозиции типа *bison* — *basin*, *mile* — *male* и т.п. нейтрализованы.

На самом деле, австралийцы, как правило, произносят слова типа *basin*, *male* как [b̄l̄ɪsn] и [m̄l̄ɪl], а *bison* и *mile* — соответственно [b̄vɪsn] и [m̄vɪl], т.е. фонематический контраст налицо. Возможные недоразумения возникают лишь в случаях междиалектной коммуникации (носители RP — носители GAu или BrAu или общение типа SAu — BrAu), поскольку дифтонг /̄l̄ɪ/ «напоминает» /aɪ/ (или даже /æɪ/), хотя, строго говоря, сказать, например, что /t/ «напоминает» /d/ еще не означает, что /t/ = /d/, т.е. признать, что они идентичны.

Здесь проявляется действие закона «сходства» соседних звуков (так называемое *similitude*¹, т.е. уподобление в артикуляции, оглушение, назализация и пр.).

Явление *similitude* наблюдается как у согласных, так и у гласных. Так, гласный /u/ под влиянием предшествующего ему /j/ становится более передним: ср. *muse* и *moop*.

У гласных переднего ряда наблюдается ретракция, когда они предшествуют «темной» разновидности и т.д.

Если вернуться к примеру /̄l̄ɪ—aɪ/, то можно обнаружить, что англичане, в фонемном инвентаре которых отсутствует /̄l̄ɪ/, но есть /aɪ/, артикулируемый в определенном диапазоне, видимо, воспринимают /̄l̄ɪ/ как некое «допустимое» отклонение, «аллофон», контрастируя его с /eɪ/. Отсюда — откровенное недоумение [“Eye” for “Adam???”] англичанина (американца), когда он слышит «австралийскую» речь.

[Что касается дифтонга /Aɪ/ в SAu, то его отличие от /aɪ/ в более продвинутом характере ядра и более широкой разновидности глайда, так что SAu /Aɪ/ иногда транскрибируется /Aε/, в GAu и BrAu дифтонгу /Aɪ/ соответствуют /vɪ/ и /v·ɪ/.

Сравните:

RP	SAu	GAu	BrAu
high [haɪ]	[hAɪ] ([hAε])	[hɔvɪ]	[hɔ·vɪ]
time [taɪm]	[tAɪm]	[tɔvɪm]	[tɔ·vɪm]
bite [baɪt]	[bAɪt]	[bɔvɪt]	[bɔ·vɪt]

¹ В отличие от ассимиляции это явление проявляется в использовании (под влиянием дистрибуции) аллофонов с своей фонемы (ср. ассимиляцию [njuz] → [ˈnjuzspeɪrə] и “similitude” [u] ниже).

Интересно отметить, что, по мнению ряда лингвистов, в частности, Ч. Барбера, исследовавшего тенденции развития фонетической системы RP за последнее время, в нормированном произношении англичан все более закрепляется дифтонг с ядром /a/, близким к кардинальному гласному № 5 (/aɪ/ вместо /aɪ/). Если это так, то фонетические различия между дифтонгами /Aɪ/ в AuE и /aɪ/ в RP следует считать значительными.

Гласный /æ/ не обнаруживает существенных различий в сопоставляемых вариантах. Однако наличие диафонического варианта гласного в BgAu (более узкое и долгое /Æ/), в особенности его назализованной разновидности (как в [m̃Ætn]), видимо, послужило одним из оснований говорить об «австралийском акценте» английского языка.

При этом «акцент» ассоциируется в данном случае с назализацией. В действительности назализованный вариант /Æ̃/ перед /m/ и /n/ встречается в AuE (особенно в BgAu), но он встречается также и в британском и в американском и других вариантах английского языка.

Представляет интерес тенденция к удлинению /Æ/ во всех трех типах произношения в AuE. Как показывают наблюдения австралийских ученых А. Митчелла и Д. Делбриджа, тенденция к варьированию краткого и удлиненного /Æ/ достигла такой степени, что в последнее время делаются настойчивые попытки к выделению фонематического контраста /Æ/ ~ /Æ·/ в оппозициях типа:

hammer [hÆmə] ~ hammer (who hams) [hÆ·mə]

spanner [spÆnə] ~ spanner (that which spans) [spÆ·nə]
[46, с. 81].

И хотя убедительных доказательств в пользу этого предложения пока еще недостаточно, оно, по мнению ученых, заслуживает внимания, тем более, что из-за относительно распространенного использования в речи долгих монофтонгов вместо центрирующих дифтонгов в AuE гласные в ряде слов типа Bared, Mary, vary отличаются от коррелятов в bed, merry, very лишь долготой.

Гласный /Æ/ используется в качестве первого элемента дифтонга /Æʊ/, но только в GAu и BgAu, например: [hÆʊ], [sɔ'ɾÆʊnd], [krÆʊn]. В литературном произношении (CAu) ему соответствует /Aʊ/.

Гласный /A/, который в литературном английском произношении встречается только в качестве первого элемента дифтонгов /aɪ/, /aʊ/, используется в Австралии как моно-

фтонг. Такое же /A/, почти идентичное по артикуляции монофтонгу, используется и в качестве первого элемента дифтонгов AuE /Aɪ, Aʊ/.

Сопоставление австралийского /A/ с южноанглийским /ɑ/ (см. схему кардинальных гласных) наглядно показывает их фонетические различия. В то время как RP /ɑ/ занимает положение около кардинального /ɑ/, точнее на 1/4 расстояния от /ɑ/ до /a/ (№ 4), австралийское /A/ удалено от него на 2/3 расстояния. Имея в виду положение, занимаемое AuE /A/, его можно было бы определить как нелабиализованный напряженный долгий гласный переднего отодвинутого назад ряда, широкой разновидности низкого подъема.

Таким образом, будучи аналогичными по степени подъема, сопоставляемые гласные (/ɑ/ и /A/), с одной стороны, различаются по ряду: RP /ɑ/ — гласный глубокого заднего ряда, AuE /A/ — гласный переднего отодвинутого назад ряда; с другой — по степени использования в фонетической структуре соответствующих языковых систем: RP /ɑ/ используется в качестве монофтонга (car [kɑ], park [pɑk]), тогда как AuE /A/ играет двоякую роль (и монофтонга и ядра дифтонгов /Aɪ/, /Aʊ/).

Положение AuE /A/ на горизонтальной оси диаграммы (близость к центральной оси), его артикуляционно-акустические характеристики, на практике незначительно отличающиеся от соответствующих характеристик центральных гласных /ɜ, ə/ и гласного /ā/, объясняют до некоторой степени колебания австралийских фонетистов (и фонологов) в конституировании этой фонемы. Так, Митчелл и Делбридж, используя для нее символ /aɪ—/, подчеркивают, что во всех трех типах произношения в AuE ей присущи качества центрального гласного.

У Дж. Кокрейна наряду с /A/ в соответствующем фонетическом контексте используется широкая разновидность центрального гласного /ɜ/. А. Джоунз также относит /A/ к центральным гласным наряду с /ɜ/. Аналогичные колебания в оценке этого гласного наблюдаются и в фонологической интерпретации гласных AuE, что объясняется, по-видимому, недостаточной изученностью указанной проблемы.

Изменение (по сравнению с RP) качества гласного /A/ AuE ставит вопрос о соответствующей фонетической транскрипции: поскольку в AuE /A/, как в father [fɑðə] и как ядро дифтонгов /Aɪ/ и /Aʊ/ почти идентичны (ср. диа-

граммы кардинальных гласных и диаграмму дифтонгов AuE (приведенную выше), представляется возможность транскрибировать их одним условным знаком, а не двумя, как в RP. Сравните:

AuE	RP
father [fAðə]	father [fɑðə]
bind [bAɪnd]	bind [baɪnd]
bound [bAʊnd]	bound [baʊnd]

К гласным переднего ряда в AuE относится еще один представитель — /ā/ (как в слове *butter*). Судя по положению /ā/ на схеме кардинальных гласных (см. схему), он отличается от английского /ɑ/ и по высоте подъема языка (AuE /ā/ — нижнего подъема, RP /ɑ/ — широкой разновидности, среднего подъема) и по продвинутости (ряду). AuE /ā/ можно было бы определить как нелабиализованный ненапряженный краткий гласный переднего отодвинутого назад ряда узкой разновидности низкого подъема.

В силу его близости к центральным гласным отмеченные выше колебания фонетистов в отношении AuE /A/ в известной мере относятся и к /ā/. Наибольшее сходство /ā/ с центральными гласными и с австралийским /A/ наблюдается в BrAu. Последнее обстоятельство приводит к тому, что оппозиция типа *cut*~*cart*, *much*~*march* фактически нейтрализуются в речи и идентифицируются только по контексту. Тем не менее профессор А. Митчелл считает возможным отнесение /ā/, как и описанное выше /A/ в AuE, к гласным переднего ряда (см. схему классификации гласных ниже).

Гласный /ā/ в AuE (в отличие от RP /ɑ/) выступает также в роли первого элемента дифтонгов /āɪ/ (см. выше) и /āʊ/, /Æʊ/ в GAu и BrAu. В Cultivated Australian им соответствуют дифтонги /eɪ/ и /ou/. Ср., например:

RP	CAu	GAu	BrAu
so [sou]	[so ^ɪ ʊ ⁻ⁱ]	[sāʊ]	[sÆ̃ʊ]
gope [roup]	[ro ^ɪ -ɪʊp]	[rāʊp]	[rÆ̃ʊp]
holy ['houli]	['ho ^ɪ ʊ-ɪli]	['hāʊləɪ]	['hÆ̃ʊləɪ]

Центральные гласные в AuE /ə/, /ɜ/ (как в слова *above*, *bird*) уже соответствующих гласных в RP. Так.

английский /ə/ на схеме кардинальных гласных занимает положение на центральной линии почти на границе между полуоткрытыми и открытыми гласными. Австралийское /ə/ смещено почти к границе полуоткрытых и закрытых гласных. Аналогичное смещение в направлении к закрытым гласным у австралийского гласного /ɜ/, который, в произнесении многих австралийцев, занимает положение возле границы полуоткрытых и закрытых гласных (см. схему кардинальных гласных). Внутри упомянутых типов произношения AuE наиболее закрытые варианты /ɜ/ отмечаются у носителей ВгАи, наиболее открытая разновидность /ɜ/, довольно близкая к соответствующему гласному в RP, — в литературном произношении австралийцев. Гласный /ɜ/ в AuE, таким образом, может быть определен как небубализованный, напряженный долгий гласный смешанного ряда узкой разновидности высокого подъема.

Анализ различий в качестве этих гласных AuE и RP представляется существенным с практической точки зрения. Так, известно, что английские /ɜ/ и /ə/, произнесенные с несколько большим раствором, часто воспринимаются австралийцами как /æ/, что приводит иногда к недопониманию отдельных слов (австралийцу слышится в этом случае bad вместо bird, had вместо heard и т.п.).

Аналогичная ситуация имеет место с гласным AuE /æ/, воспринимаемым англичанами как /ɛ/ (map — men, band — bend и т.д.).

Среди гласных заднего ряда AuE /ɔ/ (как в слове sort) более закрытый, чем его британский коррелят /ɔ/ (см. схему кардинальных гласных). В то время как в RP этот звук на схеме расположен ниже кардинального /ɔ/, австралийский /ɔ/ находится выше кардинального. Аналогичное положение с австралийским /ɒ/ (как в got): он также является несколько более закрытым гласным по сравнению с британским коррелятом. Таким образом, гласный /ɔ/ можно определить как небубализованный напряженный долгий гласный глубокого заднего ряда узкой разновидности среднего подъема. В свою очередь австралийский /ɒ/ определяется аналогично с RP /ɒ/.

Некоторые исследователи, анализирующие монофонги современного английского языка в Австралии в сопоставлении с британским вариантом, отмечают системный характер различий между ними [46, с. 37; 52, с. 89]. В самом деле, как показывает анализ расхождений, все рассмотренные гласные AuE (в первую очередь гласные SAu)

обнаруживают определенную тенденцию: все они являются более продвинутыми вперед и более закрытыми гласными по сравнению с британскими (RP) коррелятами.

Не случайно проф. А. Митчелл пришел к выводу, что подобная тенденция является результатом соответствующего исторического развития AuE, в ходе которого произошел «сдвиг гласных», подобный хорошо известному явлению в BE, с оговоркой, однако, что масштабы и глубина последнего (в BE) были более значительными и что указанный «сдвиг гласных» в AuE может рассматриваться как начало более глубокого процесса [46, с. 37]. В связи с этим представляется убедительной следующая классификация гласных AuE (в сопоставлении с RP), предложенная проф. А. Митчеллом¹:

RP	AuE
<i>Гласные переднего ряда</i>	<i>Гласные переднего ряда</i>
[i], [ɪ], [e], [æ]	[i], [ɪ], [ɛ], [æ], [A], [ā]
<i>Гласные смешанного ряда (центральные)</i>	<i>Гласные центральные</i>
[ɜ], [ə]	[ɜ], [ə]
<i>Гласные заднего ряда</i>	<i>Гласные заднего ряда</i>
[ʌ], [ɑ], [ɔ], [ɒ], [u], [ʊ]	[ɔ], [ɒ], [u], [ʊ]

Сказанное выше о монофтонгах, касается, разумеется, и дифтонгов.

Поскольку гласные AuE /ɪ/, /ɛ/ и /ɔ/ более закрытого характера по сравнению с их коррелятами в RP, центрирующие дифтонги /ɪə/, /ɛə/ и /ɔə/ несколько отличаются от /ɪə/, /ɛə/ и /ɔə/ в RP. Как видно на схеме дифтонгов AuE (см. выше), ядра центрирующих дифтонгов AuE соответственно более закрытого характера (в сопоставлении с RP), а глайд /ə/ одновременно уже и короче южно-английского. Это иногда приводит к тому, что в речи многих австралийцев, носителей нормированного произношения SAu, глайд опускается (не слышен, не произносится), а ядро произносится с несколько большей долготой. Поэтому наряду с /ɪe/, /ɛə/ и /ɔə/ в AuE нормой допускаются

¹ С некоторыми оговорками, высказанными выше в отношении характера /ā/ и /A/.

дублетные /i/, /ε:/ и /ə/, как в словах here [hi], clear [kli], fair [fε:], store [stɔ]. При этом /ə/ и /ɔ/ употребляются в свободном варьировании, например, four /fɔ/ или /fɔə/. Иногда последнее можно услышать в рамках одного и того же слова (словосочетания): forty-four ['fɔti'fɔə].

Что касается дифтонга /ʊə/, то данные последних наблюдений А. Делбриджа, Дж. Бернарда и других австраликов свидетельствуют о том, что он употребляется, фактически, только в речи носителей так называемого Modified Australian English. Как правило, в этом случае употребляется монофтонг /u/, например: sure /ʃu/, poor /pu/ и т.д. Новой тенденцией последнего времени является использование вместо /ʊə/ и /u/ аллофонов /ɔ/ или /ɔə/, так что в речи носителей САи и ГАи слова sure, poor, tooor произносятся соответственно [ʃɔ] или [ʃə], [pɔ] или [pə], [tɔ] или [tə]. Для ВГАи характерна замена /ʊə/ или /u/ аллофонами /ɔ/ или чаще всего /əʊ/. Например: ВГАи security звучит как [sə'kjəʊrətɪ].

Фонетические различия между АиЕ и ВЕ можно проследить и на примере дифтонгов со скольжением к закрытому гласному.

Четыре дифтонга САи /εɪ/, /oʊ/, /Aɪ/ и /Aʊ/ имеют, в общем, незначительные отличия от соответствующих гласных в RP, что вызывается более закрытым и более продвинутым вперед характером глайда. Правда, в речи язык говорящего редко достигает крайних точек артикуляции, и поэтому расхождения с английским стандартом минимальны. Дифтонг /ɔɪ/ (как в boy) отличается от RP /ɔɪ/ качеством ядра и глайда (ядро занимает более высокое положение, находясь над кардинальным /ɔ/, а глайд — более закрытой и продвинутой вперед разновидности). Наибольшие расхождения в рассматриваемой области обнаруживаются в ГАи даже у тех его носителей, речь которых тяготеет, в общем, к нормированному произношению. Для ГАи характерны дифтонги /l̩ɪ/, /l̩ʊ/, /Aɛʊ/ и /vɪ/ и дифтонгизированные /i/, (/əɪ/) и /u/ (/əʊ/), иллюстрируемые следующими примерами: same [sɪm], Australia [ps'trɪlɪjə], gore [gɔp], how [hAɛʊ], high [hɔɪ]. Дифтонгизация /i/ и /u/ имеет место и в САи, приводя к образованию дифтонгоидов (см. выше), но в ГАи глайд приближается к центральному гласному, а весь дифтонг принимает вид /əɪ/: tea [təɪ], leaf [lɛɪf].

Подобным образом /u/ в ГАи принимает вид /əʊ/: two [təʊ], rule [rəʊl], you [jəʊ].

Фонетические различия между AuE и BE прослеживаются также в дистрибуции гласных, в частности, /ɪ/ и /ə/. В определенных позиционных и просодических условиях эти различия касаются целых разрядов слов, например, окончаний глаголов 3 лица ед. числа, настоящего времени: RP banishes ['bæniʃɪz], CAu ['bæniʃəz]; соответственно: crosses ['krɒsɪz] — ['krɒsəz]; pushes ['pʊʃɪz] — ['pʊʃəz].

В связи с этим любопытно, что в отличие от RP оппозиция dances~dancers в AuE нейтрализована: в обоих случаях в окончании слышится [əz] (в RP в первом случае произносится [ɪz], во втором — [əz]).

* * *

Фонетические расхождения между AuE и RP очевидны также из сопоставления следующих групп слов:

а) существительные (во множественном числе):

RP	AuE
arches ['ɑ:tʃɪz]	['ɑ:tʃəz]
speeches [spi:tʃɪz]	['spi:tʃəz]
horses ['hɔ:sɪz]	['hɔ:səz]

Оппозиция типа [ɪz]~[əz] (как в словах boxes~boxers), характерная для RP, в речи австралийцев нейтрализована— (в обоих случаях слышится [əz]).

б) прилагательные (в превосходной степени сравнения):

RP	AuE
biggest ['bɪgɪst]	['bɪgəst]
darkest ['dɑ:kɪst]	['dɑ:kəst]
loveliest ['lʌvli:st]	['lʌvliəst]

в) существительные, прилагательные, глаголы, наречия, числительные с префиксами de-, e-, be-, pre-, re-, e-, se-:

RP	AuE
department [dɪ'pɑ:tmənt]	[də(ɪ)'pɑ:tmənt]
decay [dɪ'keɪ]	[də(ɪ)'keɪ]
electric [ɪ'lektrɪk]	[ə'lektrɪk]
below [br'loʊ]	[bə(ɪ)'loʊ]
begin [br'gɪn]	[bə(ɪ)'gɪn]
prevent [prɪ'vent]	[prə(ɪ)'vent]

eleven [i'levn]
restrain [ri'streɪn]

[ə'levn]
[rə(i)'streɪn]

Известные закономерности обнаруживает также группа слов на -ity:

RP	AuE
capacity [kə'pæsɪtɪ]	[kə'pÆsəti]
quality ['kwɒlɪtɪ]	['kwɒləti]
tenacity [tə'næsɪtɪ]	[tə'nÆsəti]

При этом в GAu различия еще более значительны: вместо [ɪtɪ] (как в RP) почти всегда слышится [ətəɪ], например: density ['densətəɪ], ferocity [fə'rɒsətəɪ], security [sə'kjʊərətəɪ] и т.д.

Наконец, довольно многочисленны расхождения у отдельных слов (коррелятивных пар). Сравните, например, произнесение следующих слов в RP и AuE:

RP	AuE
accent(s) ['æksənt(s)]	['Æksənt]
income ['ɪnkəm]	['ɪnkɫəm] или ['ɪŋkɫəm]
combat ['kɒmbət]	['kɒmbÆt]
steadfast ['stedfəst]	['stɛdfɛst]
medicine ['medɪsən]	['mɛdɛsən]
Monday ['mʌndɪ]	['mɫɛndɛɪ]

«Фонетические варианты слов» (термин А. И. Смирницкого), рассмотренные выше, условно подразделяются на две группы: а) единицы с односторонней локальной маркированностью («бритицизмы» — «австрализмы»), б) единицы с двусторонней локальной маркированностью, различие между которыми прослеживается только по линии употребительности (частотности). К первым относятся, в частности, immediate [i'mɪdʒət], кимоно [kɪ'moʊnoʊ], projectile ['prɒdʒɪktɪl] и др. («бритицизмы»)¹, и, соотв. [i'mɪdʒət], [kɪmənəʊ], [prə'dʒektɪl] («австрализмы»). Ко вторым относятся такие пары, как aquatic [ə'kwætɪk], [ə'kwɒtɪk], auction ['ɔ:kʃn], ['ɒkʃn], jubilee ['dʒubiːli], [dʒubə'li], в которых первый вариант более употребителен в RP, а второй — в AuE.

¹ В АЕ: [i'mɪdʒɪt], [kə'moʊnə] ([kɪ'moʊnoʊ]), [prə'dʒektɪl].

Незначительные расхождения между AuE и RP наблюдаются также в области ударения и интонации, хотя эти вопросы относятся к числу наименее изученных в австралистике.

Как и в других вариантах английского языка, в AuE ударение в слове, состоящем из двух слогов, падает, как правило, на первый слог. Относительно многослоговых слов действует то же правило, что и в BE: сочетаемое с фразовым, словесное ударение выделяет тот или иной слог таким образом, чтобы избежать появления серии неударных слогов. В этом же направлении действует и второстепенное (вспомогательное) ударение. Это объясняется законом «экономии усилий» произношения, проявляющимся в любом языке. Проще сказать [lə'brɛtrɪ], чем [læbrɛtrɪ]. Кроме того это происходит под влиянием «закона аналогий»: производное [kən'vɜsənt], естественно, произносится таким образом по аналогии с [kən'vɜs] converse¹.

Вместе с тем в речи австралийцев обнаруживается тенденция к выделению в слове корневого слога, причем далеко не все «речевые новшества» в этом плане поддерживаются литературной нормой SAuE. Так, если произнесение [hɒs'pɪtəbl] hospitable, [ɛks'kwɪzət] exquisite, [ɪn'trɪkəsi] intricacy, [kən'trɒvəsi] controversy стало нормой (наряду с традиционными формами), то произнесение [ædvə'taɪz-mənt] advertisement, [træns'fɜrəns] transference и некоторые др. (особенно присущие речи молодежи) рассматриваются как просторечные варианты.

Существуют различия между AuE и RP также во фразовом ударении и ритме предложения (речи). Австралийцы предпочитают более частое выделение ударных слогов по сравнению с носителями BE. Например, по нормам RP в следующих предложениях наблюдается по два ударения: 'Half a round of 'butter и 'All the way 'home. В соответствии с современной орфоэпической нормой AuE в подобных предложениях должно быть по три ударения: 'Half a 'round of 'butter и 'All the 'way 'home. С другой стороны, ударение в AuE менее интенсивно и отличается меньшим диапазоном по высоте тона. Последнее особенно ти-

¹ Действие «закона аналогии» не абсолютно: в других случаях место главного ударения определяется другими факторами (индикацией частей речи, например: ср. increase ['ɪnkri:s] л~ [ɪn'kri:s] в).

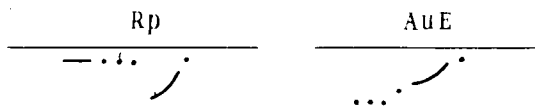
лично для носителей ВгАи. Кроме того, последних отличает также замедленный темп (ритм) речи: по данным эксперимента, для 8% носителей ВгАи типичен замедленный темп (по сравнению с 2% — для носителей САи и ГАи). Характерный рисунок «австралийской речи» создается также за счет протяжного произнесения неударных гласных: когда носители ВгАи (и, отчасти, ГАи) произносят [rəi'səiv] вместо «привычного» (для RP) [rɪ'siv], то четкой разницы между ударным и неударным слогом не ощущается. Именно поэтому австралийцев иногда упрекают в том, что их речь по звучанию монотонна. Вместе с тем, было бы упрощением полагать, что в АиЕ каждый слог в слове находится под ударением и что австралийцы «не чувствуют разницы» между ударным и неударным слогами.

Как справедливо заметил проф. А. Митчелл, перенося ударение то на long, то на way, то на go во фразе *It's a long way to go*, австралийцы «вполне понимают, что они хотят выразить».

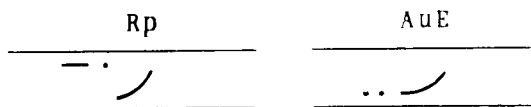
Ударение и ритм тесно связаны с интонацией АиЕ, которой также присущи некоторые отличия от ВЕ. Следует отметить, что мелодика предложения во всех основных типах произношения АиЕ — САи, ГАи и ВгАи в значительной степени идентична, что дает нам право проводить сопоставление по линии АиЕ — RP.

Расхождения в интонации АиЕ — RP можно свести, в основном, к двум позициям:

1. Это вопросы общего типа, требующие ответа Yes или No. Так, вопрос *Have you any matches?* произносится с различной интонацией в RP и АиЕ:



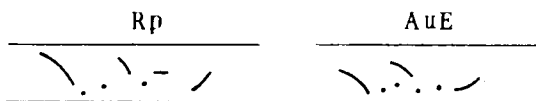
Или: *Will you come?*



В соответствии с нормой RP первый ударный слог (в вопросах подобного типа) произносится на высоком

тоне, затем высота тона падает на неударных слогах или остается на одном уровне и заметно повышается на последнем ударном слоге. В AuE подобные вопросы произносятся, начинаясь с низкого тона: подъем происходит на последнем ударном слоге.

2. Расхождения в мелодическом рисунке предложений, кончающихся на *don't you, can't you, won't you* (так называемые *disjunctive questions*). Например: *I think it's funny, don't you?*



При произнесении *don't you* для RP характерно высокое начало на *don't*, затем заметный подъем с низкого тона до высокого на *you*. Для AuE характерно низкое начало на *don't* и последующий (более плавный) подъем на *you*.

Суммируя фонетические различия между AuE и BE (RP), следует отметить, что, в целом, они не выходят за рамки «вариантности» английского языка, наблюдаемой в других районах мира. Инвентарные фонемные различия RP — AuE, как мы видим, существуют; но они касаются частностей, в основном же отмечается совпадение фонемного инвентаря.

* * *

Представляет интерес социальный аспект «австралийского произношения». Выше уже говорилось о негативном отношении носителей RP к австралийскому («колониальному») произношению на раннем этапе формирования AuE. К сожалению, нелестные эпитеты по этому адресу продолжают иметь место по сей день. Как образно заметил профессор А. Делбридж, один из ведущих специалистов в области фонетики AuE, «австралийское произношение при общении с иностранцем может позволить себе лишь человек, обладающий исключительными личными достоинствами, известный в ученом мире и ... достаточно толстокожий»... [40, с. 195]. Несмотря на более терпимое, в целом, отношение англоговорящей аудитории к различным отклонениям от некогда единого стандарта (RP), вызванного необычайно возросшими языковыми контактами в условиях научно-технической революции, социальный престиж AuE,

видимо, по-прежнему недостаточно высок. Об этом же говорит и тот факт, что многие иностранные студенты, обучающиеся в университетах и колледжах Австралии, требуют, чтобы их обучали «правильному произношению, без австралийского акцента» [там же].

Недостаточный социальный престиж литературной нормы AuE в англоговорящих странах за пределами Австралии — источник многочисленных шуток и анекдотов — усиленно эксплуатируется средствами массовой информации и, отчасти, литературой, издаваемой в Великобритании и, особенно, в США. В их основе лежит миф об Австралии, как экзотической, сугубо аграрной и, в известной степени, отсталой стране. Одним из характерных примеров пренебрежительного отношения нормативных орфоэпических изданий, издаваемых за пределами Австралии, к сложившейся литературной норме AuE, являются различия в произношении такого австрализма, как koala. Несмотря на спеллинговое произношение этого слова, санкционированное литературной нормой AuE, Большой Оксфордский Словарь рекомендует произносить это слово [ˈkʊlə] так, как это было принято в 1901 году, к моменту выхода в свет тома словаря на букву «К». Однако и в переизданиях словаря, предпринятых несколько лет тому назад, транскрипция слова не изменилась. Авторы словаря трактуют спеллинговое произношение koala, общепринятое в Австралии и кодифицированное соответствующими нормативными изданиями, как ошибочное, противоречащее фактам истории языка. Между тем, оба варианта произношения имеют право на существование, так же как сосуществуют и санкционированы литературными нормами оба варианта слова ate (от eat) в английском языке: [eɪt] и [et].

Новым в языковой обстановке в Австралии является то, что все больше проявляются настойчивые тенденции к «утонченному произношению» в престижных ситуациях и внутри страны. Известная «утечка мозгов» из Европы в США и из стран «третьего мира» в Европу накладывает свой отпечаток и на Австралию, где в последнее время пользуются популярностью различные общества и клубы ораторского искусства и утонченной речи, в частности для тех, кто хотел бы сделать карьеру за пределами Австралии. Модификация речи в направлении наиболее престижного образца может быть и временной, вызванной существующей в данный момент ситуацией. Профессор Дж. Бернхард, исследовавший особенности австралийского произ-

ношения, в частности, ВгАи, не раз указывал, что почти всякий раз, когда он пытался записать речь носителя ВгАи в фонетической лаборатории, он был свидетелем удивительной метаморфозы; звуки речи, минуту назад безошибочно выдававшие носителя ВгАи, модифицировались в направлении престижного образца: ВгАи становился ГАи или даже САи¹. Проявление диглоссии в различных социальных ситуациях общения отмечалось и раньше. Новым является, видимо, бóльшая степень готовности к переходу на престижный вариант.

Социально-оценочный аспект «легендарного» австралийского просторечного произношения, доведенного едва ли не до абсурда в книге Strine (псевдоним автора Afferbeck Lauder, что означает Alphabetical Order), по мнению А. Делбриджа, не следует упрощать. Он полагает, что беда многих австралийцев не в том, что они произносят [ˈɛmməˈtʃɪzɪt] (элизия и ассимиляция допускаются литературными нормами в определенных ситуациях устного общения), а в том, что они не способны произнести [hævˈmɪtʃɪzɪt], т.е. в соответствии с требованиями орфоэпической нормы в престижной ситуации. В связи с этим уместно напомнить о существовании во многих языках так называемых сильных и слабых форм произнесения отдельных звуков и звукосочетаний под влиянием дистрибуции или в результате действия законов ритмического (или фразового) ударения. Так, слово have в АиЕ имеет две «сильные» формы [hÆv] и [hÆf] и, по меньшей мере, четыре «слабые» формы: [həv], [əv], [v], [ə].

Сказанное приходится принимать к сведению при объективной оценке австралийского произношения. Что касается небрежной манеры произношения [ˈɛmməˈtʃɪzɪt], то в стране все более ощущается тенденция обращать большее внимание на постановку правильного произношения в школах и колледжах Австралии.

ФОНОЛОГИЯ

Начало любого фонологического описания состоит, как известно, в выявлении смысловозначительных звуковых оппозиций, имеющих место в данном языке. Предварительный фонологический анализ показывает, что структурное

¹ Подобные же факты приводятся в книге Р. Trudgile "The Social Differentiation of English in Norwich", Cambridge, 1974, p. 61-67.

обособление отдельных групп гласных AuE, в частности, основанное на оппозиции кратких гласных долгим было бы, видимо, целесообразным, поскольку в AuE существует тенденция различать гласные в оппозициях, включая оппозиции типа *bard*~*bud* или *Anne*~*an* только по долготе (что не характерно для сопоставляемого варианта RP). Условно можно было бы считать, что предпочтительность структурного обособления, например, существует в рассматриваемых случаях, если есть более чем единичный факт расхождения в фонемах.

Фонематический анализ AuE можно было бы начать с установления фонемного инвентаря его основных типов. Рассмотрим только слоговые фонемы, поскольку неслоговые не имеют сколько-нибудь характерных отличий по сравнению с теми, что описаны Д. Джоунзом.

Для установления инвентаря гласных фонем рассмотрим следующий список слов, содержащих, на наш взгляд, все фонематически релевантные сегменты [33, с. 80-81]. Для удобства изложения оставим систему обозначений, предложенную австралийским ученым Дж. Кокрейном.

Символами A_1 , A_2 и A_3 обозначаются соответственно SAu, GAu, BrAu; транскрипция соответствует произношению отдельно взятых слов.

(1) <i>bid</i>	(2) <i>bead</i>	(3) <i>beard</i>	(4) <i>bed</i>	(5) <i>bared</i>
A_1 b _i >d	b _i >id	b _i >ǎd	bɛd	bɛǎd
A_2 bi>d	b _i ǐd	bi>ǎd (bi>əd)	bed	beǎd (bɛ:d)

(6) <i>bayed</i>	(7) <i>bad</i>	(8) (cup) <i>board</i>	(9) <i>bird</i>	(10) <i>bud</i>
A_1 bɛid	bæ:d	kɜ' bəd	bɜ:d	bɜd
A_2 bɜid	bɛ:d	kɜ' <bəd	bə:d	bɜ <d

(11) <i>bard</i>	(12) <i>bide</i>	(13) <i>bowed</i>	(14) <i>bod</i> (person)
A_1 ba:d	ba <ě> d	ba <ǔ> d	bɒd
A_2 ba>:d	bpě > d	bæɔd	—” —

(15) <i>buoyed</i>	(16) <i>board</i>	(17) <i>bode</i>	(18) <i>lured</i>
A_1 bɔ _i >d	bɔǎd	bɔ <ú> d	lɔəd
A_2 bo _i >d	bo:d	bɜ _i ǔd	lɔ:d

(19) *pud* ('Fatty')

A_1 pɔ_i<d

A_2 —” —

(20) *booed*

bu <ǔd

bə_iǔd

Условные обозначения

[_c] — символ открытой разновидности фонемы
/æ/ — звук, занимающий промежуточное положение между /ε/ и /a/

[>] !<] — знак, указывающий на смещение фонемы к смешанному (центральному) ряду

/[˘]/ — неслоговой гласный

/i/, /a/ — центральные гласные, нелабиализованные

/u/ — лабиализованный гласный.

Опираясь на этот список слов, проанализируем вначале краткие гласные, а затем долгие гласные фонемы и дифтонги, имея при этом в виду, что рассматриваемые сегменты обнаруживают некоторую позиционную вариативность. Как показывают наблюдения фонологов, последняя выражается в ретракции и изменении долготы ряда гласных.

Анализ кратких гласных

Незначительная ретракция гласных имеет место в позиции перед веллярными (заднеязычными) и довольно значительная — перед конечным /l/. В свою очередь, изменение долготы гласных отмечается в следующих случаях:

1. В позиции перед глухими согласными. В этом случае долгота гласных, как в словах bid (1), bed (4), bud (10), bod (14), pud (19), несколько уменьшается.

2. Долгая слоговая фонема, как в bad (7), значительно укорачивается перед глухим согласным и сравнима в этой позиции по долготе с фонемами предыдущей группы.

3. Остальные сегменты (за исключением второго слога *cupboard*) (8) значительно сокращаются по долготе перед глухим согласным, однако не в такой степени, как указано в пунктах 1 и 2 выше. В открытых слогах в конце слов все эти сегменты удлиняются. Долгота гласных колеблется также в зависимости от ударения, наибольшая долгота имеет место в ударном положении (под главным ударением). Интересно отметить, что долгие гласные *SAu*, как в словах *bead* (2) и *bood* (20), обнаруживают позиционную вариативность, становясь более краткими гласными в позиции перед глухим согласным в середине фразы (как в *seating-accommodation, suit and hat*). В этом случае они уподобляются кратким /i/ и /u/ (как в словах № 1 и № 19 или в подобном окружении во фразах *sitting-accommodation* и *soot and ashes*).

Анализ позиционной вариативности гласных, указанной в пунктах 1 и 3, выявляет известную тенденцию к группировке (в каждом варианте AuE) шести кратких слоговых сегментов, как в *bid* (i); *bed* (e); *bad* /æ/; *bud* /ɜ:/; *bod* /ɒ/; *pudding* /ɪ/.

Представляет интерес поведение гласного в неударном слоге слова *surboard* (8). Не касаясь проблемы безударного вокализма в целом, считающейся одной из наиболее сложных и противоречивых в английской фонетике и фонологии, хотелось бы ограничиться здесь лишь некоторыми замечаниями. Так, по мнению некоторых ученых, в частности Дж. Кокрейна, указанный гласный в неударных слогах в зависимости от позиционных и просодических условий варьируется в диапазоне от /ɜ/ до /ɪ/, при этом наиболее узкая его разновидность встречается в позиции C — C¹ (например, *defect*, *chases*), а наиболее широкая — в начале или в конце слова, т.е. # ̣ или ̣ # (например, *appear*, *chaser*). Очевидно, оппозиции между любыми указанными в этом диапазоне гласными вряд ли будут фонематически релевантны. С другой стороны, нет достаточных оснований для того, чтобы считать их безударными аллофонами любых других слоговых фонем. В данном случае наблюдается явление так называемой «компрессии» дистрибутивного диапазона одного из гласных. В отличие от шести гласных (см. выше), которые могут встречаться как в ударном, так и безударном положении, рассматриваемый сегмент встречается только в безударном положении (сжатие диапазона, компрессия).

Возможность проявления фонематического контраста в этом случае может иллюстрироваться соотношением гласных сегментов в словах *bud*, *bid* и *bird* в ударном положении со сходными в приводимых им парах:

(A ₁): <i>pickaback</i> [p ₁ > k ₁ bak]	<i>hiccuping</i> [h ₁ > kɜpɪŋ]
<i>endure</i> [ɛn'djʊə]	<i>undo</i> [ʒn'du < ʊ]
<i>bannock</i> [bænɪk]	<i>panic</i> [pænik]
<i>catarrh</i> [kɪ'ta:]	<i>curtail</i> [kə'teɪl]

Аналогичные отношения наблюдаются и в двух других типах — A₂ и A₃.

Таким образом, считается возможным выделить седьмую краткую слоговую фонему /ə/, появление которой, однако, ограничивается неударными слогами.

¹ C — C consonant — consonant (положение между двумя согласными).

Анализ кратких гласных в AuE и сопоставление их с краткими гласными в RP дает возможность прийти к следующим заключениям:

а) Система кратких гласных фонем в AuE почти унифицирована во всех произносительных типах AuE. Различие в отдельных фонемах SAu и GAu (соотв. — BGAu) носят несущественный характер (например, гласный в слове bid¹ в SAu отличается от своего коррелята в GAu тем, что последний относится к более узкой разновидности — /ɪ/.

б) Несколько больше краткие гласные AuE отличаются от своих соответствий (диафонов — по Д. Джоунзу) в RP.

Различия касаются, в первую очередь, гласных в словах bid, bed и (особенно) bud², поэтому, видимо, некоторые австралийские фонетисты и фонологи предпочитают для них символы /ɪ/, /ɛ/ и /ɜ/ или /a/ [46, с. XIII]. Сопоставляя, однако, RP /i/ с AuE /ɪ/ или RP /e/ с AuE /ɛ/, убеждаемся, что они выполняют в своих микросистемах аналогичную функцию, т.е. занимают одинаковое место в соответствующих системах оппозиций. Несколько сложнее обстоит вопрос с кратким гласным, как в слове bud, но об этом пойдет речь несколько ниже.

В целом, система кратких гласных AuE фонологически идентична системе кратких гласных RP.

Следовало бы также сказать, что в последнее время в трудах ученых Исследовательского центра по изучению проблем AuE, в частности, в работе австралийского фонолога Алека Джоунза [42, с. 4], намечается несколько отличная трактовка проблем вокализма AuE. Так, рассматривая систему кратких ударных гласных в сопоставлении с краткими гласными BE и других вариантов английского языка, ученый приходит к выводу о наличии структурных различий AuE и BE. По его мнению, система кратких гласных структурно занимает промежуточное положение между системой 2×3 BE, описанной Н. Трубецким, и системой 3×2 New Zealand English (см. схему ниже):

Short Vowels: Lax

Palatal	Velar	Non-Palatal
High ɪ		
Mid ɛ	u	ʌ
Low æ	ɒ	

¹ См. список слов выше A₁ /ɪ/, A₂ /ɪ/.

² См. фонетический анализ этих гласных выше.

Анализ долгих гласных

Фонематически долгие гласные распадаются на две группы:

- а) долгие монофтонги и центрирующие дифтонги
- б) дифтонги со скольжением к закрытому гласному.

Члены группы /a/ фонематически не противопоставляются друг другу, находясь в отношении позиционной или свободной вариативности. Однако их расположение внутри типов AuE несимметрично. Так, в SAu в слове beard встречается только центрирующий дифтонг, а в bared дифтонг находится в отношении позиционной вариативности с монофтонгом /ɛ:/ перед /r/ (как в fairy [fɛ:ri>i]). Только долгие монофтонги отмечаются в SAu в словах типа bird или bard, причем в последнем, по мнению большинства австралологов, реализуется гласный смешанного ряда (центральный). В словах типа boared наблюдается либо свободная вариация монофтонга и дифтонга, либо под второстепенным ударением имеет место монофтонг. Аналогичная картина в слове lured (дифтонг — монофтонг /ɪ:/ перед /r/, как в boorish). Вариативность наблюдается в конце фразы (слова) под ударением, монофтонги встречаются только под второстепенным ударением с несколько редуцированной долготой. В GAu ситуация аналогична, но здесь монофтонг чаще встречается, чем дифтонг. Наконец, в BGAu в аналогичной ситуации встречаются только долгие (редуцированные) монофтонги, причем ударение сопровождается появлением слогового /ə/.

Ни GAu, ни BGAu не имеют фонематически контрастного сегмента, соответствующего /ɪə/ в SAu (lured № 18).

Менее ясная картина складывается относительно дифтонгов со скольжением к закрытому гласному.

* * *

Резюмируя фонологическую характеристику гласных, данную выше, можно попытаться установить фонемный инвентарь SAu (A_1) и GAu (A_2) и вывести суммарную формулу AuE.

Для кратких гласных (A_1) формула фонемного инвентаря могла бы иметь следующий вид:

$$A_1/i \sim \varepsilon \sim \text{Æ} \sim \bar{\lambda} \sim \text{ə} \sim \text{v} \sim \text{ʊ}/$$

Для долгих гласных (дифтонгов со скольжением к центральному гласному):

$$A_1/i\bar{e}(i) \sim \varepsilon:(\varepsilon\bar{e}) \sim A \sim z \sim \bar{z}(\bar{z}\bar{e}) \sim u(\bar{u}\bar{e})/$$

Для дифтонгов со скольжением к закрытому гласному:

$$A_1/i\bar{i} \sim \varepsilon\bar{i} \sim A\bar{i} \sim \bar{z}\bar{i}/ \sim / \bar{z}u \sim \bar{z}\bar{u} \sim A\bar{u}/$$

Таким образом, формула фонемного инвентаря A_1 (CAu) после некоторого упрощения представляется следующим образом:

$$A_1/i \sim \bar{e} \sim \varepsilon \sim \bar{E} \sim \bar{\lambda} \sim \bar{p} \sim \bar{v} \sim i\bar{e} \sim \varepsilon: \sim A \sim z \sim \bar{z} \sim u \sim \bar{i} \sim \varepsilon\bar{i} \sim \bar{z}\bar{i} \sim \bar{z}u \sim \bar{z}\bar{u} \sim A\bar{u}/$$

В свою очередь, A_2 (GAu) включает в свой фонемный инвентарь следующие элементы:

а) краткие гласные: $A_2 /i \sim \varepsilon \sim \bar{E} \sim \bar{\lambda} \sim \bar{e} \sim \bar{p} \sim \bar{v}/$

б) длинные гласные: $A_2 /i \sim \varepsilon: \sim A \sim z \sim \bar{z}(\bar{u} <)/$

в) дифтонги со скольжением к закрытому гласному:

$$A_2/\bar{e}\bar{i} \sim A\bar{i} \sim \bar{v}\bar{i}/ \sim / \bar{e}\bar{u} \sim A\bar{u} \sim \bar{E}\bar{u}(\bar{E}\bar{o})/$$

Таким образом, формула фонемного инвентаря A_2 принимает следующий вид:

$$A_2/i \sim \bar{e} \sim \varepsilon \sim \bar{E} \sim \bar{\lambda} \sim \bar{p} \sim \bar{v} \sim i \sim \varepsilon: \sim A \sim z \sim \bar{z} \sim \bar{e}\bar{i} \sim A\bar{i} \sim \bar{v}\bar{i} \sim \bar{e}\bar{u} \sim \bar{E}\bar{u} \sim \bar{E}\bar{o}/$$

Если внимательно проанализировать различия между A_1 и A_2 , учтя наличие субфонемного уровня анализа, то можно упростить некоторые отношения A_1 и A_2 . В самом деле, в A_1 , например, наблюдается «лишняя» фонема $/u\bar{i}/$, противопоставленная «нулю» в A_2 , но, с другой стороны, $A_2 /z/$ имеет факультативный вариант $/z </$, который ближе к $/u/$, чем к $/v/$ (как в *vod*) и выполняет соответствующую функциональную нагрузку, поэтому логично предположить:

$$\frac{A_1/z \sim u/}{A_2/z/}$$

Далее. Вспомнив, что в $A_2 /e\bar{i}/$, например, является диафоном $A_1 /i\bar{i}/$, $A_2 /A\bar{i}/$ — диафоном $A_1 /e\bar{i}/$ и т.д., можно было бы упростить некоторые отношения обоих типов, сведя отношение

$$A_1 A_2 // \frac{i\bar{i}}{2e\bar{i}} \approx \frac{ie\bar{i}}{2A\bar{i}} \approx \frac{IA\bar{i}}{2v\bar{i}} \approx \frac{iz\bar{i}}{2v\bar{i}} \approx \frac{iz\bar{u}}{2e\bar{v}} \approx \frac{iz\bar{v}}{2E\bar{v}} \approx \frac{IA\bar{v}}{2E\bar{o}} //$$

Упростив формулу (элиминировав субфонемные различия в A_1 и A_2), где возможно, получим:

$$\begin{aligned} \text{AuE, RP} // \frac{\text{AuE}/i\text{ә} \sim ii/}{\text{RP}/i/} &\approx i \approx \varepsilon \approx \text{æ} \approx \frac{\text{AuE}/A \sim \bar{\Lambda} \sim \text{ә}/}{\text{RP}/a \sim \Lambda \sim \text{ә}/} \approx \text{v} \approx \text{v} \approx \text{ә} \approx \\ &\approx \frac{\text{AuE}/\varepsilon:/}{\text{RP}/\varepsilon\text{ә}/} \approx \frac{\text{AuE}/\text{ɔ} \sim u \sim \text{ʊ}u/}{\text{RP}/\text{ɔ}(\text{ә}) \sim u \sim \text{ʊ}\text{ә}/} \approx \varepsilon i \approx \text{ɔ} i \approx a i \approx \frac{\text{AuE}/\text{ә} \text{ʊ} \sim A \text{ʊ}/}{\text{RP}/\text{ә} \text{ʊ}/} \approx \\ &\approx \frac{\text{AuE}/A \text{ʊ} \sim \text{Æ} \text{ʊ}/}{\text{RP}/a \text{ʊ}/} // \end{aligned}$$

Полученная формула свидетельствует о том, что сопоставляемые по линии вокализма AuE и BE в своей основе идентичны. Вместе с тем она отражает и отдельные расхождения в физическом субстрате фонем, выполняющих тождественные функции в своих микросистемах (например /A/ и /a~a/; /ε:/ и /εә/; /u/ и /ʊә/).

Различительные элементы сосредоточены, в основном, вокруг долгих гласных и дифтонгов со скольжением к центральному гласному.

Оппозиции не равноценны по глубине (степени) различий. Так, если в отношении

$$\frac{A_1/i\text{e}(i) \sim ii/}{A_2/i \sim \text{ә}i/} \\ \frac{\text{RP}/i \sim i\text{ә}/}{\text{RP}/i \sim i\text{ә}/}$$

различия носят неглубокий характер из-за различного удельного веса фонем /i/, /iә/ и /ii/ в обоих вариантах, то в других частях многочленного соответствия наблюдаются более глубокие расхождения, например, отношение

$$\frac{A_1/\text{ɔ} \sim u \sim \text{ʊ}u/}{A_2/\text{ɔ} \sim \text{ә} \text{ʊ}/} \\ \frac{\text{RP}/\text{ɔ}(\text{ә}) \sim \text{ʊ}\text{ә}/}{\text{RP}/\text{ɔ}(\text{ә}) \sim \text{ʊ}\text{ә}/}$$

Здесь различия уже не сводимы к субфонемному уровню, поскольку в сопоставляемых компонентах наблюдается различный фонемный состав, а оппозиции находятся в сложных отношениях друг к другу.

В самом деле, в SAu (A_1) (по сравнению с RP) отсутствует фонематически контрастная /ә/, имеется «лишняя» фонема /ʊu/; в A_2 (SAu) весь анализируемый диапазон (от /ɔ/ и до /u/) фактически перекрывается двумя фонемами /ɔ/ и /әʊ/, в нем отсутствуют /ә/, /ʊә/ и /u/.

Отношение $\frac{A_1/\varepsilon:(\text{ә})/}{A_2/\varepsilon:/}$ свидетельствует о наличии RP/εә/

уникальной фонемы /ε:/, как в словах *Magu, fairy, chagu*, фактически ставшей нормой в литературном произношении австралийцев и находящейся в довольно сложных (недостаточно исследованных к настоящему времени) отношениях с дифтонгом со скольжением к центральному гласному, которым в RP соответствует дифтонг /eə/.

Различный фонемный состав наблюдается в отношении $A_1, A_2/A \sim \bar{\lambda} \sim \bar{\alpha}/$ $RP/a \sim \Lambda \sim \bar{\alpha}/$, что является отражением реально существующих оппозиций в сопоставляемых вариантах. В самом деле, если в AuE (в том числе и в SAu) в словах *bard — bud* наблюдается оппозиция лишь по долготе, а слово (*sup*)board находится в оппозиции к обоим по качеству и (в одном случае) по долготе, то в RP все три слова различаются по качеству и (в одном случае) по долготе. В интерпретации указанных гласных в AuE до настоящего времени нет единства во мнениях. Некоторые ученые полагают, что, в силу существенных фонетических (и фонологических) отличий указанных гласных AuE, для их обозначения следовало бы применять другие символы (в частности, гласные в *bud* и *bard* обозначать соответственно [bʌd] и [b̄λ:d] или [bʌd] и [b̄z:d] [33, с. 74]. Как бы то ни было, для реализации одних и тех же звуков в тождественных окружениях в сопоставляемых вариантах используются разные фонемы.

* * *

Существенный интерес в плане дифференциации AuE — BE представляют структурные расхождения, рассмотренные на дистрибутивном уровне анализа.

Так, известно, что в RP в конечном положении встречаются /ɪ/, /i:/ и /ə/, как в словах *pity, see, letter*. В то же время, в соответствии с существующей литературной нормой произношения в AuE (точнее, в SAu), в этой позиции встречаются лишь /i/ (i) и /ə/, как в словах *happy [hÆpi], pea [ˈpi], sofa [sɒfə]* [46, с. 78-79]. Теперь, если представить себе диасистему SAu, RP в виде формулы SAu, RP //i ≈ i ≈ ə//, где RP /i:/ = AuE /i/ (AuE) /i:/, а RP /i/ = AuE /ɪ/, то дистрибутивная формула сопоставляемых вариантов примет следующий вид:

$$SAu, RP // \frac{RP/i\#/\sim/i\#/}{AuE/i\#/} \approx \bar{\alpha}\#//$$

Этот пример, иллюстрирующий структурные расхождения анализируемых вариантов английского языка, не единичен. Можно было бы аналогичным образом рассмотреть и другие расхождения в дистрибуции гласных /ɪ/, /i/ и /ə/, как, например, в группах слов на -ate, -ed, -ess, -est, -et, -less, -let, -ness (слова типа accurate, rugged, actress), где в RP звучит /ɪt/, /ɪd/, /ɪs/, а в CAu /ət/, /əd/, /əs/, или в словах на be-, de-, e-, pre-, re-, se- (begin, decay) и т.д.

Важно подчеркнуть, что различия в вариантах конститутивных единиц и известные расхождения в инвентаре этих единиц дополняются дистрибуционными различиями, хотя и незначительными в масштабе данной фонологической системы.

* * *

Таким образом, рассмотрение фонетических и фонологических особенностей AuE в сопоставлении с RP свидетельствует о том, что на уровне звуковой системы современный английский литературный язык в Австралии отличается от британского варианта как в субстанции, так и (отчасти) в структуре. Однако эти различия носят не общий, а частный характер, что подтверждается, в частности:

преобладанием различий в вариантах конститутивных единиц (аллофонах — внутри сопоставляемых типов произношения и диафонов — при межвариантном сопоставлении) над расхождениями, затрагивающими сам инвентарь этих единиц;

незначительным процентом фонемного инвентаря, затронутого дифференциацией на фонологическом уровне; тяготением различительных элементов AuE к периферии микросистемы (в результате давления «снизу», со стороны GAu и BGAu, что подтверждается относительно небольшой функциональной нагрузкой так называемых «уникальных» (т.е. присущих отдельным микросистемам) фонематических оппозиций).

Это подтверждает вывод, сделанный рядом австраловедов, о том, что на уровне звуковой системы в Австралии в настоящее время функционирует самостоятельная, национально окрашенная, общепринятая литературная норма произношения — Cultivated Australian, стоящая в одном ряду с литературными нормами произношения в Велико-

британии, США, Канаде и др. странах, но определенным образом отличающаяся от них некоторыми элементами субстанции и структуры. Уходящее корнями в национальную почву, САи не может рассматриваться как копия или подражание британскому произносительному стандарту: САи — составная, органическая, нормированная часть звуковой системы АиЕ, сосуществующая со стоящими ниже образованиями ГАи и ВгАи и находящаяся в сложных отношениях с ними. Сложность, в частности, заключается в том, что в отличие от Великобритании, где RP считается «престижным диалектом», САи в Австралии в значительной степени служит образцом для подражания большинства австралийцев.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В АВСТРАЛИИ

Описание лексики — наиболее подвижного, многомерного и неисчисляемого элемента языка — всегда сопряжено с известными трудностями, в особенности, если возникает необходимость воссоздания более или менее полной картины словарного состава языка (общей характеристики лексики и ее структуры, соотношения элементов общего ядра и микросистемы, удельного веса локально-маркированных элементов в рассматриваемой микросистеме, соотношения и «взаимоотношения» элементов литературных и субстандартных, включая сленг, роли заимствований, специфики и особенностей литературного узуса и т.д.). По отношению к австралийскому варианту решение подобной задачи в полном объеме пока не представляется возможным из-за множества «белых пятен». Поэтому речь в данной главе пойдет лишь о наиболее общих особенностях лексики, отражающихся в известных трудах, посвященных Australian English и проявляющихся, в частности, при системном сопоставлении избранных лексико-семантических (лексико-стилистических и словообразовательных) парадигм BE и AuE.

Как называемый «австралийский элемент» в лексике AuE — это сложное образование, являющееся органической частью литературного словаря австралийцев и заметно пронизывающее лексическую ткань субстандартных слоев лексики

По данным Australian Encyclopedia (1963), общее число «австрализмов» достигает 10000. Однако следует учитывать, что в соответствии с пониманием этого термина авторами Энциклопедии, в это число включаются слова типа boomerang и kangaroo, являющиеся «австрализмами» лишь по своей этимологии. С другой стороны, за пределами рассмотрения авторов Энциклопедии оказываются многие термины и терминологические сочетания из области наименований фауны и флоры, топонимики и т.д. Достаточно сказать, что один из словарей топонимики (на «австралий-

ском материале») насчитывает более 3000 терминов, а по самым скромным подсчетам только в штате Западная Австралия ботаники зарегистрировали свыше 6000 видов эндемичных растений. Не вошли в Энциклопедию и многие лексические единицы литературного словаря австралийцев последнего десятилетия (типа *lay-by*, *home unit*, *pastoralist* и др.).

Данные о количестве «австрализмов», таким образом, можно трактовать по-разному. С одной стороны, цифра 10000 достаточно внушительна и, в этом отношении, сопоставима с другими вариантами английского языка, например, с *American English*. Кроме того, даже в общей пропорции к общеанглийскому словарному фонду (если учесть, что в Большом Оксфордском Словаре несколько более 100000 лексических единиц), «австрализмы» не могут не быть заметной частью словаря *AuE*. С другой стороны, в указанное число включена значительная часть слов, относящихся к профессионализмам, сленгу, аргю и т.п., лексическим единицам, которые фактически находятся за пределами литературного словаря. Но именно эти «словечки» с легкой руки некоторых литераторов типа О. Грейди (“*They’re a weird mob*”), Моррисона выдаются за полнокровные «австрализмы». По образному выражению Дж. Тэрнера «полагать, что лексика английского языка в Австралии по преимуществу состоит из подобных лексических единиц равносильно представлению об обеде, целиком состоящем из горчицы».

В известной степени способствует прояснению картины австрализмов в *AuE* литературный узус. Наблюдения австраловедов показывают, что роль «австрализмов» в лексике (и, соответственно, в речи австралийцев) различна в зависимости от сферы функционирования: от незначительной в сфере книжно-письменной речи до весьма ощутимой в устной, особенно, разговорной сфере общения. В последнем случае удельный вес «австрализмов» заметно возрастает, и многие из них (такие, как *bloke* в значении «парень»; *raddock* в значении «огороженный участок любых размеров»; *wowser* — «человек, отравляющий настроение окружающим», и др.) по частотности употребления приближаются к таким общеанглийским словам каждодневного употребления, как *food* или *hotel*.

Австрализмы составляют основу многих поэтических произведений, в особенности, в жанре народных песен, фольклора.

Эта особенность AuE хорошо обыгрывается в известном стихотворении У. Гудиджа "The Great Australian Slangage":

'Tis the everyday Australian
Has a language of his own,
Has a language, or a slangage
Which can simply stand alone
And a "dickin pitch to kid us"
Is a synonym for "lie",
And to "nark it" means to stop it,
And to "nit it" means to fly!
And a bosom friend's a "cobber",
And a horse a "prad" or "moke"
While a casual acquaintance
Is a "joker" or a "bloke".

«Австрализмы» в AuE распределяются неравномерно (от отдельных лексических единиц до нескольких десятков, а иногда, сотен лексем) и по горизонтальной оси, в зависимости от их соотношения с той или иной понятийной сферой. На этом следует остановиться несколько подробнее.

* * *

На развитие лексической системы языка, как известно, решающее (хотя и опосредствованное) влияние оказывают внеязыковые факторы: естественно-географическая среда, социальные, экономические, культурные и иные факторы.

Например, потребности номинации новых, не виданных ранее предметов и явлений в начале колонизации Австралии не могли не привести и действительно привели к появлению целой серии лексических инноваций типа *laughing jackass*, *jackeroo* или *woolshed*.

Рассмотрению указанных инноваций в AuE, а также некоторых других особенностей лексики *Australian English* посвящены труды У. Рэмсона, С. Бейкера, Дж. Тэрнера и других австраловедов. У. Рэмсон дает диахронное, социолингвистическое исследование словарного состава английского языка в Австралии со времени начала колонизации страны до 1898 года, т.е. до момента выхода в свет первых исторических лексикографических изданий австралийского варианта английского языка (словарей «австрализмов» Е. Морриса и Д. Лэйка). Правда, в известном смысле, материал исследования Рэмсона вполне со-

временен, поскольку автор рассматривает те элементы лексики, которые прошли испытание временем и стали достоянием литературного языка австралийцев. Именно поэтому книга У. Рэмсона представляет интерес для понимания современного состояния AuE. Бóльшая же часть анализируемых лексических единиц представляет собой либо архаизмы или историзмы (вроде *blacktracker* — абориген, использовавшийся полицией для поимки преступника, скрывающегося в лесу; *superintendent* — управляющий фермы из числа бывших офицеров-надзирателей тюрьмы и т.д.), либо лексические единицы, находящиеся, как правило, за пределами литературного словаря (типа *crüb* — легкая закуска перед обедом, чтобы «заморить червячка»; *to smooodge* — приударить за хорошенькой девушкой; *to cook* — убивать, отправлять на тот свет; *to pobbler* — красть; *scrap* — «жратва» и т.п.). Ценность труда У. Рэмсона также несколько снижается в связи с переоценкой им фактора употребительности слов в речи.

Справедливо критикуя Бейкера за произвольное объединение в одну категорию действительно общеупотребительных слов, присущих лексико-семантической системе AuE, и окказиональных, редко употребительных единиц, за преувеличенное внимание к «необычным», «колоритно-австралийским» словам, У. Рэмсон не избежал, к сожалению, крена в другую сторону. Руководствуясь критерием употребительности, он зачисляет иногда в разряд «австрализмов» слова, принадлежность которых исключительно к лексико-семантической системе австралийского варианта является спорной. Примером может служить слово *bloke*, которое, по мнению составителей Оксфордского словаря, в меньшей степени присуще лексико-семантической системе BE. Аналогичное положение наблюдается со словом *hoax*, которое также не является «чистым австрализмом», о чем свидетельствует частое употребление его в нормированной речи американцев.

В целом исследование лексики AuE, проведенное Рэмсоном в ряде работ, привлекло внимание лингвистов к проблеме лексико-семантического развития английского языка в Австралии, в особенности, в начальный период, способствовало оживлению исследований лексики AuE, в частности, таких ее аспектов, как «тематическая экспансия» армейского сленга, спортивная терминология, особенности словоупотребления, присущие речи молодежи и т.п.

Более схематичными, хотя значительно более полными

по объему, являются работы С. Бейкера, в частности, его книга "The Australian Language". В этом труде на широком социально-историческом фоне дается диахроническое описание «австралийского элемента» лексики английского языка. Написанная под очевидным влиянием известного труда Менкена «Американский язык», эта книга, по мнению Бейкера, служит доказательством глубоких различий, существующих между английским языком в Австралии и в Англии (отсюда и название исследования!), ибо, как он полагает: «вещи и предметы в Британии и у нас настолько отличны друг от друга, что от привычных слов следовало (с самого начала) либо отказаться, либо использовать их в других значениях или употреблять совершенно новые слова» [27, с. 3].

Новые реалии, изменившиеся условия общественной жизни и т.п. требуют, конечно, соответствующей номинации, но прежде чем объявлять о рождении (или становлении) нового «австралийского» языка, следовало бы дать реальную оценку глубине и масштабам изменений в AuE, посмотреть, насколько затрагивают эти изменения его грамматический строй, лексико-семантическую, фонологическую и пр. системы. К сожалению, С. Бейкер не делает попыток в этом направлении.

В подзаголовке книги говорится, что цель ее — «... исследование английского языка и речи в Австралии», но вслед за этим автор оговаривается, что поскольку термин «австралийский язык» может толковаться расширительно, необходимо понимать под этим «... любые выражения, появившиеся в Австралии, или любое новое, по сравнению с британским, значение того или иного слова или выражения, употребляемого в Австралии» [27, с. 3].

Однако и здесь С. Бейкер недостаточно последователен, поскольку среди «любых выражений», появившихся в английском языке в Австралии, автора преимущественно интересуют просторечие, сленг и пр. субстандартные слои лексики, т.е. те элементы языка, которые в меньшей степени характеризуют лексико-семантическую систему языка, труднее поддаются систематизации при исследовании. Сленг входит, конечно, в лексическую ткань национального варианта английского языка в Австралии, но он находится на периферии словарного состава, и его удельный вес незначителен.

В целом, книга "The Australian Language" почти полностью посвящена историческому описанию австрализмов.

Для облегчения задачи описания С. Бейкер группирует австрализмы по принципу «понятийных полей» (обширных групп, объединяемых такими объемными понятиями, как «колонизация страны», «земельные участки любых размеров вместе с постройками на них», «город вчера и сегодня» и т.п.). Очевидно, что объединение лексики в подобные группы весьма условно; понятия, вокруг которых проводится объединение лексических единиц, весьма объемны, почти безграничны. Для С. Бейкера «понятийное поле» — лишь своего рода фон, на котором анализируются лишь те слова и выражения, соотносимые с данным понятием, которые имеют, по его мнению, «специфическую австралийскую окраску». Сказанное выше можно проиллюстрировать на примере австрализмов, объединенных С. Бейкером понятийным полем «вторая мировая война». Этот раздел содержит около 600 слов и выражений. Подавляющее большинство их — армейский сленг (военно-воздушный и военно-морской сленг рассматриваются С. Бейкером отдельно). Большая часть слов и выражений раздела, отражающих исчезнувшие реалии или окказиональные образования, вышли из употребления (woodpecker — японский пулемет калибра 19,5 мм; Uncle Tom — фельдмаршал Томас Блейми). В этом отношении австралийский сленг ничем не отличается от английского, американского, русского сленга (ср. исчезнувший русский сленг времен второй мировой войны «смерть немецким оккупантам» (махорка), «затеруха», «кукурузник» (самолет-разведчик) и др.)

В данном случае представляют определенный интерес те слова и выражения армейского сленга, которые впоследствии перешли в разряд общего австралийского сленга, а из него в разговорную лексику австралийцев, например: pong, drongo или dill — простак, дурак (во время войны в солдатском жаргоне «офицер»); to bludge — устраиваться за счет других (в армейском сленге «увиливать от тягот военной службы»); bodger — стилига, хиппи (во время войны «бросовый товар», «чепуха»; а также: «неловкий, неуклюжий, неприспособленный ни к чему военнослужащий»).

Из армейского же сленга перешли в разговорную речь и в общий сленг выражения типа cop this¹ — взгляните! как вам нравится?!; it's a boomerang — чур, с отдачей; you wouldn't read about it (haven't read about it) — просто

¹ Выражение получило впоследствии широкое распространение в АиЕ. Не случайно австралийский писатель О. Grady назвал свою книгу "Cop this lot".

удивительно; не знаю; не имею понятия об этом; two chances, mine and Buckley's — никаких шансов; to be in strife — попасть в затруднительное положение; to be right (вместо to be all right) — все в порядке. Из этих выражений в литературной речи встречаются you wouldn't read about it; to be in strife; to be right.

Пытаясь конкретизировать рассмотрение лексических единиц данной тематической группы («понятийного поля»), автор выделяет в ней более мелкие понятийные поля: «начало войны», «офицерские должности и звания», «армейская пища» и т.п. Делается это немотивированно, без всякой системы, очевидно, по принципу выделения отдельной сферы (поля) каждый раз, когда обнаруживается достаточное количество соответствующих лексических единиц.

Отсутствие какой бы то ни было системности в интерпретации лексики проявляется и в лингвистических (лексических) полях, соответствующих понятийным полям. В лексическое поле зачисляется все: слова (различные части речи), их производные, заимствования из языка аборигенов (в том числе не натурализовавшиеся в английском языке), свободные словосочетания.

Указанные недостатки исследования С. Бейкера не умаляют главных его достоинств: постановки проблемы AuE и большого объема разнообразного фактического материала. По единодушному мнению австралийских лингвистов, занимающихся изучением проблем AuE, книга С. Бейкера "Australian Language" является «настоящей энциклопедией английского языка в Австралии».

Значительный интерес вызывают посвященные лексике AuE труды Дж. Тэрнера: "The English Language in Australia and New Zealand" (1966) и недавно вышедшая под его редакцией книга "Good Australian English" (1972).

В первой книге автор рассматривает AuE с разных сторон: полемизирует с С. Бейкером относительно Australian Language, анализирует особенности произношения AuE, подмечает некоторые расхождения в орфографии AuE, описывает лексические единицы, присущие просторечию и сленгу.

Дж. Тэрнер прослеживает развитие AuE со времени начала колонизации до наших дней. Правда, делается это в значительной степени схематично, на ограниченном количестве примеров. Положительной стороной работы являются попытки автора увязать семантическое развитие лек-

стики AuE с социальными факторами. Этому посвящена, в частности, III глава книги (Semantics).

Дж. Тэрнер подтверждает высказанную ранее А. Митчеллом мысль о том, что лингвистическая ситуация в Австралии является уникальной в плане унификации речи: в масштабе всей страны фактически не наблюдается региональных (диалектных) отклонений в произношении, а региональные отклонения в области словоупотребления, по существу, носят единичный характер (ср., например, названия свежего ветра в различных областях Австралии: *Albany doctor*, *doctor* (в Перте), *brickfielder* (в Сиднее), *southerly buster* (в Южной Австралии) или *schooner* — пивная кружка емкостью 0,5 л в Сиднее и 0,25 л в Аделаиде и т.п.).

Интересны наблюдения автора, связанные с «переоценкой ценностей» семантического объема и структуры общеанглийских слов, вызванной трансплантацией английского языка в Австралии. Например, *the north wind* вовсе не вызывает у австралийца ассоциаций с прохладой; соответственно изменили «привычные» значения (и все, что ассоциируется с ними) *south* (фраза *the birds fly south in the winter* вызывает недоумение у детей), *east* (*the Far East* у австралийца ассоциируется с *the Near North*), *Christmas* (рождественские праздники в Австралии приходятся на самый жаркий период лета).

Выступая против усилительного толкования «австралийского элемента» и его роли в AuE и отвергая идеи «австралийского языка», Дж. Тэрнер приходит к правильной мысли о том, что австралийский вариант — закономерный результат развития английского языка под влиянием естественно-географических, социальных, культурно-этнических и других факторов, взаимодействующих с внутренними факторами языковых изменений, и в этом плане AuE ничем не отличается от других вариантов современного английского языка. С другой стороны, он выступает против пуританского подхода к AuE, в частности, против употребления лексических австрализмов в речи лишь в виде вкраплений в «классическом английском» языке. «Такого рода вкрапления, — остроумно замечает Дж. Тэрнер, — смотрелись бы не лучше, чем *bowyangs* (шнурки, подвязки брюк ниже колен) на вечернем английском костюме».

* * *

Даже беглый анализ трудов, посвященных *Australian English*, показывает, что австралийский элемент в AuE

имеет тенденцию к группировке в определенные сферы¹. В связи с этим представляет интерес попытка описания лексики AuE по так называемым тематическим группам (сферам максимальной концентрации австрализмов), приняв во внимание соображения, высказанные выше.

Не подлежит сомнению, что «специфическое», «национальное», все то, что представляет определенный общественный интерес или является существенным в материальной жизни нации, так или иначе находит свое отражение в лексике языка.

Приняв во внимание наиболее существенные моменты общественного развития последних десятилетий (ибо природные условия за это время, естественно, не изменились), можно было бы уточнить сферы максимальной концентрации различительных элементов в лексике AuE, используя для этого имеющиеся в настоящее время лексикографические справочники «австрализмов», более или менее отражающие современное состояние языка.

Анализ свидетельствует о том, что австралийский элемент в лексике AuE действительно тяготеет к следующим сферам: 1) названия страны, городов и штатов; 2) естественно-географическая среда; 3) флора и фауна; 4) образ жизни (люди, обычаи, спорт); 5) внутренняя часть страны (вместе с постройками на ней); 6) сельское хозяйство (особенно, овцеводство); 7) характеристика аборигенов и их образа жизни и некоторым другим.

Помимо указанных сфер лексические австрализмы функционируют в речи в виде отдельных включений (например, оппозиция *prime-minister* — *premier*: премьер-министр федерального правительства — премьер-министр правительства штата в общественно-политической сфере; или *rotovator* роторный культиватор в научно-технической сфере).

Именно в указанных сферах «национальный» элемент выделяется рельефнее всего, что становится очевидным уже при знакомстве с австрализмами, относящимися к названиям страны и ее жителей.

Название страны, традиционные этнические и культурные связи с «доброй старой Англией», названия и прозвища городов и штатов Австралии нашли отражение в целой

¹ Под сферой в известном смысле (из-за отсутствия более соответствующего термина) понимается комплекс относительно связанных друг с другом понятий, с которым соотносится определенная группа лексики. Названия сфер условны (флора, название страны и т.п.).

серии австрализмов. Примером частичного австрализма является слово Commonwealth. Если для англичанина, новозеландца, канадца оно означает (ассоциируется с усеченной формой от British Commonwealth) Британское содружество наций, для австралийца это слово имеет значение Австралия. В данном случае австралийский элемент проявляется лишь в одном из значений Commonwealth (не содружество наций вообще, а Австралия как федеративное государство, как «содружество штатов»)

Англия традиционно (правда, в речи старшего поколения) обозначается словом home или the old country¹. Представляет интерес заметное оживление указанных лексических единиц в AuE (уже переходивших в разряд архаизмов) сразу после II мировой войны, когда в Австралию вместе с новой волной иммигрантов прибыло немало выходцев с Британских островов. Несколько ироническое отношение к последним со стороны австралийцев нашло свое выражение в употреблении сленгизованных прозвищ, среди которых наиболее известными являются *rotty* и *rot wog*.

Слово *rotty* (*rot*) имеет давнюю историю в AuE, и его происхождение точно не установлено. С. Бейкер полагает, что слово образовано и вошло в употребление в середине прошлого века. По его мнению *rotty* образовано по сходству с *jimmy* (от *jimmygrant* = *immigrant*). В свою очередь *jimmigrant* рифмовалось со словом *romegrante* (*rotty*) — название фрукта красноватого цвета. В представлении австралийцев англичане, видимо, ассоциировались со здоровыми краснощеками людьми. Впрочем, поскольку слово *rotty* с самого начала имело своеобразный эмоциональный ореол, не исключено, что в метафорическом переносе сыграла роль и ирония.

Некоторые источники свидетельствуют о том, что слово *wog* вошло в литературную лексику AuE из армейского сленга австралийских военнослужащих, принимавших участие в боевых действиях в Северной Африке в годы II мировой войны. Лексема *wog* использовалась ими в значении «араб», «арабский».

Между тем, более детальное изучение этого вопроса свидетельствует о более раннем использовании этой лек-

¹ До конца прошлого века эти разговорные аналоги названия Великобритании в письменной форме обозначались с заглавной буквы: Home и the Old Country.

семьи в АиЕ. Во всяком случае, в письменных литературных источниках 20-х и начала 30-х годов зафиксировано употребление *wog* в значении «микроб», «вирус». Соответственно: *to get the wog* в просторечии значило (и означает) «простудиться», «заболеть». Автоматизация лексемы *wog* в речи способствовала тому, что отрицательный оценочный ореол лексемы постепенно элиминировался, хотя ее стилистическая отмеченность (сниженная литературная единица) по-прежнему чувствуется. Иллюстрацией этого может служить употребление австралийцами, служившими в Японии, лексемы *wog* в значении «японец», «японский». В последние годы *wog* употребляется в АиЕ в значении «иммигрант, прибывший из Европы». Соответственно: *pop wogs* (*popmies*) — иммигранты из Великобритании, *yanck wogs* — иммигранты из США.

Примыкает к литературным австрализмам группа лексем, экспрессивных синонимов, означающих «Австралия (австралийский)»: *Aussie* (произносится [ʼɔzi], контрастируя с [ʼɔsi], мужским именем), *Aussieland*, *the Land of the Wattle*, *Kangarooland*.

Наиболее известной просторечной лексемой, употребляемой для обозначения Австралии в Великобритании, США и других англоговорящих странах, является субстантивированное предложно-наречное сочетание *Down Under*. См., например: *Down Under Without Blunder* — название популярной в Австралии книги, которое можно перевести как «В Австралии: в своей тарелке».

Представляют интерес (с точки зрения образности) народные названия штатов Австралии: Западная Австралия — *Westralia*, *Groperland*; Южная Австралия — *the Wheat State*; Куинсленд — *Bananaland*; Виктория — *Cabbage Garden*; Новый Южный Уэльс — *New South*, *the Ma State*, *Ma*; Северная Территория — *the Top End*; Тасмания — *Tassieland*, *Raspberryland*, *Apple Island*.

Соответственно популярны прозвища или шуточные названия городов-столиц указанных штатов: Перт (Западная Австралия) — *the Swan City* — город (черных) лебедей (по названию реки, протекающей через город); Аделаида (Южная Австралия) — *Holy City*, *Church City* — город церквей; Бризбен (Куинсленд) — *Banana City*, *Brissie*¹ — «банановый город», Брисси (уменьш.); Сидней (Новый Южный Уэльс) — *Coat Hanger City* — «вешалка для паль-

¹ Ср. *Frisco* — Сан-Франциско (США)

то» (шутливое упоминание о знаменитом сиднейском мосте в Сиднейской бухте); Мельбурн (Виктория) — Chess Board City, Cabbage City — «шахматная доска», «капустный город».

Интересным (с точки зрения словообразовательной модели) является слово *Sydneysider* — житель города Сиднея, сиднеец. В отличие от традиционно-принятого аффикса *-(i)an* (*Melbournian*, *Adelaidian* и т.д.) в данном случае используется *-sider* — морфемный комплекс, состоящий из основы *side* и суффикса *-er*.

* * *

Весьма обширной и емкой является сфера, относящаяся к характеристике естественно-географических условий Пятого континента.

Часть единиц этой сферы (тематической группы) семантически связана с географическими наименованиями и названиями частей света, особенностями климата Австралии, частью суток и т.д. Примерами подобного рода являются, в частности: *Albany doctor* — «Олбенский лекарь»¹ (название бриза в Западной Австралии, дующего с юго-востока (из района Олбэни) и приносящего прохладу и влагу в летние месяцы (ноябрь — февраль). *Darling shower* — «Дарлингский душ» — пыльная буря в центральных районах страны из бассейна реки Дарлинг. В данном случае австралийцы следуют известной традиции давать собственные имена отдельным явлениям природы (сравни: ураган Эмма и т.п.). Другим аналогичным примером этого типа является лексема *willy willy* — циклон «Уилли-Уилли» (в северо-западной части страны).

Жители штата Новый Южный Уэльс широко употребляют словосочетание *(old) southerly buster* — штормовой, шквальный ветер с юга в районе Сиднея. Общеанглийская единица *buster* и в ВЕ и в АУЕ относится к сленгу со значениями «нарушитель», «громил», «истребитель чего-либо» (например, *a tank buster* — «истребитель танков»). В АУЕ *buster* означает «что-либо огромное, несуразное».

Аналогами общеанглийских единиц *monsoon* и *thunder storm* в АУЕ соответственно являются разговорное *(the)*

¹ Любопытно, что тенденция к поиску экспрессивных синонимических замен привела к появлению синонимичного словосочетания *Fremantle doctor*.

Wet — период муссонных дождей в тропических районах Австралии и сленгизованное сложноадъективное образование sock-eyed bob — гроза (в Западной Австралии).

Словосочетание piccaniny daylight означает «начинающийся рассвет». Зависимый член сочетания piccaniny — заимствование из языка аборигенов — имеет значение «ребенок» (буквально «начинающийся человек»).

Значительная часть единиц этой группы относится к австралийским наименованиям элементов ландшафта и построек типа: рукав реки, промоина, старица, караванный путь, каменистая пустыня, ручей, населенный пункт, река во время половодья, забор из неотесанных бревен и др. (AuE: anabranсh, clay-pan, billabong, perishing track, gibber plain, creek, township, banker, sockatoo fence). Члены этой группы различаются по происхождению. Например, billabong и gibber — заимствования из языка аборигенов; clay-pan — диалектизм корнуоллского происхождения; остальные единицы — лексико-семантические варианты общеанглийских лексем. Различаются эти единицы по способам словообразования (от простейшей модели N+er в banker до [V+ing]+N в perishing track) и по употребительности (от весьма употребительной единицы creek до редко употребляемого образования sockatoo fence).

Некоторые из указанных единиц являются основой фразеологических словосочетаний и сленгизмов, например, to dry up like a sunstruck billabong — высохнуть (пересохнуть) как старица под палящим солнцем. В переносном значении: «набрать в рот воды», «не находить слов».

К этой же тематической группе относятся такие емкие, многозначные и широкоупотребительные австрализмы, как bush, backblocks, outback, never-never, inland и другие, соотносимые с понятием «внутренняя часть страны», о которых подробно говорится ниже.

* * *

Из многих сотен флористических названий¹ AuE, различных по функционально-стилистическим характеристикам, структуре и степени употребительности, остановимся лишь на некоторых, наиболее известных.

¹ Речь идет о так называемых «народных названиях», образованных по большей части из английского материала, поскольку научные названия вряд ли можно отнести к австрализмам (ср. название одного из видов клевера: lady's fingers и *Arthyllis vulneraria*).

Следует отметить, что именно названия фауны и флоры¹ во многом лежат в основе специфики Australian English и, в силу их широкой употребительности в речи австралийцев, представляют особый интерес для лингвистики.

Наиболее распространенными эндемичными представителями богатейшей флоры Пятого континента, видимо, являются эвкалипт (более 500 видов) и акация (около 600 видов). Составляя неотъемлемую особенность австралийского пейзажа, оба они символизируют Австралию не менее, чем бумеранг или кенгуру, а акация, кроме того, является флористической национальной эмблемой страны. Соответственно, оба они глубоко «вросли» в язык австралийцев: gum (эвкалипт) и wattle (акация) лежат в основе широко разветвленной сети флористических названий (австрализмов) и широко употребляются в речи в прямом и переносном значениях, являются составной частью многочисленных фразеологизмов и сленгизмов. Например, gum (от gum-tree — эвкалипт) фактически вытеснило слово eucalyptus из соответствующих терминологических сочетаний (apple gum, pink gum и др.). В отличие от АЕ, где только отдельные виды деревьев в своем научном наименовании имеют слово gum, в АиЕ большинство видов эвкалипта включает в свое наименование слово gum. Основное значение слова в ВЕ — клей, смола² и т.п. Эвкалипт для австралийца — такая же неотъемлемая часть образа жизни, как клен для канадца или береза для русского, поэтому естественно, что gum-tree овеяно легендой в Австралии, служит основой поэтического образа в песнях, стихах и балладах. См., например:

...And camp at night by some lonely creek
When dies the golden ray
Where the jackass laughs in the old
gum-tree
And our quart-pot tea we sip
(From "The Stockman" bush ballad)

Производные от gum: gumleaves, gumblossoms, gumnuts и др.

¹ Проблема австралийских флористических названий в советской лингвистике фундаментально исследована в трудах Л. Д. Почепцовой [13].

² Любопытно, что эвкалипты не выделяют смол, следовательно, вряд ли речь может идти о метонимическом переносе названий в АиЕ.

Многообразии эвкалиптовых привело к необходимости дифференциации соответствующих наименований, что реализуется, в частности, в виде целой серии субстантивных и адъективно-субстантивных терминологических единиц, примером которых служат *apple gum*, *black gum*, *blue gum*, *flooded gum*, *ghost gum*, *scribbly gum*, *suger gum* и др. Большая часть этих единиц, построенных на английском материале, обязана своим появлением различным ассоциациям с известными ранее растениями, сходству с нефлористическими объектами, признакам, лежащим в основе их происхождения или распространения, метафорическим или метонимическим переносам. Например, название *blue gum* связано с голубоватым цветом древесины этого вида эвкалипта; *flooded gum* — «болотный» эвкалипт (называется так потому, что растет преимущественно на болоте или затопленных участках); *suger gum* — «сахарный эвкалипт» (листья этого растения содержат определенный процент сахара) — появилось благодаря метафорическому переносу.

Представляют интерес фразеологизмы, в основе которых лежит слово (основа) *gum*, например:¹ *(mad) as a gumtree full of galahs* — очень глупый (ср. «глуп как пробка» в русском языке); *(happy) as possum up a gumtree* — очень счастливый; *(to) fix the old gumtree* — зажить оседлой жизнью; *(to) have gumleaves growing out of the ears* — быть простоватым до глупости (особенно применительно к лицам из «глубинки»); *(to) have seen one's last gumtree* — быть на грани смерти; *(to) ride up a gumtree* — свалиться с лошади (профессиональный сленг наездников); *(to) be up a gumtree* — быть в затруднительном положении; *Strike one up a gumtree!* — восклицание, выражающее удивление или раздражение, и многие другие.

Любой из видов австралийской акации, в свою очередь, называется в *AuE* *wattle*. Одно из общеанглийских значений слова — «ветви, прутья». Видимо, поэтому некоторые исследователи (Л. Д. Почепцова) полагают, что семантическое развитие *wattle* шло от обозначения нефлористического объекта к обозначению денотата, принадлежащего к растительному миру. Так или иначе, сельским жителям Австралии до сих пор известно словосочетание *wattle and daub hut* — дом, сделанный из прутьев, обмазанных глиной («мазанка»).

¹ Данные примеры заимствованы из книги Л. Д. Почепцовой [13, с. 108].

Wattle составляет основу целой серии терминологических (и нетерминологических) обозначений типа black wattle, green wattle, sunshine wattle, the Land of the Wattle, umbrella wattle, a stunted wattle и др.

Фразеологизм to bring wattle bloom означает «навлечь беду» (wattle bloom brought indoors brings bad luck). Помимо указанных лексических инноваций, образованных на базе английского материала, в AuE употребляются некоторые синонимичные с ними наименования аборигенного происхождения: mulga, myall, brigalow и др.

Известны и употребительны фразеологизмы и устойчивые словосочетания, в состав которых входит слово mulga. Например, mulga wires — неподтвержденные слухи; Mulga Bill — простак, чужак (у жителей буша); mulga madness — чудачество и др.

К наиболее распространенным флористическим названиям в AuE также относятся заимствования из языка аборигенов: karrī — название одного из видов эвкалипта, распространенного в Западной Австралии и jarrah — гигантский эвкалипт, славящийся очень прочной древесиной.

Наконец, нельзя не упомянуть слово scrub, очень емкое в AuE слово, обозначающее и кустарник, и лес, и отдельный куст (и, соответственно, районы, покрытые кустарником). Общеанглийское значение scrub значительно уже. В AuE слово scrub служит основой целой серии производных: scrubber — скот, пасущийся (самостоятельно) в районах, покрытых кустарником (синоним: scrub cattle); scrub-ridden — объезчик-настух, разыскивающий подобный скот; scrub dashing — вынужденные поездки через «скраб» (букв. «продирание через «скраб»); scrub bashing — расчистка «скраба» под угодье; scrub-itch — кожное заболевание, вызываемое некоторыми видами кустов и т.д.

Иногда в разговорной речи австралийцев слово scrub уступает место слову Mallee, заимствованному из языка аборигенов. Отсюда: Mallee land, Mallee region, Mallee root и т.п.

* * *

Австралия — страна экзотических животных, многие из которых олицетворяют Пятый континент. Kangaroo, lyrebird, dingo, emu, platypus, echidna, koala и другие известны во всем мире. Эти термины не требуют перевода, хотя с лингвистической точки зрения представляют известный интерес. Например, слово kangaroo было заимствовано чле-

нами экспедиции Кука в 1770 году из языка аборигенов, населявших восточное побережье Австралии. Однако, когда в район теперешнего Сиднея прибыла первая волна поселенцев, последние с удивлением обнаружили, что слово kangaroo местному населению незнакомо. В дальнейшем оказалось, что у различных племен kangaroo означает самых различных животных. Лишь через несколько десятилетий слово kangaroo натурализовалось в английском языке австралийцев. По модели kangaroo в языке аборигенов образована целая группа слов, заимствованная в АuЕ и означающая различных животных (potoroo, wallaroo; ср. с образованными по аналогии: Jackeroo — управляющий фермой; jillaroo — «простушка», деревенская девушка и т.п.).

Показателем закрепленности слова kangaroo в лексике АuЕ служит его определенная словообразовательная активность. Известна целая серия устойчивых (различной степени устойчивости) словосочетаний с kangaroo в качестве опорного слова: kangaroo droop or kangaroo hop — поза или походка женщины, напоминающие кенгуру; to have kangaroos in one's top paddock — о человеке, у которого «не все дома»; to be happy as a boxing kangaroo in fogtime — быть несчастным; to kangaroo a car — вести машину рывками, с частыми остановками; Kangaroo Dog — австралийская гончая для охоты на динго и кенгуру (научный термин — Bush Greyhound).

Интересна судьба фразеологизма kangaroo court — комедия суда. В середине XIX века он получил распространение в качестве жаргонизма в American English (по мнению С. Бейкера, не исключено, что этот термин был «завезен» австралийскими уголовниками, сбежавшими в США). Постепенно фразеологизм утвердился в АЕ и через просторечие вошел в состав сниженной литературной лексики АЕ. В последние десятилетия американизм kangaroo court был реинтродуцирован в АuЕ, причем его локальная маркированность становится (по мнению австраловедов) все менее ощутимой.

Типичными австрализмами являются laughing jackass — гигантский зимородок, издающий звуки, напоминающие смех (научное название kookaburra), bandicoot — сумчатая крыса, например, western rabbit bandicoot; brumby — неприрученная дикая лошадь; freezer — овца, предназначенная для экспорта; barraconda/king barracouta — змеевидная королевская барракуда и др.

Семантическое развитие этих австрализмов может служить иллюстрацией того, что в лексике AuE происходят процессы, типичные для других литературных языков. Указанные австрализмы обязаны своим появлением, прежде всего, потребностям номинации, т.е. факторам экстралингвистическим. Наряду с этим, семантические сдвиги связаны со стремлением дать новые экспрессивные наименования, в особенности, тем предметам и явлениям, которые играют заметную роль в жизни общества. Здесь проявляется взаимодействие внешних и собственно лингвистических факторов семантических изменений. Когда наименование *laughing jackass* стало достаточно автоматизированным в речи австралийцев, стремление к экспрессивности привело к появлению актуализированного усеченного варианта *jackass* (и его сленгизованных коррелятов *jack*, *jacky*, *jacko*). В свою очередь, автоматизация уже измененных вариантов последовательно приводила к появлению все новых экспрессивных наименований. Об экспрессивной значимости подобных лексических единиц в AuE говорит достаточно представительный синонимический ряд с опорной единицей *laughing jackass*: *jack*, *jacky*, *jacko*, *laughing jack*, *laughing john*, *laughing johnny*, *laughing johnass*, *john*, *johnny*, *clock bird*, *bushman's clock*, *shepherd's clock*, *cocky's clock*, *alarm bird*, *breakfast bird*, *kooka*, *ha ha duck*, *ha ha pigeon*, *woop woop pigeon* и т.д.

То, что занимает умы говорящих, легко становится источником переносного словоупотребления в языке. Примером последнего может служить семантическая деривация слова *bandicoot*. Неприятные ассоциации с сумчатой крысой легли в основу метафорических переносов типа *roog or miserable as a bandicoot* — беден или несчастен как бандикут; *lousy as a bandicoot* — омерзителен как бандикут; *to be fleeing like a bandicoot before a bushfire* — паниковать, как бандикут, перед лесным пожаром. Глагол *to bandicoot* в языке фермеров означает «воровать картофель на участке соседа, подрывая его таким образом, чтобы не повредить ботвы». Отсюда *bandicooting* и *bandicooter* — подобный способ «добычи» картофеля и тот, кто этим занимается.

Brumby — дикая лошадь; соответственно: *(a nervous man who) shied past it like a brumby colt* — пронестись мимо, как шальная лошадь (о возбужденном человеке); *a mob of brumbies in the engine* — о двигателе, ревящем как стадо диких лошадей; или *(a man) small and wiry as*

a mountain brumby — о человеке небольшого роста, но крепком и жилистом, как дикая лошадь, живущая в горах.

Указанные австрализмы любопытны и в других отношениях. Например, слово freezer может служить иллюстрацией процесса появления семантических неологизмов в AuE. От глагола to freeze (замораживать, охлаждать) в свое время был образован термин freezer — холодильник (поначалу — «американизм»). Путем образного переосмысления этого термина в AuE (Австралия экспортирует бараньи туши, особым образом охлажденные) freezer стало обозначать животных (овец, баранов), предназначенных для откорма, убоя и отправки на экспорт. Поскольку грани между исходными и переосмысленными вариантами и омонимами иногда бывают нечеткими, «размытыми», трудно сказать, является ли freezer в австралийском значении лексико-семантическим вариантом исходного слова freezer (холодильник) или правильнее говорить о такой семантической деривации, в процессе которой используется лишь словоформа (материальная оболочка), наполняемая новым содержанием.

Наконец, barraconda (название рыбы) в AuE — пример образования морфологических комплексов (так называемых portmanteau words). Термин образован в результате слияния морфем barra (couta)+(ana) conda. Любопытно, что параллельно со словом barraconda в AuE употребляется синонимическая единица barracouta (в AuE barracuda). И в этом отношении в AuE наблюдается процесс, аналогичный другим литературным языкам: наличие дублетных форм и их параллельное употребление в языке до тех пор, пока одна из конкурирующих единиц не будет вытеснена на другой стилистический уровень или элиминирована (сравни с судьбой дублетов «аэроплан — самолет» в русском языке).

* * *

В начале колонизации страны первое поколение австралийцев, родившихся в Австралии (включая «транспортированных» преступников), в просторечьи называли currency (в отличие от sterling — представителей британской администрации, англичан). Соответственно: currency lad означало «парень», currency lass — «девушка». Эта группа слов — типичные историзмы, вышедшие из употребления вместе с исчезновением тех реалий, которые они обозначали. В настоящее время в разговорном AuE употребляются

уже другие лексемы, соответствующие дихотомии: коренные жители страны — вновь прибывшие иммигранты; а именно: *old chums* — *new chums*, хотя их употребительность в речи образованных австралийцев относительно невысокая. Отчасти это объясняется тем, что у данных словосочетаний развились другие, более употребительные переносные значения. В частности, *old chum* означает «иммигрант из Великобритании, знающий свое дело, мастер своего дела, эксперт» и пр.

Сленгизованные аналоги термина «иммигрант» — *Nausie* (a New Australian), *reffo* (refugee) и др.

«Настоящий австралиец» в AuE передается сочетанием *dinkum Aussie* (ср. с АЕ *an all-American boy or girl*).

Из синонимического ряда общеанглийских (и американских) лексем, выражающих понятие «друг», «приятель» — *friend*, *pal*, *guy*, *buddy*, *mate*, *cobber* — в AuE широко употребительна первая и две последних. Правда, *cobber* — в известной степени устаревшее слово. Пик употребительности слова *cobber* падает на конец 30-х годов после выхода в свет нашумевшей книги Томаса Вуда “*Cobbers*”, в которой дана прекрасная картина Австралии, ее обитателей, быта и нравов тех лет.

Mate относится к числу наиболее употребительных слов в AuE. Наблюдения австраловедов показывают, что австралийский элемент в данном случае проявляется в частотности употребления слова (по частотности употребления *mate* в AuE сопоставимо со словами ежедневного употребления типа *food*, *job* и *wage*) и в некотором сентиментальном ореоле: употребление этого слова по отношению к тому или иному лицу подчеркивает симпатию и искренне-дружеское расположение. Кроме того, в данном случае правомерно говорить о лингвистических вкусах австралийцев в целом, которые считают слово *mate* «своим», «австралийским», хотя *mate* не является, строго говоря, локально маркированной единицей и употребляется и в ВЕ и в AuE.

Известны и употребительны производные от *mate*: *mateship* — дружба, товарищество; *po-mater* — плохой товарищ, нелюдимый, неприветливый человек; *pen mate* — товарищ по работе (у стригалей) и т.д.

Разговорным аналогом слова *girl* в AuE является слово *sheila*. Употребление этого слова в авторской речи без кавычек и ремарок в некоторых произведениях современных австралийских писателей свидетельствует о том, что

sheila, очевидно, находится на пути к олитературиванию. Этому способствуют внешние факторы: своего рода популярность этого слова, особенно в речи молодежи (а также жителей внутренней части страны), положительный оценочный ореол и т.п. Вместе с тем очевидно, что последнее обстоятельство мешает лексеме sheila войти в нейтральную литературную лексику AuE.

Просторечным синонимом sheila является заимствованное из языка аборигенов слово lubga (также обозначающее девушку или молодую женщину). Это слово чаще употребляется жителями австралийского «буша» (внутренней части страны). Известны также сленгизованные аналоги слова типа eilasha (ср. американизмы babe, bird, good sort и т.д.).

К обозначению людей, их характеристик, рода занятий и т.д. «тематически» также относятся слова типа: Aboriginal(s) — коренной житель Австралии, абориген; в отличие от общеанглийского aborigine(s) пишется с заглавной буквы; sockatoo — мелкий фермер. В просторечии чаще используется усеченная форма socky/scrub socky — фермер, живущий в лесу; fruit socky — фермер, занимающийся садоводством и т.д.; pastoralist — фермер-скотовод, обычно крупный. Раньше в этом значении употреблялось слово squatter. Соответственно: pastoral industry, pastoral production. В отличие от общеанглийских значений указанные словосочетания означают в AuE не только выращивание овец, производство шерсти и мяса, но также выращивание лошадей, птицеводство, производство и выделку шкур, заготовку рогов и копыт и т.п. Grazer — фермер-овцевод (крупный); gouseabout — поденщик, чернорабочий, в особенности в период стрижки овец; sundowner — сезонный рабочий, нанимающийся на работу к фермеру обычно под вечер, с тем, чтобы авансом получить ночлег и поужинать.

К этой группе лексики примыкает значительное количество употребительных в AuE лексем, относящихся к просторечию и сленгу: also run — ни к чему не пригодный человек, неудачник; artichske — старая сварливая женщина; artist — человек, предающийся излишествам (например, bilge artist — краснойбай, болтун; booze artist — алкоголик); bludger — лодырь, человек, стремящийся к получению выгод за чужой счет; digger — *этимологически*: золотоискатель; в годы I и II мировой войны — австралийский солдат; в настоящее время — шутовское прозвище австралийца; demon — полицейский на мотоцикле; dingo — хитрец, обманщик, коварный человек, прощелыга; dogger —

охотник на динго; ducks, Sydney — искатели приключений — *этимологически*: те, кто уехал в Калифорнию, США во времена золотой лихорадки в Австралии (1850-1855 годы); dummy — подставное лицо, перекупщик земельных участков (соответственно: dummyism — покупка земли через подставных лиц; emancipist — *историзм*: колонист, отбывший срок наказания и оставшийся на постоянное местожительство в Австралии; exclusionists — *историзм*: представители колониальной администрации, выступавшие против предоставления гражданских прав и свобод «эмансипистам»; expirée — *историзм*: заключенный, отбывший срок наказания; fair cow — омерзительная личность (*вульг.*); Fair Cow! — восклицание, выражающее крайнее неудовольствие; hard case — остряк; hatter — фермер-«отшельник»; iceberg — человек, купающийся круглый год, включая зимний сезон («морж»); kposkabout — человек, живущий на случайный заработок (во внутренних районах страны — «человек на подхвате», разнорабочий); larrikin — хулиган (соответственно: larrikinism — хулиганство), *синоним*: bodgie; leatherneck — подсобный рабочий на ферме; mainlander — житель Австралии (для живущих на острове Тасмания); magy — аборигенка (*просторечие*); off-sider — помощник, партнер; overlander — перегонщик скота на большие расстояния; rannikin boss — номинальный управляющий фермы, «шишка»; rissaninny — ребенок-абориген; push — банда, клика, социальная группа; retread — учитель, отозванный в школу из отпуска; ringer — лучший стригаль на ферме, мастер своего дела; shark-baiter — «акуля приманка» (человек, заплывающий за противоакулю ограждения на пляже, купающийся на необорудованных пляжах); slushy — поваренок на ферме, подавальщица, служанка; smoodger — ухажер, волокита; spieler — шулер, человек, зарабатывающий на жизнь карточной игрой, фокусами; squib — трус, паникер; stonewaller — обструкционист (соответственно: stonewalling — обструкция, произнесение длинных отвлекающих речей в парламенте и т.д.); scaler — безбилетник на транспорте («заяц»); sweeper — работник на ферме, стригаль (*синоним*: broomie, traveller (см. sundowner); widgie — подруга хулигана; Woolloomooloo Yank — сиднейский стилига, копирующий американских хиппи; wowser — скучный человек, отравляющий настроение окружающим; Yarra bankers — Мельбурнские стилиги, слоняющиеся на набережной р. Ярры (в Мельбурне).

Изменения в экономической и общественной жизни послевоенной Австралии, в условиях жизни и быта австралийцев вызвали к жизни множество новых явлений, понятий, предметов, что, в свою очередь, потребовало соответствующей номинации. Словарь АиЕ в этих областях, как и прежде, пополнялся, в общем, тремя путями: а) путем образования неологизмов с помощью имевшихся лексических и словообразовательных средств (например, *lay-by* — система продажи (покупки) вещей, при которой вещь «бронируется» за покупателем после внесения им любого задатка и переходит в его распоряжение после выплаты полной стоимости без взимания процентов; *removalist* — владелец автотранспортной фирмы «грузовое такси»); б) путем заимствования элементов просторечия, профессиональных и социальных жаргонов, отдельных лексических единиц из языков аборигенов (*billy* — «жестянка», котелок, в котором кипятят чай и варят еду жители «буша»; *chop* — соревнование лесорубов: кто быстрее срубит вертикальное бревно; *tucker* — еда; *crook* — больной, *to go crook at somebody* — рассердиться на кого-нибудь; *yabber абориг.* — говорить, «болтать»; *bunyip абориг.* — мифическое коварное животное из легенд аборигенов); в) путем семантической деривации уже существующих слов (*weekender* — дачный домик, коттедж на берегу моря или в лесу, предназначенный для проведения «уик-енда»; *(the) drum* — истинные факты, полезные советы; *athletic club, gymnasium* — игорное заведение и т.п.).

К первой группе инноваций также относятся *home unit, milk bar* и др. *Home unit* — квартира во вновь отстроенном доме, предназначенная для продажи любому лицу. Единицей измерения полезной площади иногда является *square* (например, *a 6 square home unit* означает, что полезная площадь квартиры равна около 60 м²).

Лексема *milk bar* — первоначально (в начале 30-х годов) означала бар, где отпускались молочные напитки. В настоящее время в подобном баре можно найти не только молочные, но и другие напитки (а иногда и закуски). Распространение сети *milk bars* на всю страну, появление аналогичных заведений в других странах в значительной степени ослабило локальную маркированность данного термина.

Известно выражение *milk-bar economy*, означающее диспропорцию в развитии сырьевой и обрабатывающей индустрии (первой за счет второй).

Т.А.В. — Totalisator Agency Board — наименование популярной австралийской фирмы — тотализатора, имеющей свои конторы (Т.А.В. shops) в четырех штатах Австралии; Art union — вещевая лотерея и др.

Лексическая парадигма некоторых австрализмов, относящихся к данной тематической группе, весьма обширна и иногда может включать десятки слов, примером чего может служить серия названий камешков (marbles), используемых австралийскими детьми во время игры (marbles game): bottlies, bottle-ohs, botts, cornies, connies, dakes, doblars, conks, stonkers, dibs, mibs, peeweels, tallies, steelies, steelos, immos, smokies и т.д.

Весьма обширна группа австрализмов, относящихся к спортивной терминологии. В этой области, как и в рассмотренных выше группах слов, наблюдается аналогичная картина:

Во-первых, среди австрализмов преобладают не новые лексические единицы (неологизмы), а лексико-семантические варианты общеанглийских единиц, точнее их переносные употребления. Это обстоятельство связано с активизацией определенных слоев лексики, отражающей актуальные для общества явления (см. уже упоминавшиеся iceberg — «морж»; sharkbait — «приманка для акулы», т.е. человек, заплывающий за ограждения на пляже и т.п.).

Во-вторых, характерно вовлечение в данную область нетерминологической, «бытовой» лексики для обозначения соответствующих реалий. Например, pig — (*простор*) форвард в футболе; to rabbit a player — подковать игрока; honeurot — прыжок в воду с трамплина «в группировке» (с обхватом ног руками ниже колен); crocodile — способ оказания помощи утопающему, при котором последний находится сзади, положив руки на плечи пловцу; sting *n., v.* — в отличие от общеанглийских значений «жало», «укус», «укол» и т.д. (соответственно: жалить) в Австралии обозначает крайне неприятное ощущение, вызываемое соприкосновением пловца с гигантской медузой (соответственно: to get stung).

В-третьих, значительная часть австрализмов в этой области также относится к сниженной литературной лексике (частично, к просторечью) и, в общем, находится на периферии литературного языка. Их употребительность, однако, различна, в зависимости от социальных факторов (возраста, пола, уровня образования, лингвистических вкусов и т.д.).

Примерами подобных австрализмов являются to kiss the cross — получить нокаут (у боксеров); belly-buster, belly-flopper — неудачный прыжок в воду («отбивание живота») и т.д.

* * *

Специфика австралийского образа жизни рельефно отражается в лексике, связанной с сельским хозяйством (в частности с овцеводством), и, в особенности, с таким емким понятием, как «внутренняя часть страны».

Лексика этой тематической группы весьма неоднородна и по структуре, и по способам словообразования, по употребительности и стилистической дифференциации, о чем будет сказано ниже.

К современным австрализмам в этой области относятся: boundary-rider — работник фермы (объезчик), следящий за состоянием ограждения участка фермы, простирающегося иногда на многие мили; bush — многозначное слово, означающее внутреннюю часть страны; синонимы: outback, backblocks, never-never, inland и т.д.; station — ферма; stockrider — пастух-объезчик, присматривающий за стадом овец, пасущихся самостоятельно на неогороженных участках; gip — участок, выделенный для пастбища; govtator — роторный культиватор; stump-jump plough — корчеватель пней; walkabout — путешествие пешком, бродяжничество; woolshed — стригальня и т.д.

Подробному систематическому рассмотрению этой группы посвящается следующий раздел книги.

* * *

Рассмотрение особенностей AuE на лексико-семантическом уровне, определение места и роли австрализмов в современном литературном языке австралийцев можно осуществить, отказавшись от атомистического («панорамного») описания и прибегнув к системному анализу лексики по так называемым лексико-семантическим парадигмам (или лексико-семантическим группам — ЛСГ).

Сосредоточив внимание на рассмотрении «в системе» какой-либо конкретной группы лексических единиц AuE, отражающей предметы, явления или «кусочек действительности» (термин В. В. Виноградова) Австралии, попытаемся установить специфику AuE на лексико-семантическом уровне.

Системный характер лексики обязывает нас при рассмотрении смысловых связей определить роль и место каждой из рассматриваемых единиц в синонимическом ряду, лексико-семантической группе (парадигме), в системе лексики AuE (в сопоставлении с лексико-семантической системой BE).

Круг задач в этом случае, прежде всего, сводится к выявлению:

а) сферы языкового употребления слов (является ли слово общеупотребительным, нейтральным, а следовательно основным средством выражения данного понятия в лексической системе языка, либо функционирует лишь в определенном лексическом слое и является стилистически ограниченным);

б) типа значений, по которым слова семантически сопрягаются друг с другом;

в) числа значений, по которым слова вступают друг с другом в смысловые связи; степени семантической близости, полного или частичного смыслового тождества, смыслового различия или неразличия;

г) способов и форм выражения указанных значений (структурных формул).

Возьмем лексему *bush*, означающую в AuE «внутренняя часть страны». Это емкое понятие отражается в целой группе лексических единиц, характеризующих его с разных сторон. Сформированная таким образом лексико-семантическая группа насчитывает более тридцати лексем: *back country, backblocks, bush, the Centre, Centralia, Dead Heart, inland, interior, outback, Overland, out on the paroo, Never-Never, Great outback, past-west, Red Centre, right behind death-o'-day, rightback, right in the rear of back of outback, set-o'-sun, sunset country, westest-west, Woop-woop, wayback, outbush, back-o'-beyond, back-o'-Bourke, back-o'-out-back, back of sunset, behind outback, beyond the beyond, beyond outback, beyond set-o'-sun.*

В этот список не включены единицы типа *back of beyond, back of Bourke*, отличающиеся от приведенных только написанием. Полученный список лексем можно сократить за счет тех лексических единиц, которые не являются общеавстралийскими, а используются лишь на части территории страны. Так, только жителями восточных штатов употребляются словосочетания, соотносимые с понятием «часть территории страны, простирающаяся на запад» (*West of*

Great Dividing Range and Blue Mountains — от Великого Разделительного Хребта и Голубых гор), т.е. back of sunset, beyond set-o'-sun, death-o'-day, past-west, right behind death-o'-day, set-o'-sun, sunset country, westest-west, out on the paroo.

Можно опустить как малоупотребительные лексемы outbush, rightback, beyond the beyond, the Overland, way-back. Так же следует, очевидно, поступить со словосочетаниями, единственное отличие которых от аналогичного им outback заключается в экспрессивной (усилительной) окраске: right in the rear of back of outback, behind outback. Back country не является австрализмом, хотя и употребляется в AuE (см. помету US в OED). Woop-Woop фактически малоизвестно в Австралии, несмотря на то, что значится в словаре Коллинза (наименование «медвежьего угла»). The Centre, Centralia, Red Centre, Dead Heart означают, в основном, внутренние районы страны, ограниченные пустыней Вумера в центральной части Австралии, поэтому их употребительность также весьма ограничена.

Исключив, таким образом, перечисленные выше слова и словосочетания, рассмотрим следующую группу слов: bush, outback, backblocks, back-o'-beyond, Never-Never¹, inland. Опорным словом данной ЛСГ является слово bush.

Точное происхождение слова bush не установлено. Большинство австраловедов считает, что оно произошло от голландского boschjesman (bushman).

Первое и наиболее употребительное значение существительного bush (по данным OED) — “a shrub”, т.е. куст, кустарник, особенно с густыми, горизонтальными ветвями. Далее в словаре даются шесть значений, четыре из которых помечены как устаревшие, одно как диалектизм (в значении heather, nettles, fern — «вереск», «крапива», «папортник»), одно имеет значение «ветка плюща» над входом в таверну, т.е. символ таверны. Лишь восьмое значение представляет интерес для AuE: ... Prob. (adaptation of) DU bosh. Woodland; applied to the uncleared or untilled districts in the British Colonies, even though not wooded; and hence to the country as opposite to the towns. First reg. in 1780. (т.е. bush в значении «лесистая местность, лес», а также «необработанные участки местности, внутренние

¹ Иногда пишется с маленькой буквы (never-never).

районы страны в противоположность городу в Британских колониях».)

Из этого следует, что слово *bush* в этом значении находится на периферии английской лексики ВЕ.

Отличительную картину смысловой структуры лексемы *bush* дает ее анализ в австралийском варианте. Первым смысловым ее центром является обобщенное значение «лес», «лесистая местность», в противоположность открытой местности. Это значение реализуется:

а) в сочетаниях слова *bush* с переходными глаголами типа *to like, to love, to hate, to fear, to share*:

“I like the bush but not as thick as that,” she said. (АНВ)¹

б) в сочетаниях слова *bush* с непереходными глаголами *to go, to wander into, to reside in*:

He knew it all, and spoke with a sad contempt of boundaryriders, who went out on motorcycles, of machine-cut sleepers, axemen who went into the bush with thermos flasks, of drivers who followed their mobs in trucks carrying mattresses and kerosene stoves. (АНВ)

в) в сочетаниях слова *bush* в общем падеже ед. числа с глаголами *to be, to lie, to stretch, to consist* и др.:

The bush consisted of stunted rotten native apple trees. No undergrowth (FAS²).

г) в атрибутивных сочетаниях со словом *bush* в качестве определяемого — *thick, scrubby, Australian, etc., bush; bush with no horizon*:

Sometimes they took us to play with the navvies' kids in the scrubby bush³ beside railway line. (АНВ)

д) в атрибутивных сочетаниях со словом *bush* в качестве определяющего:

Steam driven winches are used to move logs from the ramps or bush landings onto vehicles for haulage to the miles. (“Flowers and Forests in Western Australia”).

е) в сложных словах, одним из компонентов которых является морфема *bush* (большая часть из них образована по типу свободных словосочетаний, так называемых syntactic compounds):

Their trunks were gnarled and twisted, charred by bush-

¹ АНВ: *Australians Have a Word for It*. Berlin. 1964.

² FAS: *Favourite Australian Stories*. Adelaide. 1964.

³ Любопытно, что в Австралии этим словом (*bush*) называют и лес, состоящий из гигантских деревьев, и кустарниковые заросли, как в данном случае (*scrubby bush*).

fires or bearing the long leaflike scar left by a Blackfellow after he had removed the bark for a canoe. (FAS)

Как видно из приведенных выше примеров, bush несмотря на ее сочетаемость с различными лексемами выступает здесь в одном и том же значении, которое сравнительно легко выделимо и устойчиво в системе лексики AuE. Представляет интерес поведение основы bush в синтаксических сложных словах, особенно номинативного типа (N+N), структура которых, как известно, является полисемантической и вызывает иногда двойное толкование (bushfire, bushdweller, bushwalker).

Трудно, например, решить, в каком значении выступает слово bushfire в следующем примере:

So it appears that the bushfire caused ionisation of the air... ("Walkabout"). (В данном случае лишь широкий контекст дает определенный ответ; речь идет о степном, а не лесном пожаре).

Сложные слова с bush структурно можно разделить на два типа: в первом типе bush выступает в качестве главного компонента сложного слова: mint-bush, saltbush, turkey-bush, во втором — в качестве определения: bush-wallaby, bushfire, bushdweller.

Bush в указанном значении является основой многочисленных словосочетаний типа bush birds, bush animals, bush track, bush rat и т.д.

Вторым смысловым центром bush является значение, соотносимое с понятием «любой участок местности, район, находящийся во внутренней части страны» или «вся внутренняя часть страны, противопоставленная понятию «город», «прибрежные районы страны» (в Австралии все крупные города, все столицы штатов расположены на побережье). Естественно, что такое сложное по своему содержанию понятие имеет и большой объем, т.е. признаки многих предметов и явлений материальной действительности, взятых отдельно или во всей своей совокупности (bush для австралийца ассоциируется с чем-то громадным, безбрежным, суровым, диким, мужественным, грубым, нетесанным, молчаливым, нетронутым и т.д. и т.п.). Поэтому смысловые возможности слова в этом значении весьма велики. Достаточно сказать, что оно может обозначать и всю громадную внутреннюю часть страны (и в этом случае оно включает в себя известные уже выражения Centralia, the Centre, Red Centre, Dead Heart и др.) и небольшую ферму; это может быть деревушка, удаленная на тысячи

километров от побережья и ферма в нескольких милях от Сиднея; ср., например, поговорку *Sydney or the bush* (в данном случае: «если город, то Сидней, все остальное провинция»). Эти широкие семантические возможности слова, реализуясь в конкретной языковой действительности, выявляются в определенных, свойственных данному периоду развития языка, лексико-семантических вариантах слова.

Первым четко выделенным лексико-семантическим вариантом слова *bush* (во втором смысловом центре слова) является значение «внутренняя часть страны», противопоставляемая городу, прибрежным районам Австралии. Интересный в этом отношении пример можно привести из книги *“Postmark Australia”*, авторы которой — англичане, натурализовавшиеся в Австралии:

“We should have said something about countryside, or **“the bush”**, as we now call it” ... (E. and D. Tribe. *“Postmark Australia”*).

Авторы уже «привыкли» к новому для них значению слова *bush*, но, обращаясь в своей книге к своим соотечественникам в Англии, берут слово в кавычки, отчетливо понимая разницу в семантике *bush* в AuE и BE. Еще пример:

The kitchen has no floor, or, rather, an earthen one — called a “ground floor” in this part of the bush”. (FAS)

Указанное значение реализуется в ряде сочетаний слов, аналогичных описанным выше. Вместе с тем, надо сказать, что способы и формы выражения этого значения более многочисленны и многообразны по сравнению с *bush* — «лес, лесной». Например, это значение прослеживается:

а) в сочетаниях *to be bushy* (*to be concerned with “the bush”*):

The foreman was a bushman, his sympathies were bushy. (пример заимствован из OED Supplement)

б) в наречных сочетаниях *up the bush*, *out in the bush*, *down in the bush*:

When journeying to the sub-interior or interior of the continent a traveller may be said to be going either “inland” or “outback”; — or ... he may simply be going “out in the bush”. (*Australian Encyclopedia*)

в) в целой серии производных и сложных слов — *bushland*, *bushmen*, *bushmanship*, *bushwoman*, *bushranger* (*архаизм*), *bushrangerese* (*архаизм*), *bushwalk*,

to bushwalk, bushwalking, bushwhacker, bushy, bushery, bushfire, bushie, bushfarming, bush-loving, etc.:

You can buy colour slides showing Victoria wildflowers and bushland. ("Walkabout")

Реализация указанного значения слова bush связана с некоторыми структурными ограничениями, распространяющимися и на другие значения bush (см. ниже). Речь идет, прежде всего, о том, что в ряде сочетаний существительное bush выступает в форме общего падежа единственного числа, однако при этом не употребляется с неопределенным артиклем. Вероятно, это происходит потому, что в последнем случае напрашивалось бы общеанглийское значение слова bush — «куст», безусловно знакомое каждому грамотному австралийцу. Наблюдения показывают, что это общеанглийское значение слова bush действительно сохранилось в AuE, но обычно оно используется в узкотерминологической области (в ботанике):

Also growing ... *Prostanthera stratiflora* and another showy bush, *Dodonaea Viscosa*. often called a hop bush ... ("Walkabout")

Второе ограничение (связанное с первым) — отсутствие формы множественного числа bush в AuE. Нельзя, например, сказать *those fine bushes of Queensland*, подобно тому, как в Англии говорят *those fine forests (woods) of Scotland*, поскольку редко встречающаяся в AuE форма множественного числа bushes обычно означает не «леса», а «деревья»:

A few stunted bushes grow on the summit ...

Указанные структурные ограничения косвенно отражают тот факт, что семантическая связь между bush в BE и его лексикосемантическим дивергентом в AuE, несмотря на значительные расхождения между ними, не утрачена. Более того, нет оснований утверждать, что процесс развития нового значения у bush (лес, лесной) в AuE завершен и что bush в старом (общеанглийском) значении полностью вытеснен в AuE словом scrub, поскольку bush — «куст» (хотя и редко) все же употребляется австралийцами.

Вторым лексико-семантическим вариантом, также употребительным и относительно легко выделемым, является значение «участок местности, сохраняющийся в нетронutom виде (девственная природа, целина)», связанное с понятием «внутренняя часть страны» в противоположность «городу» (цивилизации): †

From the early years of toil as the first settlers won their

pastures and wheatlands from the bush ... Melbourne has moved forward with measured progress. (R. Palmer. "Melbourne in the Sun")

Иногда указанное значение прослеживается в адъективном сложном слове bush-like:

Almost as close is the Healesville Sanctuary, a good place to see Australian mammale in confined but bush-like areas. ("Bush Dwellers of Australia")

Третий лексико-семантический вариант лексемы bush, менее четко выделяемый, но достаточно употребительный, связан с понятием «край суровых природных (климатических) условий» (жара, засуха, проливные дожди, наводнения, лесные или степные пожары, змеи, москиты и пр.):

If the warm spell held it would be a good season. If there was a cold spell and frosts it would burn off and die — so would sheep ... That was the "bush" — you never could tell what it had in for you. (L. Haylen. "Big Red")

Указанные выше значения слова bush можно назвать стержневыми, а их комплекс — семантическим стержнем или остовом слова. Другие значения, группирующиеся вокруг этих стержневых, можно назвать «периферийными», «производными». Так, по отношению к первому стержневому значению «внутренняя часть страны», противопоставленная побережью, городу, существует довольно емкое производное значение «провинция», «деревня». Последнее, как и в других языках, в частности, в русском, подчас осложняется негативными ассоциациями с «примитивным образом жизни», «бескультурьем», «грубостью», может восприниматься в ироническом плане. С другой стороны, наблюдаются случаи осложнения этого значения bush положительными ассоциациями (bush — это тишина, свежий воздух, здоровый образ жизни и т.п.), которые, однако, не исключают того, что производное значение bush — «провинция», «деревня» — может быть выделено «в чистом виде». Это значение прослеживается в ряде субстантивных (N_1N_2) сочетаний типа bush town, bush food, bush life, bush hospitality. Например:

Before this Cossee was dead — a sleepy, dusty bush town where you sat on the pub verandah watching anything — anything that happened. (L. Haylen. "Big Red")

Сочетание bush town в этом контексте выступает как «провинциальный городок».

Соответственно, значения «провинциальный», «деревенский», «крестьянский» реализуются в образованном от

bush прилагательном bushy, в частности, при употреблении последнего в предикативной функции со вспомогательным глаголом to be:

The foreman was a bushman; his sympathies were bushy. (Пример из OED.) Бригадир был из глухой деревушки и его вкусы и симпатии были соответствующими (т.е. провинциальными, деревенскими).

В клишированных близких к терминологическим, сочетаниях bush breakfast, bush dinner, bush food и др. слово bush выступает в значении «крестьянский» (крестьянский завтрак, обед; крестьянская еда), т.е. «простой», «бесхитростный», «тяжелый», «грубый».] Некоторым сочетаниям этой группы соответствуют экспрессивно-стилистические (сленговые) аналоги: например, аналогом bush food в AuE является сочетание bush tucker. В силу семантической емкости производного значения «провинция», видимо можно говорить об оттенках последнего, также прослеживаемых в слове bush. Один из оттенков значения «провинция» соответствует в AuE понятию низкого уровня интеллектуальной культуры (т.е. «провинция», периферия, глухомань, «медвежий угол»):

The children of gentle condition, whose evenings are made sweet with books and music, with theatres and the social intercourse of the cities, cannot appreciate the bush significance of the word "yarn". ("The Australian") Bush significance в этом предложении означает «... все то, чем является для жителя «медвежьего угла» (т.е. человека, лишенного возможности общения с книгами, театром, музыкой и пр.) слово "yarn"».

Внимательное рассмотрение оттенков значения подсказывает, что иногда bush в атрибутивной функции передает значение «неумелый», «грубо сделанный», «самодельный» и т.п. (т.е. «провинциальный», неумелый, грубый). Сочетание bush carpenter означает «неумелый местный плотник».

Производным по отношению ко второму стержневому значению «девственная природа» является узко-терминологическое значение «заповедник» (чаще всего для охраны флоры). Это производное значение прослеживается в основной словформе bush и в сложном слове bushland.

... this State has the distinction of having an extension area of bushland in the heart of its capital. ("Bush Dwellers of Australia")

Интересным примером развития семантики слова bush является метонимический перенос значения (форма — со-

держание), в результате которого наречно-предложное сочетание *in the bush* выступает в значении «на свежем (открытом) воздухе».

It tastes wonderful especially with the appetite you seem to get in the bush. (E. Wallace. "Sydney and the Bush")

Существуют производные значения и к третьему стержневому значению «суровый край». Чаще всего здесь прослеживаются оттенки качества (мужественность, немногословность, неприхотливость, трудолюбие и пр.). Отсюда и форма реализации значения *bush* в атрибутивной функции (*bush mateship*, *bush attitude* и т.д.).

Семантическое единство трех рассмотренных выше стержневых значений осуществляется благодаря наличию общей «семантической нити» (термин А. Уфимцевой), вплетающейся в каждое из значений слова *bush*. Такой «семантической нитью» является общий, объединяющий понятия признак — характеристика внутренней части страны в противоположность побережью.

В подобной «семантической нити» логико-предметное содержание предстает в весьма обобщенном (расплывчатом) виде. Что такое *bush* в АиЕ «вообще»? Однозначный ответ невозможен. Эту мысль подтверждает, в частности, следующий пример, взятый из книги известного австраловеда, профессора У. Хэнкока:

"The Australia has rejected almost at a blow the beautiful names of an intimate countryside — fields and meadows, copse, spinney and thicket, dale, glen, vale and coomb, brook, stream and rivulet, inn and village. But in their place is a new vocabulary of the Bush — billabong, dingo, damper, bushwhacker, billy ... outback". (W. Hancock. "Australia")

Можно согласиться с Л. Д. Почепцовой [13 с. 24], что в данном случае *bush* приобретает характер имени собственного (и, соответственно, пишется с заглавной буквы).

Наблюдения показывают, что *bush* для австралийцев, особенно тех, кто живет во внутренней части страны, можно было бы условно сравнить с понятием «Сибирь» для русского (здесь и безграничные просторы, и леса, необжитый край, суровая девственная природа, мужественные люди и т.д.). Слово *bush* настолько рельефно выражает особенности страны, «австралийского образа жизни», что один из ведущих австраловедов Д. Тэрнер ставит вопрос, не назвать ли австралийский вариант английского языка как "creolized bush dialect" [52, с. 33].

Именно подобный вид понятийной отнесенности, не имеющий в языке своей особой формы выражения и воспроизведения и выступающий в роли «семантической нити» часто служит основой смыслового варьирования слова и переноса центра тяжести от одного стержневого значения к другому. Семантическая «нагруженность» лексемы *bush*, определенная легкость, с которой центр тяжести перемещается с одного смыслового центра слова на другой в пределах одного и того же звукового комплекса, приводит иногда к тому, что для реализации указанных выше значений *bush* чисто морфологических средств и даже минимального семантического контекста (словосочетания) оказывается недостаточно. По мнению известного писателя-австраловеда Т. Вуда, значение слова *bush* в Австралии варьируется в очень широких пределах и весьма «расплывчато» (a word of tantalizingly vague use in Australia).

Еще более сложной задачей является определение значения *bush* в сложных и сложнопроизводных словах типа *bushfire*, *bushland*, *bushwalking*.

“Yanchep National Park, 32 miles of Perth, composes 6660 acres of national bushland”, — сообщается в проспекте “Parks of Perth”. Судя по названию проспекта, можно предположить, что речь идет о парках, скверах, полевых цветах, которыми славится Западная Австралия. Однако основное содержание проспекта и иллюстрации свидетельствуют о том, что *bushland* в этом случае «участок леса, оборудованный для пикников, отдыха и т.п.» (т.е. центр тяжести «смещен» в сторону первого основного значения *bush* в АиЕ «лес»). В другом проспекте, посвященном городу Брисбену, в слове *bushland* реализуется значение «нетронутая природа»:

“Here virgin bushland has been converted into a delightful scenic attraction, with swimming pools and landscaped gardens”.

Как и в случае с *bushfire*, регулярность лексики реализуется, в основном, с помощью общеанглийских единиц, т.е. оказывается справедливым отношение:

$$\frac{\text{тенденция к экспрессивности}}{\text{австрализм}} : \frac{\text{тенденция к регулярности}}{\text{общеанглийские единицы}}$$

В случае, если семантический или ситуативный контекст отсутствует, определение конкретного значения слова *bush* или сложного слова, в котором *bush* является одним из компонентов, представляет известные трудности. Неясно,

какое из значений реализуется, например, в слове bushwalking в следующем примере, взятом из рекламного проспекта "Canberra":

The visitor may enjoy golf, tennis, bowls, ... bushwalking and swimming.

Bushwalking, согласно определению в словаре австрализов С. Бейкера, означает длительное путешествие (обычно пешком) по внутренним районам страны. Обычно такие путешествия организует соответствующая туристическая организация Bushwalking Club. Очевидно, подобное определение в данном примере не применимо. На помощь приходит знание реалий. Учитывая, что Канберра известна в Австралии как «город-сад», где площадь, занятая искусственно посаженными лесами и парками, занимает более 7,000 акров, можно предположить, что bushwalking в данном случае означает прогулку по паркам и скверам города и его окрестностям.

Представляет интерес социолингвистический аспект эволюции значений bush. Развитие полисемии этой лексической единицы имеет давнюю историю. Как известно, колонизация Австралии в конце XVIII века началась с восточного побережья, в то время покрытого густыми неведомыми лесами, не похожими на те, что в Англии назывались woods или forest. Эти леса стали называть (the) bush. Позднее, заключенных, которые бежали в лес, стали называть «бушрейнджерами» (bushrangers). Со временем леса вырубались, колонизация шла вглубь страны, но новые обширные (часто уже безлесные) районы по-прежнему традиционно называли коротким словом bush¹, а жителей этих внутренних районов — «бушменами» (bushman). Постепенно предметно-логическая связь слова с понятием «лес», «лесистый» начинает ослабевать, однако дело не доходит до разрыва. Наличие подобной связи воспринимается как норма. Нарушение нормы или ее «деформация» воспринимается как стилистический прием. Показательным в этом отношении является эволюция значения сочетания to get (be, become) bushed. Вначале это сочетание обозначало «потеряться в лесу», «заблудиться». Значение «заблудиться в лесу» (to get bushed) по-прежнему является нормой в AuE. Вместе с тем, благодаря метафорическому переносу, у данного сочетания развилось новое (переносное) значение «заблудиться, потерять ориентировку», легко выводимое

¹ Любопытно, что в Новой Зеландии безлесные (внутренние) районы стали называться, как и в Англии, country.

из старого. R. Praed в своей книге "Australian Life: Black and White" (1885) писала об австралийце, который "got bushed in London streets" (заблудился на улицах Лондона). Процесс развития значения у сочетания to get bushed продолжался и в последующие годы и все же, когда в 1941 году в романе С. Barrett "Coast of Adventure" это сочетание было использовано автором в значении «потерять ориентировку» в сочетании со словом «море», С. Бейкер квалифицировал это как уникальный стилистический прием. Очевидно, по-прежнему наличие предметно-логической связи у bush с понятием «лес» является нормой. Если bush в значении «лес» реализуется в ограниченном числе именных и глагольных сочетаний и служит основой образования сравнительно небольшого количества производных и сложных слов и почти не используется во фразеологии, то bush в значении «внутренняя часть страны» реализуется в гораздо большем количестве словосочетаний, служит основой довольно интенсивного словопроизводства, образования устойчивых словосочетаний и сленга. Среди них можно отметить bushapes — разнорабочие в сельской местности, сборщики фруктов (в Южной Австралии); bush baptist — человек сомнительной религиозной принадлежности; bush lawyer — человек, якобы разбирающийся в законах; bushman's clock — кукабарра; bush telegram, bush telegraph — неподтвержденные слухи, распространение таковых (*syn.*: bush wireless, bush radio); to bush up (a person) — сконфузить, поставить в неловкое положение; Piccadilly bushmen — австралийцы, предпочитающие жить в районе Вест-Энда в Лондоне; bush mile — миля «с гаком»; bush hut — сооружение из подручного материала; to feel like bandicoots before a bushfire — паниковать; Bushfire blond — рыжеволосая девушка; cold and dark as a bushman's grave — холодный и скрытный (о неприятном человеке); full of bushfire — энергичный; bushman's cocktail — неразведенный джин; bush native — уроженец внутренних районов страны; bush scrabbers — скот бедняка, вынужденный пастись в кустах; What's this, bush week? — Что это — «степная неделя»? (т.е. неопределенный срок); Hyde Park bushman — горожанин, не имеющий понятия о том, что такое внутренняя часть страны; to bet on the bush basis — ставить (в игре) нерасчетливо, играть вабанк.

Интересно, что некоторые из фразеологизмов вошли в состав BE и, строго говоря, перестали быть австрализмами. Так, в дополнении к словарю Concise Oxford (1956) bush

telegraph дается без пометы *австрал.* и означает «быстрое распространение слухов, информации и т.д.».

Выше рассматривались значения, употребление и формы реализации лексемы *bush*, типичные для AuE и не свойственные BE. Следует, однако, сказать о том, что частично справедливо и обратное отношение: некоторые из общеанглийских (или локально-маркированных британских) значений *bush* типичны для BE и не свойственны AuE.

Так, стоящее первым в словарной статье “*BUSH*” (O.F.D) значение «куст с густыми, преимущественно у земли, ветвями», объясняемое в словаре с помощью *shrub*, находится за пределами смысловой структуры *bush* в AuE. В AuE указанное значение покрывается лексемой *scrub*. Однако *scrub* в AuE и *shrub* в BE разные слова: *shrub* (BE) — «куст», а *scrub* (AuE) — обычно «любая растительность, кроме леса». Как указывает *Australian Encyclopedia*, для большинства австралийцев “... open forest is usually “bush” and most other types of vegetation are “scrub”.

В случае со *scrub* в AuE мы имеем дело с явлением «радиации синонимов», которое является по мнению некоторых лингвистов языковой универсалией, проявляющейся особенно заметно в период становления литературного языка. Когда после «трансплантации» английского языка в Австралию английское *bush* стало обозначать «лес», «лесной», «лесистый» и др., синонимичное с ним *shrub* (в AuE *scrub*) претерпело аналогичную трансформацию и, благодаря расширению значения, стало обозначать не только кустарник, но и вообще любую растительность кроме леса. Одновременно, благодаря метонимическому переносу, *scrub* стало использоваться в значении «участок местности, покрытый кустарником». И в этом случае развитие смысловой структуры *scrub* пошло в направлении, параллельном развитию *bush*.

В последнее время наметилась тенденция к еще более расширительному толкованию значения *scrub*. Некоторые авторы употребляют *scrub* не только для обозначения лесов, состоящих из карликовых деревьев (поскольку карликовые деревья, в частности, карликовые эвкалипты можно «с натяжкой» рассматривать как кусты), но и для обозначения тропических лесов северо-востока страны, лесов, состоящих из гигантских деревьев.

Последнее обстоятельство не осталось незамеченным со стороны австралийских лингвистов, которые усматривают в новом значении *scrub* нарушение обычных представлений о смысловой структуре слова в AuE.

«... Этот термин, — отмечается в Австралийской энциклопедии, — более или менее соответствует понятию «эвкалиптового карликового леса», встречающегося в районах страны, известных под названием Мэли, но было бы большой «натяжкой» употреблять его ... для обозначения громадных тропических лесов на восточном побережье Австралии ...». Развиваясь по более или менее параллельным направлениям и пересекаясь частями своей смысловой структуры, scrub и bush, очевидно, приобретают статус дублетов в AuE, хотя указанный процесс еще не закончен.

Не типичны для AuE и некоторые другие значения bush, указанные в OED, в частности, «ветка плюща как символ таверны» (“good wine needs no bush”). Не входят в смысловую структуру bush в AuE и те значения, которые помечены в OED как архаизмы или историзмы. Как видно из сопоставления смысловой структуры bush в AuE и BE, эта лексема пересекается в обоих вариантах лишь по одному значению — «внутренняя часть страны» (необработанные участки земли). При этом для BE данное значение устарело и мало употребительно. Фактически в этом значении bush в BE находится на периферии словарного состава. Для AuE, наоборот, слово bush в указанном значении широко употребительно, оно занимает центральное положение в словарном составе AuE, служит основой целой сети словосочетаний, устойчивых (фразеологических) единиц. Разницу в положении, которое занимают слова типа bush в словарном составе сопоставляемых вариантов, отмечают ряд лингвистов, в том числе известный австраловед Дж. Тэрнер. «Термины Standard English и Standard Australian не взаимоисключают друг друга. Standard Australian включается в Standard English, поскольку англичанин, если он пишет об Австралии, вынужден пользоваться терминами австралийского варианта английского литературного языка, т.е. теми словами, которые не имеют эквивалентов в Англии. Он использует слова kangaroo или gumtree или даже bush, поскольку эти слова входят в словарный состав английского языка. Однако некоторые слова, которые являются основным ядром литературного языка в Австралии, находятся на периферии (или в области особого употребления) в Standard English, хотя такие лексемы, как kangaroo, например, можно сказать, входят в состав ядра английского литературного языка» [52, с. 34].

Подтверждением принадлежности слова bush к словарному составу AuE или его ядру могут также служить дан-

ные о частотности его употребления. По данным исследования устной речи рабочих в Австралии, проведенного группой лингвистов Куинслендского университета под руководством проф. Ф. Шонелла, в ходе которого было проанализировано более полумиллиона слов, слово *bush* (отдельно и в сочетании с другими словами) было употреблено 63 раза, войдя по употребительности в первую тысячу наиболее употребительных слов в AuE [50, с. 18-20]. Интересно отметить также, что слово *forest* не попало в первую тысячу, а слово *wood* встречается всего два раза (если исключить употребление последнего в значениях типа «деревянный», т.е. сделанный из дерева и др.).

Различия в смысловой структуре *bush* в сопоставляемых вариантах, если рассматривать их «со стороны ВЕ», отражаются и в деривационной парадигме *bush*. Так, не свойственно AuE, редко употребляется, например, прилагательное *bushy* (провинциальный). Очевидно, объяснение надо искать в том, что в AuE существует омонимичное этому общеанглийское слово *bushy*, обозначающее «густой», «пушистый», «кустообразный», которое не только не вышло из употребления после «трансплантации» английского языка в Австралию, но, устоявшись в лексико-семантической системе AuE, претерпело расширение основного значения. См., например:

Behind them in a gentle breeze danced the bushy heads of the gum trees tall and slender in this place. (L. Haylen. "Big Red")

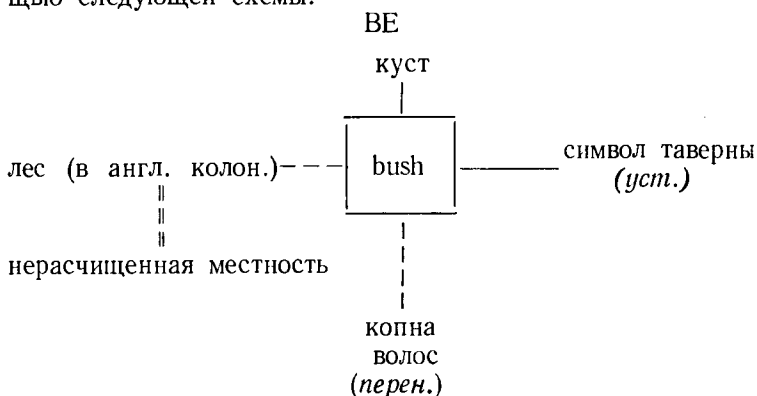
Здесь *bushy* выступает в значении «развесистый», «легкий», «грациозный».

Не свойственны AuE и некоторые другие формы выражения значений слова *bush*. Например, наблюдения показывают, что идиоматическое выражение *to beat about the bush*, несомненно понятное в Австралии, довольно редко употребляется в AuE. Не употребляются или редко употребляются некоторые общеанглийские сложные слова. К последним относится, например, слово *bushcraft*, которое OED определяет как *skilled knowledge of conditions of life in the bush*, т.е. «глубокие знания условий жизни в лесу». Для выражения этого понятия в AuE существует несколько слов (включая *bushwhacking*).

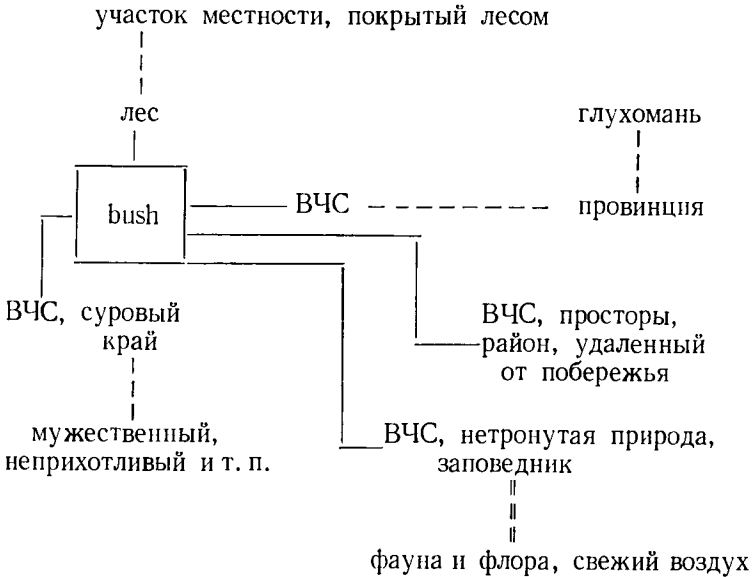
Побочным результатом развития смысловой структуры *bush* был также процесс детерминологизации — терминологизации значений. Так, термин *bushwhacking* вначале обозначал расчистку участков местности от кустарника.

В настоящее время это значение передается либо сочетанием scrub-clearing либо scrub-cutting, а bushwhacking означает «проживание во внутренней части страны» (в сельской местности), bushwhacker — сельский житель¹. Слово bushwhacker претерпело дальнейшие изменения семантики и используется также в ироническом значении «деревня» (т.е. сельский житель, приехавший по каким-то делам в город). Наконец, благодаря метафорическому переносу bushwhackerу стало означать «сочинение рассказов, историй, стихотворений о внутренней части страны и ее обитателях». Процесс терминологизации иллюстрируется проявлением роли терминов у ряда словосочетаний, одним из компонентов которых выступает bush (в разных значениях), например, bush-sick (land) — геол. местность, район, бедный некоторыми минералами, что приводит к заболеванию скота, который пасется на нем (отсюда bush sickness); wallaby bush — бот. кустообразное растение, встречающееся в Тасмании; bush greyhound — порода гончих, выведенная в Австралии; bush dray — вид двуколки; bush track — грунтовая дорога; bush house — садовый домик; навес для хранения сельскохозяйственных продуктов; saltbush — солончак; bush landing — место погрузки бревен на железнодорожные платформы и т.д.

Различия в смысловом объеме лексемы bush в британском и австралийском вариантах современного английского литературного языка можно представить графически с помощью следующей схемы:



¹ Любопытно, что в Новой Зеландии слово bushwhacker по-прежнему сохранило смысловую связь с «лесом» и означает работника лесопильного завода или работающего на лесозаготовках [52, с. 56].



Условные обозначения

уст. — устаревшее значение

перен. — переносное значение

ВЧС — внутренняя часть страны

—— — основное значение

----- первичное производное (переносное) значение

===== вторичное производное значение

Следующим членом данной ЛСГ является лексема *outback*.

Слово *outback* отсутствует в системе лексики британского варианта. По данным OED *outback adv, a, n* — австрализм, образованный по модели *adv + adv (out+back)*. Согласно OED, *outback* означает «в отдаленных районах, вдали от города» и т.п. Судя по определению значения

слова в новейшем издании Concise Oxford Dictionary (Fourth Edition), *outback a & n* означает не просто «удаленный (район)», а «удаленный (район) от города на большое расстояние».

Наиболее частыми являются случаи употребления существительного *outback*. Несколько реже встречается *outback* — прилагательное, еще реже *outback* — наречие. Вначале обратимся к примерам, в которых *outback* — существительное:

Traditionalism is far better preserved in the **outback** than it is in our cities [27, с. 211].

Like “Leaping Lena”, “this train is operated as only the **outback** can operate a train with stops to boil a billy (kettle) or call on a friend or snack a drink or two at a wayside pub” [27, с. 3].

Значение *outback* как «район, удаленный на очень большое расстояние от города» определено в Concise Oxford Dictionary (см. выше) неточно. Как правило, в этом значении слово *outback* выступает в том случае, если ему предшествует соответствующее усилительное определение *remote*, *distant* и т. п. Например:

A Yarn in the **remote outback** is the equivalent for a hundred enjoyments of the town [40, с. 44].

Как указывалось выше, *outback* не входит в словарный состав ВЕ. Не употребляется оно и в США. Однако в этих основных районах английского языка слово *outback*, видимо, достаточно хорошо известно как типичный австрализм. Во всяком случае, факты говорят, что американцы и англичане употребляют *outback* в разговоре с австралийцами, чтобы вызвать положительную реакцию последних (учитывая положительный оценочный ореол лексемы).

Если же *outback* используется в коммуникативных целях в рамках ВЕ или АЕ, лексема как инородный элемент выделяется в кавычках или сопровождается соответствующими авторскими ремарками. Иногда слово *outback* в этом случае выступает в составе сочетания *great outback*, известного в Австралии с начала прошлого столетия.

“Most of them (Australians), — пишут авторы книги “Postmark Australia”, подзаголовок которой гласит *The Land and its People through English Eyes* (т.е. Австралия глазами англичан), — have never seen a kangaroo in its natural surroundings, never seen an aborigine except when one is brought to town to meet visiting royalty, and never

been nearer the “**great outback**” than when they went to the local cinema to see a film starring Chips Rafferty”.

The migrants do most of the hard work in the “**outback**”, the often harsh inland “back of beyond”, where few “Aussies” are inclined to go. (“U.S. News and World Report”)

В обоих примерах слово *outback* употребляется в значении «внутренняя часть страны», удаленная от города и противопоставленная цивилизации. Последний пример интересен также попыткой объяснения значения *outback* с помощью другого австрализма *back of beyond*, о смысловой структуре которого будет сказано ниже. Здесь важно отметить, что для австралийца более логичным было бы обратное: слово *outback* более употребительно, понятно и нейтрально, в то время как *back of beyond* менее известно, менее мотивированно и стилистически экспрессивно.

В значениях, близких описанному выше, употребляются и производные от *outback* — *outbacker* (*Outbacker*), *outbackery*. Указанное значение «внутренняя часть страны» прослеживается также в следующих примерах, где *outback* выступает в функции прилагательного и наречия.

A round-the-clock kindergarten is typical of the character of this **outback** north-west Queensland town. (“Tribune”)

Leopold ... a remote township in the heart of the Mallee district, which is almost as **outback** as you get, anyway in Victoria. (“Walkabout”)

Лексема *outback*, как и *bush*, соотносится с понятием «внутренняя часть страны», но, в отличие от последнего:

1) имеет меньший смысловой объем, соотносимый с данным понятием и совсем не имеет значений, соотносимых с понятием «лес», «лесной» и пр.;

2) отличается значительно менее развитой сетью образованных от него производных слов (только *Outbacker* и *ист.* — *Outbackery*);

3) характеризуется почти полным отсутствием фразеологических единиц или вообще устойчивых сочетаний (если не считать клишированного *Great Outback*), образованных на его основе.

Основное значение лексемы *outback*, соотносимое с понятием «внутренняя часть страны», реализуется в следующих структурных формулах, где *outback* выступает в роли существительного, прилагательного и наречия.

$V_t + (\text{the}) N (\text{to visit the outback})$
 $(\text{the}) N + V_{\text{link}} (\text{outback is } \dots)$

A + N (great outback)
 A + N (outback town)
 V_t + (N + -er) (to like, hate (an) outbacker)
 (N + -ery) + V_{link} (outbackery is . . .)
 A_{adv} (outback in Queensland)

Как видно из перечисления, средства и формы реализации основных значений лексемы *outback* беднее, чем соответствующие средства у слова *bush*.

Важным отличием слова *outback* от *bush* является то, что первое целиком входит в литературный словарь AuE, в то время как второе в ряде значений употребляется в просторечии. Обе лексемы существуют в AuE уже довольно продолжительное время (с начала прошлого столетия), находясь в сложных смысловых взаимоотношениях. Слово *outback* входит в зону рецептивного словаря, являясь потенциально общеанглийской (понятной) единицей, но не входит в зону общего продуктивного словаря сопоставляемых микросистем (подсистем) английского литературного языка. В данном случае важно отметить, что в отличие от ряда других стандартных австрализмов (*boomerang*, *kangaroo* и др.), вошедших уже в *Standard English*, т.е. являющихся уже частью литературного общеанглийского словаря (зона продуктивного словаря), *outback* находится, очевидно, на пути к подобному статусу. Препятствует ему в этом заметная локальная маркированность: *outback* в настоящее время это не «внутренняя часть страны вообще», а «внутренняя часть Австралии»¹. Последнее обстоятельство не мешает, однако, слову *outback* быть нормированной лексической единицей AuE.

Следующей в лексико-семантической группе стоит лексема *backblocks* (*back blocks*).

В OED лексема отсутствует. OED Supplement свидетельствует, что *backblocks* образовано по типу сложения основ прилагательного *back* и существительного (обычно во мн. числе) *blocks*; используется в Австралии в двух значениях: 1) участок местности, район в отдаленной, малонаселенной части страны; 2) участок, удаленный (отрезанный) от реки. Производные: *backblocks a* — отдаленный и *backblocker n* — житель внутренних районов страны.

Слово *backblocks* устойчиво в австралийском варианте английского языка. Впервые его употребление зафиксиро-

¹ В BE для выражения понятия «внутренняя часть страны» употребляются *country*, *inland*, *interior* и др. слова.

вано в середине прошлого столетия в значении «участки земли в необжитых местах, предоставляемые правительством новым поселенцам». Эти участки назывались *blocks*. В настоящее время название участков (*blocks*) сохранилось, но размеры их могут колебаться от нескольких акров до 1,000 квадратных миль и более. *Backblocks* первоначально означало участок земли, наиболее удаленный от скотофермы, «на отшибе». Постепенно *backblocks* приобрело значение «внутренняя часть страны» вообще. Поскольку участки (*blocks*) обычно занимали большую площадь, они, по мере заселения, включали уже не одну, а несколько ферм, разбросанных, однако, на значительном расстоянии друг от друга. Более или менее близкие по расположению фермы с их жилыми постройками объединились в своего рода деревни (*townships*).

Первым общепринятым устойчивым значением, утвердившимся за звуковым комплексом *backblock(s) n, a*, является «внутренняя часть страны, деревня, деревенский» (в противоположность городу, городскому).

In some sleepy *backblock*, hundreds of miles from anywhere there can be more feeling for the demands of the world outside Australia, than might be found in a whole suburb of a coastal city. (D. Horn. "The Lucky Country")

You might walk for twenty miles along this track without being able to fix a point in your mind, unless you are a *backblocks dweller*. (FAS)

Вторым значением *backblock(s) a* является «отдаленный», «расположенный на отшибе». Это значение прослеживается в атрибутивных сочетаниях:

They went south, following the road through *backblock farms* and the last cleared country where it petered out to a rough bush track leading through giant eucalypt forests up to 250 feet high. ("Walkabout")

Производным значением слова *backblock(s) a* является значение «местный», осложненное ассоциациями с понятиями «бывалый», «знающий свое дело» и т.п.

I'm only a *backblocks shearer*, as easily can be seen, I've shored in almost every shed on the plains of Riverine. ("The Australia")

Суммируя сказанное о *backblock(s)*, отметим следующее:

1) Как рассмотренные ранее *bush* и *outback*, лексема *backblock(s)* соотносится с понятием «внутренняя часть страны», но уже характеризуя его, в основном, с двух сторон: как часть страны, противопоставленную побережью

(городу) и как отдаленный край. Прочие значения и их оттенки (за исключением оттенка «местный»), свойственные bush или outback, в лексеме backblock(s) не прослеживаются.

2) Слово backblock(s) встречается в AuE значительно реже, чем слово outback и гораздо реже, чем bush. Относительно редкой встречаемости слова в речи соответствует значительно меньший смысловый объем слова.

3) Относительно узкому смысловому объему слова соответствует ограниченный набор форм и способов выражения значений.

Следующая лексема в исследуемой группе inland. Словарь OED определяет основное значение лексемы следующим образом: *n* interior of country — внутренняя часть страны; *a* 1) placed in this, remote from sea or border — удаленный от моря или границы; 2) carried on within limits of a country, as inland trade, etc. — внутригосударственный (например, внутренняя торговля); *adv* in, towards, the interior — расположенный внутри страны, по направлению к внутренним районам. Производные: inlander *n*, inlandish *a*.

Являясь общеанглийской стандартной лексической единицей, входящей в репродуктивный словарь, слово inland употребляется и в AuE. Однако, выражая понятие «внутренний район страны», (удаленный от моря район) inland вступает в определенные смысловые взаимоотношения с другими членами ЛСГ, в частности, со словами bush, outback и backblocks. Результатом длительного взаимодействия с ними является определенная деформация смысловой структуры inland в AuE, очевидная при анализе его основного значения «внутренняя часть страны».

Inland в AuE обозначает в настоящее время не только и не столько «отдаленный район ВЧС», сколько находящийся в центральной части страны (in Red Centre, in the Centre) или в направлении к центральной части Австралии. Например:

About a mile out past the gap, the Oldtimers' Home, run by the Australian Inland Mission (the Presbyterian organisation which sent John Flynn into the Centre and established nursing home right through the inland. ("Walkabout"))

Иногда inland выступает в составе атрибутивных сочетаний, например:

... but this is so all over the remoter inland ... ("Walkabout"). В этом случае основное значение слова может ос-

ложниться, и на первый план выступает его другое значение «внутренний район страны», которое в сочетании со словом *remote* означает «глухомань».

Сложность анализа слова *inland* в АиЕ заключается в том, что его смысловый объем в АиЕ в результате взаимодействия с *bush* и др. еще не устоялся, подвержен колебаниям. Анализ многочисленных примеров свидетельствует о том, что слово *inland* в АиЕ стоит как бы на полпути от общеанглийской к локально-маркированной (имея в виду его значение «центральная часть страны») единице, что наряду с использованием в новом значении (центральная часть) *inland* встречается и в старом (общеанглийском) значении. Пока можно констатировать, что благодаря новому значению (пусть еще недостаточно устойчивому) *inland* находится в АиЕ в отношениях идеографической синонимии с близкими по смыслу словами *bush* и *outback*.

Следующей в лексико-семантической группе является лексическая единица *back of beyond* (*back-o'-beyond*). В словарной статье *beyond* (OED) в одном из десяти значений слова значение словосочетания *the back of beyond* поясняется следующим образом: *a humorous phrase for ever so far off, some very out of the way place* (юмористическая фраза, характеризующая «забытое богом» место, «медвежий угол»). В OED Supplement приводится пример на употребление *back of (o') beyond* на австралийском материале (из книги R. Bolderwood "Robbery under Arms"): *these far-out back-of-beyond places...* . Здесь же говорится о том, что это словосочетание шотландского происхождения. Словарь не дает указаний ни относительно употребительности словосочетания, ни его стилистической направленности, ни о его месте в словарном составе английского языка в Австралии. Это объясняется, во-первых, крайне редкой встречаемостью словосочетания, во-вторых, тем, что это сочетание является в настоящее время либо устаревшим (так же, как и синонимичное ему *back of Bourke*), либо имеет тенденцию к тому, чтобы стать устаревшим. В пользу последнего предположения говорят факты. В художественной и публицистической литературе, изданной в прошлом веке (например, в периодическом издании *Bulletin* 90-х годов XIX века), сочетание *back of beyond*, заимствованное, очевидно, из центральных и северных диалектов Англии, встречается еще довольно часто. Отмечается употребление сочетания и в произведениях, посвященных историческому прошлому страны. Однако это сочетание очень редко упо-

требляется в художественной и публицистической литературе, издаваемой в настоящее время. Так, например, в трех романах: "Big Red" by L. Haylen (1965), "Sydney and the Bush" by E. Wallace (1966), "Remarkable Australians" by F. Folkard и двух сборниках рассказов (двадцать два автора) на 962 страницах текста слово bush (и его производные) встречается 153 раза, outback — 4 раза, Never-Never — 2 раза, несколько раз встречается back-country, по одному разу Woop-Woop и overland и ни разу back-of-beyond (или back of Bourke). Тем не менее утверждать, что back-of-beyond стало архаизмом или историзмом, по видимому, еще рано.

К исследуемой лексико-семантической группе принадлежит также Never-Never. Однако это словосочетание также редко употребляется в AuE, особенно в книжной письменной речи. Подобное мнение, в частности, высказывается в Австралийской энциклопедии [24, с. 203] и в трудах известного австроловеда У. Рэмсона [49, с. 71].

Следует, однако, оговориться, что в устной речи той части жителей внутренних районов страны, которые придерживаются Cultivated Australian, указанная группа слов, особенно back-o'-beyond и Never-Never, употребляется чаще.

Back-of-beyond, back of Bourke (back country), Never-Never употребляется только в одном основном значении «глухое, отдаленное место во внутренней части страны» (иногда осложненным значением малонаселенности).

Отсутствие словообразовательных рядов и ограниченное употребление этих лексических единиц позволяют предположить, что они занимают периферийное положение в той лексико-семантической группе слов, которая объединена предметно-логическим понятием «внутренняя часть страны». Являясь словами яркой стилистической окраски, существуя с другими, менее окрашенными и нейтральными единицами (bush, outback) и функционируя в сравнительно узкой сфере (главным образом, в просторечии), они являются, таким образом, стилистическими дублетами последних.

Рассмотренная группа слов, пополнившая словарь английского языка в Австралии, образована, в общем, тремя обычными путями:

а) с помощью инноваций (главным образом, на базе уже имевшихся лексических и словообразовательных средств: outback, backblocks, Never-Never, если не считать единичных случаев, типа Woop-Woop);

б) путем заимствования иноязычных слов, элементов не-литературного просторечья, территориальных диалектов (bush из голландского bosch; back of beyond из диалектов центральной и северной Англии; Centralia из просторечья);

в) путем семантических изменений уже существующих слов (bush, inland).

В структурном отношении рассмотренные лексические единицы можно разделить на две группы: простые, составные (сложные).

Следует отметить продуктивность предложных конструкций (с предлогом of), с помощью которых образована значительная часть упоминавшихся лексических единиц, соотносимых с понятием «внутренняя часть страны» (set-o'-sun, death-o'-day, back-o'-sunset, back-o'-outback, West-o'-Sunset, the Land of Lot и -o'-Time и т.д.) и с предлогами behind и beyond (behind outback, right behind death-o'-day, beyond outback, beyond the beyond, beyond set-o'-sun и др.). У. Рэмсон полагает, что моделью для подобных образований послужило британское диалектное составное наименование back of beyond.

Рассмотренная детально ЛСГ («внутренняя часть страны») естественно не является исключением в AuE. В пределах сфер максимальной концентрации различительных элементов AuE, о которых речь шла выше (а, возможно, и вне их), можно выделить и другие ЛСГ, заведомо отличающиеся от своих коррелятов в BE и служащие иллюстрацией лексико-семантической дифференциации AuE — BE и подтверждающие наличие не только инвентарных, но и структурных расхождений между сопоставляемыми вариантами.

* * *

Лексико-семантические расхождения AuE в сопоставлении с британским вариантом прослеживаются при системном рассмотрении и других ЛСГ, входящих в рассмотренные выше сферы максимальной концентрации локально-маркированных элементов. Достаточно показательна в этом отношении ЛСГ, соотносимая с понятием «сельскохозяйственная (овцеводческая, скотоводческая) ферма», с опорным словом station.

Общеанглийская единица station *n* претерпела в AuE серьезные изменения и в плане содержания и в плане выражения.

В начале колонизации страны слово station означало отдаленный гарнизон (outpost), в котором на тяжелых ра-

ботах использовались заключенные. К середине XIX века с развитием животноводства (овцеводства) лексема *station* стала обозначать не любой *outpost*, а лишь тот, на территории которого заключенные под наблюдением управляющих (надзирателей) занимались разведением овец, крупного рогатого скота. С отменой «транспортировки» преступников и созданием свободных поселений в Австралии вновь появившиеся скотоводческие фермы унаследовали название *stations*.

В изданной в 1902 году в России (в переводе с немецкого) «Всемирной географии» В. Сиверса и В. Кюкенталя говорилось, что «австралийские скваттеры живут в разбросанных поселениях, так называемых «станциях» или «ренах» (*guns*). Примерно с этого времени лексема *station* обрела то основное значение, которое приводится в современных словарях австрализмов, а именно, «скотоводческая ферма с земельным участком, обычно больших размеров, и всеми постройками, основными и вспомогательными помещениями на нем, движимым и недвижимым имуществом».

В синонимическом ряду со *station* находится также *property n*. В отличие от *station* лексема *property* вначале означала небольшое поместье-ферму. В настоящее время *rproperty* может означать ферму любых размеров. Лексема менее употребительна, чем *station*, хотя достаточно хорошо известна жителям сельской местности.

Синонимом *property* является *out-station n* (производное от *station*). Для обозначения участка, на котором находится ферма, в AuE довольно длительное время использовалось (и используется сейчас) слово *gun n*. Одновременно, благодаря метонимическому переносу, сама ферма также стала называться *gun* (см. выше определение В. Сиверса).

Наконец, в последнее время, в официально-деловом стиле речи начинает использоваться общеанглийская единица *farm n* (обычно с определением: *a sheep farm, a cattle farm* и т.п.).

Таким образом, общему понятию «ферма» в AuE соответствует лексико-семантическая группа *station, property, gun, farm*. Опорным, стилистически нейтральным и широкоупотребительным словом этой ЛСГ является *station*.

Несколько примеров, взятых из современной австралийской литературы и прессы:

After the medical session the "School of Air" teacher calls together his class, of Outback youngsters who take part in lessons by two-way radio from isolated **cattle stations** up

to 350 miles, further into the Outback. (Из рекламной брошюры "Australia Welcomes You")

But one of the strengths of Australian agriculture has always been the immense average of the **holdings**, and particularly the grazing **properties**... ("The Australian")

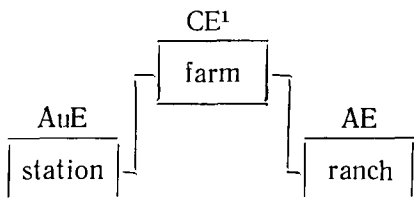
"I know that he's sold his **run**" she said. [52, с. 50]

On a working **farm** you can see expert shearers clipping the sheep, stock mustering, sheep dogs at work, wool classing and whatever happens to be going on. ("Australia Welcomes You")

Лексема *station* (в австралийских значениях) является основой целой серии лексико-терминологических сочетаний: *back station* — удаленная часть фермы; *out-station* — небольшая, отдельно стоящая ферма, часть фермы; *out sheep (cattle) station* — отдельно стоящая овцеводческая (скотоводческая) ферма; *head station* — центральная усадьба; *station-hand (station hand)* — работник на ферме; *station house* — главное помещение фермы (ср. *station house* в АЕ — здание полицейского участка); *station home* — то же, что *head station*; *station jack* — традиционное фермерское угощение (обычно мясной пудинг); *station black(s)* — абориген, использующийся на подсобных работах на ферме; абориген(ы), обитающий(ие) поблизости от фермы; *station super* (усеченная форма от *station superintendent* — *историзм*) — управляющий фермы.

Подобно *bush*, *station* относится к разряду полифункциональных лексем, ее материальная (неизменяемая) форма используется в частности для реализации категориальных значений двух частей речи: существительного и прилагательного (см. примеры выше).

Station — типичный австрализм, т.е. локально-маркированная лексическая единица, коррелирующая с соответствующими лексемами общеанглийского словаря и других вариантов современного английского языка. Указанное соотношение очевидно из следующей схемы:



¹ CE — Common English

Station — интересный пример глубокой семантической деривации в АиЕ одного из значений многозначной лексемы (а именно: значения, связанного с понятием «сельскохозяйственная ферма») при сохранении остального смыслового объема слова, других (общанглийских) значений.

Сохранилось, в частности, значение station как «районный (местный) полицейский участок», что видно из следующего примера, взятого из австралийской газеты *The Australian*:

A. Baba, 27, of Botany, NSW, was charged at Sydney's Central Police Station.

Между тем слово station в сознании австралийца настолько прочно ассоциируется с понятием фермы, что остается открытым вопрос о том, являются ли вышеуказанные значения station лексико-семантическими вариантами или более правильно говорить о разрыве смысловой связи между ними и образовании омонимов.

Системный характер семантических связей указанной группы слов очевиден при противопоставлении членов ЛСГ друг другу, а также членам других лексических парадигм. Например, слово station противопоставлено слову property по размерам хозяйства и значимости, слово holding по соотношению значений «частное» — «общее» слову out-station по соотношению «общее» — «частное» и т.п. В свою очередь property, holding и другие члены ЛСГ одновременно являются членами других лексических парадигм (ср. property, owning, estate и т.д.).

В то же время в синонимическом ряду station, property, gun, holding, farm прослеживается и стилистическое размежевание членов ЛСГ, особенно заметное при корреляции station и farm. Если для англичанина, попавшего в Австралию, farm воспринимается как нейтральное слово, основная лексема для выражения значения «сельскохозяйственная ферма», а station воспринимается как его разговорный (или даже просторечный) аналог, отражающий «местный колорит», для австралийца более или менее справедливо обратное соотношение.

Члены ЛСГ station и gun различаются не только по степени употребительности (первое слово встречается чаще, чем второе, в речи горожан, в официально-деловом стиле речи и относительно часто в разговорно-обиходной речи, в частности, в речи сельских жителей), но и в стилистическом плане (gun как синоним station употребляется в отчетливо метонимически-переносном значении). Хотя gun используется иногда наряду со station (даже в письменной

речи в аналогичных синтагматических построениях — *cattle station — cattle gun; station super — gun super* и т.п.), некоторые австраловеды считают лексему *gun* относительно устаревшей, переходящей в разряд архаизмов.

Одной из особенностей AuE на лексико-семантическом уровне, вытекающей из рассмотрения ЛСГ с опорным словом *station*, является функционирование лексических дублетов. В этом смысле интересно внедрение в литературную речь австралийцев в последние годы общеанглийской единицы *farm*, используемой в качестве синонима более установившейся в AuE единицы *station*.

Функционирование в литературной речи значительного числа дублетных форм типа *station/farm, theatre/cinema, kookaburra/jackass, pavement/footpath/nature strip* и др. свидетельствует, в частности, об известной неустойчивости литературной нормы AuE, о том, что норма AuE находится в процессе формирования.

* * *

Системность группировки австрализмов на лексико-семантическом уровне проявляется также и в области спортивной терминологии. Характерным примером, в этом отношении, является полифункциональная лексема *surf*, послужившая основой интенсивного терминообразования в AuE.

По данным Оксфордского словаря *surf* *n* употребляется, в основном, в двух значениях: 1) прибойная волна, прибой, разбивающийся о рифы, или волна, накатывающаяся на берег (образующая пену), 2) пена, брызги, образующиеся во время прибоя; *surf* *v* — купаться в море «на волнах», во время шторма.

По данным Австралийской энциклопедии подобное значение глагола *surf* сохранялось в AuE до 1905 года, когда в обиходный, а затем и в литературный язык *surf* *v* вошел уже в качестве синонима общеанглийского глагола *swim*. Некоторое время *surf* и *swim* существовали, будучи идеографическими синонимами. В настоящее время глагол *surf* фактически вытеснил из употребления дублетную форму *swim*, «обогатившись» значениями, присущими последнему. Поэтому считается нормой, когда австралийцы говорят, например, *we surfed* вместо *we swam* или *bathed*. При этом не обязательно подразумевается, что купание происходило в штормовую погоду, «на волне» и т.п. (хотя подобный подтекст не исключен); можно искупаться при полном штиле и ярком солнце и сказать: *I surfed*.

С купанием в океане в Австралии связан национальный вид спорта — плавание на досках. Так появился термин *surf-riding*¹ (когда спортсмен «плышет», стоя на специальной доске на гребне волны, несущейся к берегу со скоростью до 30 км. в час). С появлением этого термина терминологическая матрица, соотносимая с этим видом спорта, стала быстро заполняться, приведя в движение другие «смежные» лексемы, и образуя значительное семантико-терминологическое поле. Результаты этого процесса (который, естественно, продолжается) можно суммировать схематически в сопоставлении с *Common English* следующим образом:

	AuE	CE
купание (в океане)	surfing, body surfing	swimming, bathing (at an ocean beach)
плавание на досках	(surf) board riding, board surfing	surf riding
океанский пляж прибой, прибойная волна	surf beach active surf, good surf	ocean beach breakers, surf
спасательная шлюпка	surf boat	life-saving boat
станция спасения на водах, штаб-квартира добровольного общества спасателей	surf club	life-saving club
соревнования спасательных шлюпок	surf race(ing)	surf race(ing) (при обозначении австралийской реалии)
«марафон» спасательных шлюпок	surf marathon	surf marathon (при обозначении австралийской реалии)
дежурная смена спасателей	surf patrol	life savers
праздничное шествие спасателей	surf carnival	life savers' carnival

Вокруг некоторых понятий, связанных с лексемой *surf*, образуются «смежные» терминологические поля. Например, с понятием *surf club* связаны следующие лексемы: *surf-lifesaver* — спасатель, *beltman* — спасатель, бросающийся к утопающему (он привязан фалом к спасательной лодке); *surf-reel* — лебедка (с фалом к спасателю); *reelman* — спасатель, управляющий этой лебедкой; *surf-line* спасательный конец, фал; *surf-flag* — спасательный (сигнальный) буй; *shark tower* спасательная вышка (для наблюдения за появлением акул и объявления тревоги); *shark bell (shark siren)* — колокол или сирена для объявления сигнала «акульей» тревоги; *speedo* — специальный (облегчающий) плавательный костюм спасателей; *shark mesh* — противоакулья сеть; *shark patrol plane* — противоакульий самолет и т.д.

В числе лексем, образованных вокруг понятия *surf board*, можно отметить следующие: *beacher* — волна, на гребне которой пловец на доске мчится к берегу; (to) *catch a wave* — поймать «подходящую» волну; *dumper* — волна, неожиданно «рассыпающаяся» на значительном расстоянии от берега; *hump* — «подходящая волна»; *pigboard* — доска в виде вытянутого треугольника (синоним *teardrop*); *surfie* (синонимы *beachie*, *sandie*) — искусный пловец на досках.

Основу рассмотренных выше терминов составляют расчлененные аналитические наименования типа *surf-board riding*, *body-surfing*, играющие, как известно, ведущую роль в современном терминообразовании. Наряду с ними используются лексемы, созданные путем аффиксации (деривации) на базе общеанглийских нетерминологических единиц, например, *dumper* (см. выше) от глагола (to) *dump* — сбрасывать, разгружать, сыпать.

Показателем «вписанности» вновь появившихся терминов в определенную терминологическую систему (в данном случае соотносимую с понятием плавания на досках) является их тяготение к уже созданным структурным шаблонам, образцам. Например, термин *surfie n* — искусный пловец — создан по модели *N+ie (N+y)* по аналогии *beachie*, *sandie* и др.

Поскольку, однако, одним из признаков диминутива является его эмоциональность, подчеркивающая отношение говорящего к явлениям или предметам, термин *surfie* несколько «выбивается» из нейтральной лексики, составляющей основу рассмотренной парадигмы.

Явно разговорным аналогом термина *teardrop* является

лексема *pigboard*. В свою очередь, *teardrop* — пример семантического стяжения аналитического расчленения термина *teardrop board*.

Не все рассмотренные выше термины являются чистыми австрализмами. Некоторые из них известны и употребляются в других вариантах английского языка (например, *surf-board riding* — в США), другая часть, отражающая австралийские реалии, не является австрализмами, т. к. в других вариантах для выражения покрываемых ими значений не существует других лексем (например, *shark tower*). Однако глагол *(to)body surf* и его производные *active surf*, *surf boat*, *surf club* и др. — типичные австрализмы, поддержанные литературным узусом AuE, «вписавшиеся» в лексико-семантическую систему и отличающиеся от своих общеанглийских (британских, американских) коррелятов.

* * *

Рассмотренные выше особенности лексики AuE станут еще более понятными при ознакомлении с результатами исследований AuE, проводимых в Австралии.

Несколько лет назад группа лингвистов Сиднейского университета провела анализ использования «австралийского элемента» в лексике современного литературного английского языка в Австралии. Материалом исследования послужили несколько сот периодических изданий (газет и журналов), издаваемых в Сиднее [40, с. 52-63].

Данные эксперимента симптоматичны. Они свидетельствуют о противоборстве различных тенденций развития современного английского языка в Австралии. С одной стороны, как и прежде, продолжается довольно интенсивный процесс насыщения речи просторечными и полуарго-тическими элементами (наряду с профессионализмами, диалектизмами и т.п.). Этот процесс развивается на благодатной почве «австралийского патриотизма» (*the bush language*). Однако он не стихийен, как в предшествующую эпоху. Ему противостоит все более сильное регулирующее влияние литературной нормы AuE, престиж которой поддерживается средствами массовой информации, соответствующим изменением языковой политики в системе народного образования, изданием кодифицирующей литературы, исследовательской деятельностью ученых. Вместе с тем, как показал эксперимент, границы норм AuE достаточно подвижны. Наряду с такими натурализовавшимися ав-

стрализмами, как backblocks, bullocky, bushwalking (если взять для примера слова, начинающиеся с буквы В) — глухомань, погонщик бычьей упряжки, путешествие по внутренней части страны и словосочетаниями типа Buckley's chance — миллионный шанс, пресса использует общеанглийские сленгизмы типа back up, bellyache, bloke, bloody, butt in и др., также относя их в «австралийскому элементу».

Внимательный анализ употребляемых прессой слов и выражений показывает также, что авторы статей допускают произвол, объявляя австрализмами окказиональные выражения типа buffalo navigator (буквально «штурман бычьей упряжки»), вульгаризмы типа to act like a fly in a strange lavatory, терминологические «сиюминутные инновации» типа hoosh — вдохновлять или oozle — воровать, growly — отличный или moonlighter¹ — тот, кто крадет скот (обычно по ночам).

Нельзя не согласиться с руководителем эксперимента проф. Ганном, что «подобные австрализмы улетучиваются так же легко, как и входят в нашу речь».

Эксперимент подтвердил вместе с тем стабильность «австралийского элемента» в речи образованных австралийцев: значительная часть австрализмов вошла в употребление уже давно и выдержала испытание временем.

Любопытна социальная характеристика носителей австрализмов приведенного типа: исследование подтвердило, что ими, как правило, являются люди более старшего возраста (старше 25 лет), хотя в свое время данный «австралийский элемент» был привнесен именно молодыми.

Речи молодежи, как известно, присущи некоторые специфические черты (более частая, особенно у юношей, деформация орфоэпической и грамматической нормы литературного языка, приверженность к модным «словечкам» и т.д.). Присущая молодежи организованность в более или менее замкнутые коллективы («по интересам») также предопределяет специфику их речи. Сказанное можно проиллюстрировать на рассмотренной выше лексике, относящейся к плаванию на досках (surfing) — виду спорта в Австралии, весьма популярному у молодежи. Наряду с литературными неологизмами типа cushion, flat, flex, hip, twin fin, pigtail (название различных типов плавательных

¹ Интересно, что moonlighting в АЕ означает выполнение «левой работы» («халтуры»), соотв. moonlighter и халтурщик.

досок); bowl, break, curl, dead spot, gobbly, lip, pump, stack up, steaming, track line (характеристика волн) здесь встречаются слова и выражения, типичные для просторечья и сленга, например, clubbie (от club — дубинка), а surf-lifesaver (член добровольной спасательной дружины),

Благодаря средствам массовой информации «молодежный жаргон» (термин Дж. Ганна) получает известное распространение, значительная часть подобных слов и выражений становится достоянием не только молодежи, некоторые слова закрепляются на уровне литературной нормы

Рассмотренные выше примеры интересны с точки зрения вовлечения в литературное употребление просторечной, жаргонной лексики и сленга. Элементы проторечья и сленга постоянно проникают в литературную речь австралийцев, становясь неотъемлемой (хотя и периферийной) частью языка. По некоторым данным [34, с. 17] этот процесс в АиЕ более интенсивен, чем в ВЕ.

Использование в литературной речи нелитературных элементов вызывается социальными причинами: актуализацией того или иного понятия или явления в жизни общества, расширением круга носителей, литературного языка за счет представителей крестьянства и рабочих, в речи которых многие, до сих пор не принимавшиеся литературной нормой слова, употребляются как стилистически «не отмеченные» и т.д. Актуализация того или иного понятия означает возрастание частотности употребления соответствующих слов или оборотов речи, а это, в свою очередь, ведет к поискам синонимических экспрессивных замен, которые не всегда находятся в пределах литературного словаря.

**ГРАММАТИЧЕСКИЕ И ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В АВСТРАЛИИ**

Выше уже говорилось о том, что расхождения AuE и BE наиболее рельефны на фонетико-фонологическом и лексико-семантическом уровне языка. Различия в области грамматики касаются, главным образом, частных (носят не конститутивный, а вариантный характер, проявляются в различной частотности употребления тех или иных грамматических форм, в наличии дублетных форм и т.д.). При этом австраловеды (в частности, Дж. Тэрнер [52], Р. Уолш [40] и др.) весьма осторожны в оценке тех или иных грамматических особенностей AuE, склонны видеть в них скорее тенденции развития грамматических норм AuE.

С другой стороны, и литературный узус и кодификация указанных грамматических явлений в Австралии служат достаточно веским побудительным мотивом для описания (хотя бы схематического) имеющихся расхождений.

Условно их можно разделить на:

расхождения в системе именных форм, связанных с категорией числа,

расхождения в частотности употребления отдельных грамматических форм (единиц),

расхождения в употреблении *shall* и *will*, *should* и *would* и некоторые другие.

Расхождения в системе именных форм носят единичный характер и касаются категории числа некоторых имен существительных.

Как и в американском варианте, слово *data* (ед. ч. *datum*) в литературной речи австралийцев согласуется с глаголом-сказуемым или в единственном или во множественном числе:

The data is ready for processing¹.

The data don't all point in the same direction.

По мнению Р. Уолша, эта лексема в форме ед. числа полностью выпала из употребления в устной речи и лишь эпизодически употребляется в письменной (официальной)

¹ Все примеры, кроме оговоренных особо, заимствованы из книги "Good Australian English" [40].

речи (ср., по аналогии, элиминацию формы ед. числа у существительного agenda).

В отличие от data существительное media обычно употребляется с глаголом-сказуемым во множественном числе.

Значительная доля расхождений касается различной частотности употребления отдельных морфолого-грамматических форм (единиц), например, предлогов и предложных наречий.

Как и в американском варианте, around и round (в значениях «во всех направлениях», «в одном направлении», «приблизительно») в AuE употребляются как синонимы. В последнее время к ним примыкает и about:

The cars raced **around/round** the block.

The sheep were lying **around/about** the paddock.

We'll arrive **around/about** midnight.

He is sitting **around/about** waisting time.

По наблюдениям австраловедов, в разговорной форме AuE (a)round и about часто употребляются вместе, образуя разговорное клише.

We'll arrive (a)round about midnight.

Хотя среди дублетных форм while/whilst (а также among/amongst) последние, по данным составителей нормативных грамматик английского языка, относятся к числу архаичных, редко употребляемых, литературный узус в Австралии свидетельствует о другом: в письменной литературной форме whilst (amongst) употребляется почти так же часто, как while (among), в особенности в позиции перед словом, начинающимся с гласной:

Amongst other things, it has taught us what people want in a cruise. ("The Sun", July 15th, 1976)

Whilst ignoring her remarks, I couldn't but admire her offer.

Как известно, предлоги on и upon синонимичны по значению. В AuE в частотности их употребления имеется существенная разница. Согласно данным исследования устной речи австралийцев, проведенным под руководством профессора Ф. Шонелла, предлог on входит в число 85 наиболее часто употребляемых слов (в речи рабочих), в то время как upon не попадает в 1000 слов (по частотности), хотя в письменной речи частотность upon несколько возрастает.

Интересная тенденция наблюдается в употреблении конструкций It is me / It is I.

В 1964 году американский лингвист Р. Флеш, как бы подводя итоги многолетним дискуссиям языковедов отно-

сительно предпочтительности употребления той или иной конструкции, отмечал, что спор разрешен в пользу «разговорного» варианта *It's me*. Однако уже в 1969 году по данным словаря *American Heritage Dictionary* 78% носителей английского языка использовало в письменной форме *It is I* (хотя в то же время около 60% использовало конструкцию *It's me* на всех уровнях устной формы речи). Аналогичные исследования относительно употребительности дублетных конструкций *it was us who/it was we who* проводились в 1970 году в Англии. Выводы были аналогичны тем, к которым пришли американские ученые. Видимо, в силу определенного давления на АuЕ со стороны «заокеанских» вариантов ВЕ и АЕ, в австралийском варианте нормативно закреплен «избирательный подход» *it is him/he, it is them/they, it is us/we*.

Намечаются расхождения в парадигме глагола *to be* в конструкции *am I not*. Тенденция к упрощению языка, как языковая универсалия, диктовала появление в разговорной речи усеченной конструкции (типа *isn't, aren't*) и такая конструкция, как известно, существует в просторечии — *ain't*. В то время как в АЕ и ВЕ подобная конструкция рассматривается как «социальный индикатор» (недостаточного уровня образования, низкого социального положения тех, кто ее употребляет), в АuЕ картина несколько иная. Наблюдения показывают, что *ain't I* используется в наддиалектных формах речи и, эпизодически, в сниженной разговорной (литературной) речи. В литературной речи принятой формой является *aren't I*. И хотя данная форма нарушает каноны согласования (сказуемое во множественном числе, подлежащее — в единственном числе), литературный узус поддерживает ее.

Особо следует отметить случаи расхождения в частотности употребления дублетных форм типа *disinterested/uninterested, different to/from, flammable/inflammable, farther/further* (применительно к расстоянию) и др.

Формы *disinterested/uninterested, farther/further* (применительно к расстоянию) в АuЕ обрели статус дублетов и свободно варьируются. *Flammable/inflammable*, синонимичные по значению, в АuЕ имеют различную частотность употребления: *flammable* используется гораздо чаще, чем *inflammable*. Любопытно, что своей частотности употребления безаффиксная форма обязана языковой политике властей (ее использование было кодифицировано в результате серии несчастных случаев, связанных с прово-

зом в самолетах легковоспламеняющихся (inflammable) веществ иммигрантами-неаигличанами, которые полагали, что inflammable по аналогии с informal, incomplete, означает «невозгораемый»).

Обе конструкции different to и different from употребляются в AuE, первая чаще, чем вторая (в отличие от BE). В устной речи обе формы иногда заменяются американизмом different than, например: I don't feel any different than I did before.

Как известно, в современном английском языке в отношении географического наименования стран предпочтительным является употребление местоимений it (its), а не she (her). Австралийцы, как правило, используют she (her), имея в виду Великобританию, в отношении США и европейских стран употребление she (her) чередуется с it (its), в отношении наименований стран Азии и Африки почти во всех случаях используется it (its).

Наиболее значительным (структурным) расхождением является наблюдаемое в австралийском варианте употребление will в качестве универсального вспомогательного глагола будущего времени (в том числе и в первом лице, когда согласно британским нормам следует употреблять shall). Соответственно употребляется would вместо should.

"I wouldn't be so sure of that," Susan replied. (AHW)

"What for would I do that, Susie?" George demanded. (AWH)

"We will help you gain your degree, or diploma in Mechanical Engineering." ("The Sun")

Это не означает, что shall не употребляется в AuE. Форма shall по-прежнему употребляется в вопросительной форме (в первом лице) — Shall we go? и в тех случаях, когда shall выражает побуждение к действию — You shall do it!

В этом отношении интересные данные приводятся в исследовании устной речи (литературно-разговорный узус) рабочих штата Куинсленд, проведенном группой ученых Бризбенского университета.

Данные эксперимента свидетельствуют о низкой употребительности shall (should) в различных видо-временных формах в AuE по сравнению с will (would). Из полумиллиона рассмотренных в ходе эксперимента слов (анализировалась неподготовленная речь на заданную тематику) shall (во всех видо-временных формах) встречалось 1858

раз: из них форма shall — 5 раз; shall в усеченных конструкциях типа I'll — 392; should — 351; shouldn't — 38; should've — 2; shouldn't've — 1.

В то же время will (во всех видо-временных формах) встречалось 5943 раза: из них форма would — 748; would — в усеченных конструкциях типа I'd — 1081.

Пояснения информантов свидетельствуют о том, что в подавляющем большинстве случаев, позволяющих употреблять shall или will, употребляется will; в усеченных конструкциях типа I'll, I'd австралийцы почти всегда подразумевают I will, I would. Аналогичная картина с should и would. Would является широко употребительной формой, а в усеченных конструкциях типа I'd единственно возможной в литературно-разговорном узусе AuE. Should используется только в значении долженствования, в усеченных конструкциях типа I'd подразумевается would.

В последнее время, в работах Г. С. Шура, Н. А. Колосковой и др. советских лингвистов обосновано наличие структурных расхождений AuE — BE на грамматико-синтаксическом уровне, проявляющихся в различном использовании сослагательного I в указанных вариантах.

Из полученных данных видно, что сослагательное I в AuE претерпело значительные изменения, в результате которых изменилось не только соотношение синтетических (типа I advised that he go) и аналитических форм (типа I advised that he should go), но и синтаксическая сфера употребления данной формы. Это обусловлено рядом факторов, как лингвистических, так и социолингвистических. Решающим фактором при этом, очевидно, явилась функциональная нагрузка сослагательного I, а именно — широкое использование его в двучленных структурах, состоящих из модального индикатора и придаточного предложения (дополнительного, подлежащего, определительного и предикативного). В отличие от BE, где сослагательное I является элементом периферии, вытесненным в некоторых функциях индикативом (а иногда let, may + инфинитив), в AE эта форма употребляется значительно чаще и лишена архаической окраски, за исключением тех случаев, когда она используется в ряде придаточных обстоятельственных предложений (времени, условия, уступки), где ее правомерно рассматривать как устаревшую и ограниченную поэтическим жанром, научным и официально-документальными стилями. Несмотря на определенный рост частотности употребления синтетических форм сослагательного I в AuE,

в целом их частотность почти на 20% ниже, чем в АЕ, но значительно выше, чем в ВЕ.

Подводя итоги сказанному, следует отметить, что в целом расхождения AuE и ВЕ на грамматико-синтаксическом уровне не носят категориального характера, подтверждая единство грамматической системы современного английского языка.

«Промежуточное» положение AuE (между ВЕ и АЕ) находит свое отражение в орфографии: некоторая часть слов под влиянием АЕ имеет американское написание, другая — локально-маркированное (австралийское), в то время как подавляющая часть лексических единиц AuE подчиняется классическим орфографическим нормам. (Из 10.000 трудных для написания слов только 301 слово пишется по-разному в AuE и ВЕ, из них: 73 одно-два l — (traveler — traveller); 41 на -our — -or (labour — labor); 22 на ea — a (anaemia — anemia); 20 на -er — re (theatre — theater) и т.д.).

Значительная группа слов, имеющих различное написание в ВЕ и АЕ, составляют существительные, главным образом латинского и французского происхождения на -our (colour, honour, valour). В AuE они сохраняют традиционное написание: armour, flavour, valour, на котором настаивают школьные учебники по правописанию. Общепринятым исключением является написание Labor в названии лейбористской партии: The Australian Labor Party, The Democratic Labor Party, The Queensland Labor Party (ср. the Labour Party в Великобритании). Вместе с тем, в прессе, рекламных изданиях и брошюрах все чаще встречается упрощенное написание на -or: humor, color, labor.

В случаях, когда отмечаются колебания в написании глагольного суффикса -ise(-ize), австралийцы предпочитают -ise: finalise, unrecognise, naturalisation.

«Законодатель орфографии» в Австралии “CGP¹ Style Manual” при этом требует, чтобы слова prize, size и apprise (to appraise) при написании имели -ise. На практике, однако, чаще встречается американское написание через -ize (кодифицированное в штате Новый Южный Уэльс).

У двух слов на -ment норма AuE требует опущения «непроизносимого e», как и в АЕ (в отличие от ВЕ): acknowledgment, judgment, в то время как в остальных сло-

¹ CGP — Commonwealth Government Printing (Office)

вах этого типа норма требует сохранения “e” (abridgement-lodgement).

Среди слов латинского происхождения типа deflexion исключением в правописании в АиЕ является слово conpection (как в АЕ), остальные сохранили написание на -xion.

Обращает на себя внимание написание такого слова, как Aboriginal. Британские и американские источники требуют написания aboriginal со строчной буквы. В качестве нормативной формы мн. числа они используют aborigenes, а не Aboriginals.

В неофициальной переписке вместо all right часто встречается alright (по аналогии с already и altogether).

Несколько отличается в АиЕ написание цифр и дат. Если цифры встречаются в тексте, то от 1 до 99 они пишутся словами (ninety two), свыше 99 — цифрами. Из двух групп цифр подряд одна пишется словами, другая — цифрами: four 200-acre blocks. Числа также пишутся словами, если они стоят в начале предложения. Если даются примерные числа, они обычно пишутся словами around a thousand, about ten million. Для обозначения денежных сумм, времени, веса, размеров, крутизны ската, температуры и, иногда, возраста человека используются цифры: a man aged 90.

Если дата дается в полном варианте, то следует написание 11 April 1969 (без знаков препинания), если в сокращенном, то могут быть различные варианты написания: on the 25 April, on the 25th of April.

Таким образом, австралийскую орфографию, в целом, отличает тенденция к некоторому упрощению орфографии, хотя, в основном, написание слов соответствует нормам, закрепленным в Оксфордском словаре.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В предшествующих главах и разделах предпринята попытка систематизированного рассмотрения некоторых сторон и аспектов языкового образования, известного в англистике и вообще в лингвистической литературе под названием *Australian English*. В связи с этим напрашиваются следующие выводы:

1. Рассмотрение вопросов, связанных с «трансплантацией» английского языка в Австралию в конце XVIII века, возникновением и становлением *Australian English* подтверждает мнение той группы ученых австраловедов, которые трактуют становление AuE как естественное развитие языка на основе множества региональных диалектов, завезенных из Великобритании, под знаком тесных связей с метрополией и контролирующего влияния *Standard British English*.

Анализ взаимодействия экстралингвистических и собственно лингвистических факторов в рассматриваемый исторический период, исследование некоторых тенденций развития AuE показывают, что в своем возникновении и развитии AuE прошел путь, в известной мере аналогичный другим ответвлениям английского литературного языка, в частности, *American English*.

Вместе с тем, в развитии AuE с самого начала проявляются тенденции, присущие данному конкретному языковому образованию. Одной из них была тенденция к «перемешиванию», нивелировке, «выравниванию» диалектных особенностей английского языка в новых условиях.

Результатом действия указанной тенденции явилось накопление элементов субстанции и структуры *General Australian*, а затем и *Cultivated Australian*.

Существенным результатом действия указанной тенденции (и, конечно, соответствующих социальных условий, способствовавших ее развитию) явилась также своеобразная унификация английского языка в Австралии на всей территории страны и исключение с самого начала локализации диалектов, завезенных из Великобритании. В этом отношении, вплоть до настоящего времени, языковая обстановка в Австралии является уникальной, не имеющей аналогии ни в одной из англоговорящих стран мира.

Историческое описание AuE свидетельствует о том, что рассматриваемый период сыграл важнейшую роль в фор-

мировании AuE в области лексики. Приведенные примеры свидетельствуют о весьма интенсивном процессе накопления различительных, локально-маркированных (австралийских) элементов как литературного так и нелитературного словаря.

2. Анализ фонетических особенностей AuE с достаточной определенностью устанавливает наличие трех основных сложившихся типов произношения: *Cultivated Australian*, *General Australian* и *Broad Australian*, характеризующихся соответствующим фонемным инвентарем и отличающихся от британского стандартного произношения (RP).

Наибольшие расхождения AuE — RP сосредоточены в области вокализма. Наиболее существенной особенностью ряда гласных AuE является их более закрытый и продвинутый, вперед характер, в связи с чем представляется целесообразной иная (по сравнению с RP) классификация гласных AuE. Подобное рассмотрение указанных вопросов подтверждает мнение проф. А. Митчелла и других австралийских лингвистов о том, что в данном случае «... речь идет не об отдельных единичных различиях в фонемном инвентаре, а о различиях системного порядка» [47, с. 37].

3. Существенно дополняет общую картину современного состояния AuE и его отличия от BE анализ лексико-семантических особенностей AuE, осуществленный в данном случае, в виде попытки системного рассмотрения типичной группы лексических единиц AuE.

4. Вопреки утверждениям некоторых лингвистов (в том числе С. Бейкера, специально занимавшегося изучением словарного состава AuE) о весьма значительном удельном весе «австрализмов» в рамках AuE превышающем, по словам С. Бейкера, соответствующие цифры «американизмов» в AE, об «исключительных способностях» австралийцев в области словотворчества и т.п., роль «австрализмов» в AuE, в особенности в сфере книжно-письменной речи, не столь значительна. Не соответствуют действительности и противоположные представления о словаре AuE как состоящем лишь из отдельных или единичных австралийских «вкраплений» в общем ядре.

Обладая, в общем, относительно незначительным удельным весом в масштабе лексико-семантической системы AuE, в особенности в сфере книжно-письменной речи, локально-маркированные различительные элементы тяготеют к группировке в так называемые сферы максимальной концентрации, и в этом случае их употребительность (и, соответ-

венно, их роль как составной части литературного словаря AuE) значительно выше.

Важно отметить, что различительные элементы в AuE (в том числе и на уровне литературной нормы) образуют не только точки в структуре языка. Группируясь, эти элементы образуют определенные «поля» взаимосвязанных языковых факторов, «задевающих» систему языка (парадигматические, синтагматические и др. отношения слов).

5. Ряд данных указывает на то, что литературная норма AuE находится в процессе формирования. В ряде случаев австралийские нормированные лексические единицы сосуществуют с британскими коррелятами, и различие касается лишь их частотности (употребительности).

6. Некоторые данные свидетельствуют об усилении влияния на AuE со стороны American English. Этот процесс заметно интенсифицировался в годы II мировой войны и в послевоенный период (в связи с общим возрастанием сотрудничества обеих стран, а также в результате научно-технической революции, развития скоростных средств транспорта, связи и пр.).

7. Расхождения AuE — BE определенно выходят за рамки тех различий, которые принято считать «диалектными». Australian English является национальным вариантом современного английского литературного языка, аналогичным British English и American English.

ГЛОССАРИЙ

Условные сокращения

абориг. — заимствование из аборигенных языков
воскл. — восклицание
ист. — историзм
перен. — переносное значение
прост. — просторечие

разг. — разговорное слово
редк. — редко встречающееся слово
син. — синоним
шутл. — шутливо

А

Aboriginal *n, a* коренной житель Австралии, абориген; аборигенный (слово пишется с заглавной буквы)

Albany doctor (doctor) свежий ветер (в Перте); *син.* Fremantle doctor

also run *прост.* ни к чему не пригодный человек

anabranch *n* рукав реки

Apple Island о. Тасмания

art union вещевая лотерея

artichoke *n прост.* старая сварливая женщина

artist *n разг.* человек, предающийся излишествам; *bilge* ~ краснойбай; болтун; *booze* ~ алкоголь

Aussie *n, a разг.* австралиец; австралийский; *~land* *n разг.* Австралия

В

backblocks *n, a* внутренняя часть страны; бывалый

Bananaland *n разг.* Куинсленд

bandicoot *n* бандикут (сумчатая крыса); **poor (miserable) as a ~** беден (несчастен), как бандикут; **lousy as a ~** омерзитель, как бандикут; **to be fleeing like a ~ before a bushfire** паниковать, как бандикут, перед лесным пожаром; **bandicoot** *vt* ворошить (картофель)

banker *n* река в период половодья; **to run a ~** течь ровнею с берегами

barraconda *n* название рыбы

beacher *n* прибойная волна, на гребне которой пловец на доске мчится к берегу

beefwood *n* «мясное дерево» (народное название одной из пород эвкалипта, распространенного в Западной Австралии)

beltman *n* спасатель (член экипажа спасательной лодки)

billabong *n абориг.* старица реки

billy *n* котелок, «жестянка», в которой кипятят чай (и варят еду) жители «буша»; *син.* **billy-can, billy-pot, quart pot**

Blackfellow *n прост* абориген
Black Stump обычно в устойчивых сочетаниях **near (beyond, the other side of the ~)** отдаленное место («куда Макары телят не гонял»)

blacktracker *n* абориген, использовавшийся полицией для поимки преступника, скрывающегося в лесу

blackwood *n* эвкалипт с древесной чернотой цвета

bludge *vi* жить, устраиваться за счет других; **bludger** *n* тот, кто устраивает свои дела за счет других

bluey *n разг.* узелок с пожитками, завернутыми в одеяло (раньше синего цвета); *син.* **swag**

blunt *n ист.* деньги; *син.* **brad**

bodger *n* сленг стилияга; чепуха, бросовый товар
bombora *n* скалистый риф; **roaring like** ~ ревуший, как океанская волна в рифах
boomerang *n* бумеранг; **it's a ~ чур**, с отдачей!
bora *n* **aborig.** боура (церемония «инициации» у аборигенов)
Botany Bay dozen *ист.* наказание (25 ударов плетью)
bottlebrush *n* растение, цветок которого напоминает «ершик»
boundary rider объездчик, следящий за исправностью изгородей
bowyang *n* шнурок или тесьма для подвязки брюк (у стригалей)
brickfielder *n* свежий ветер (в Сиднее)
broilga *n* **aborig.** бролга (название одного из видов журавлей; (*перен.* попутчик-абориген)
bronzewing *n* голубь с оперением, имеющим бронзовый отлив
brumby *n* дикая (необъезженная) лошадь; **a mob of ~ ies in the engine** (о двигателе машины, ревушем, как стадо диких лошадей); **to be small and wiry as a ~** (о человеке небольшого роста, но крепкого и выносливого)
Buckley's chance миллионный шанс; **two chances, mine and Buckley's** никаких шансов
budgereee *a* хороший
buffalo navigator *шутл.* погонщик бычьей упряжки
bullocky *n* погонщик бычьей упряжки
bunya bunya *n* **aborig.** бунья-бунья (название дерева, семена которого аборигены употребляют в пищу)
bunyip *n* мифическое коварное животное (из легенд аборигенов)
bush *n, a* внутренняя часть страны, «буш»; относящийся к «бушу»; *син.* **outback,**

never-never, back of beyond, woop-woop и др.; ~ **are** *n* разнорабочий в сельской местности; ~ **baptist** человек сомнительной религиозной принадлежности; ~ **carpenter** неумелый, местный работник (плотник); ~ **dweller** *n* представитель фауны «буша», *перен.* житель «буша»; ~ **fire** *n* лесной (степной) пожар; **full of ~ fire** энергичный; ~ **fire blond** рыжеволосая девушка; ~ **hospitality** радушие по-австралийски; ~ **hut** сооружение из подручного материала; ~ **lawyer** человек, якобы разбирающийся в законах; ~ **man** *n* житель «буша» («бушмен»); ~ **man's clock** кукабарра; **Hyde Park ~ man** горожанин, не имеющий понятия о «буше»; **Piccadilly ~ men** австралийцы, предпочитающие жить в Вест-Энде Лондона; **cold and dark as a ~ man's grave** холодный и скрытный (о неприятном человеке); ~ **mateship** настоящая дружба; ~ **mile** миля «с гаком»; ~ **ranger** *n* бушрейнджер, разбойник; *ист.* беглый каторжник; **Sydney or the ~** если город, то Сидней (все остальное провинция); ~ **telegraph** неподтвержденные слухи, распространение таких слухов; ~ **track** лесная дорога; ~ **week** *n* неопределенный срок; **bush vt: to get ~ed** заблудиться, потерять ориентировку; **to ~ up a person** сконфузить, поставить в неловкое положение.

С

cat *n:* **whip the ~** «махать кулаками после драки»; стегать (мертвого) кота
cattle duffer скотокрад
Cazaly Казали (известный в прошлом мельбурнский фут-

- болист); **up there**, ~! возглас болельщиков в пользу своих игроков
- Chess Board City** *шутл.* город-«шахматная доска» (Мельбурн)
- chop** *n* соревнование лесорубов (кто быстрее срубит вертикальное бревно)
- chum** (old) *n* разг. коренной белый австралиец (в отличие от **new chum** иммигрант)
- clay-pan** *n* промина, яма
- clear skin** неклеяменный скот; *син.* **clean skin**
- clubbie** *n* разг. член добровольной спасательной дружины; *син.* **surf life-saver**
- Coat Hanger City** *шутл.* Сидней (город-«вешалка для пальто»; намек на знаменитый сиднейский мост, напоминающий по форме вешалку)
- cobber** *n* *прост.* друг, приятель; *син.* **mate**
- cockatoo** *n* мелкий фермер; *син.* *прост.* **cocky**; **scrub cocky** фермер, живущий в лесу; **fruit cocky** фермер-садовод
- combo** *n* разг. муж (белый) в смешанном браке (жена-aborигенка)
- Commonwealth** *n* для австралийца — название страны (Австралия) в отличие от British Commonwealth
- concertina** *n* разг. часть туши барана («бараний бок»)
- cooee** (coo-ee) [kúí] *n* *aborиг.* призывный клич в лесу (*ср.* «ау!»); **within** ~ в пределах слышимости, близко
- cook** *vt* разг. убивать, отправлять на тот свет
- coolaman** *n* *aborиг.* куламон (деревянный сосуд для хранения семян или воды)
- coolibah** (coolabah) *n* *aborиг.* название одного из видов эвкалипта
- cop this!** взгляните! как вам это нравится!
- Corner (the)** *n* район на стыке северо-восточной части Юж-
- ной Австралии и Куинсленда, *син.* ~ **country**
- Cornstalk** *n* *уст.* австралиец
- corroboree** *n* *aborиг.* коробори (шумный праздник с ритуальными танцами у аборигенов); *перен.* шум, шумиха; ~ **water** *прост.* дешевое вино
- cow** *n* разг. что-либо неприятное (a cow of a day); неприятный человек (a roog cow); **fair** ~ трудная ситуация
- craker** *n* *прост.* кнут, бич, издающий при ударе сильный хлопок; **сленг** банкнота в 1 фунт стерлингов
- creek** *n* ручей, речка, река, водный поток
- crib** *n* *уст.* разг. легкая закуска перед обедом, чтобы «заморить червячка»
- crocodile** *n* способ оказания помощи утопающему
- crook** *a* большой; ~ **to go** ~ **at somebody** рассердиться на кого-либо
- croppy** *n* *уст.* заключенный
- cross** *n* *уст.* «выгодное дельце»
- croweater** *n* **сленг** житель штата Южная Австралия
- curl** *n* наименование прибойной волны, наиболее подходящей для катания на досках
- currency** *n* *прост.* *уст.* первое поколение австралийцев; ~ **lad** *уст.* парень, сын австралийцев первого поколения; ~ **lass** девушка
- cushion** *n* «подушка» (название одного из видов плавательных досок); другие виды: flat, flex, hip, twin, fin, pigtail

D

- dab** *n* *уст.* кровать, постель
- Dad and Dave** разг. персонажи радио (теле)передач, олицетворяющие грубоватый «солёный» юмор «буша»
- dampier** *n* пресная лепешка, испеченная в золе; *син.* *прост.* **devil-on-the-coals**

darg *n* дневная выработка (у шахтеров)
Darling shower пыльная буря в центральных районах Австралии; *син.* **Cobar shower**, **Wilcannia shower**, **Bedourie shower**
deadbeat *n прост.* неудачник, банкрот
Dead Heart (the) Центральная Австралия: *перен.* «глубинка»
death adder *разг.* ядовитая змея
demon *n шутил.* полицейский на мотоцикле
digger *n разг.* австралийский солдат, австралиец; *производные:* diggerman, diggeress, diggerdom, diggerism, dinkum digger
dickin! *прост. воскл.* Будьте благоразумны! Прекратите!
didgeridoo (didgeridu) *n абориг.* «музыкальная труба» (основной музыкальный инструмент у аборигенов)
digger *n прост. ист.* золотоискатель; австралийский солдат; австралиец
dilly *n абориг.* дилли (хозяйственная сумка из травы или скрученной шерсти); *син.* dilly-bag
dingo *n* динго (австралийское животное, единственный хищник из породы млекопитающих в Австралии); *перен.* обманщик, прощельга;
dinkum *a* настоящий, истинный; ~ Aussie настоящий австралиец (ср. an all-American guy или an all-American girl); ~ oil *разг.* правдивая информация, информация «из первых рук»; **dinkum** *n* что-то настоящее; **fair** ~, **square** ~ отлично! прекрасно!
down: to put ~ upon smb презирать кого-либо, относиться отрицательно
Down Under *n, a разг.* Австралия; австралийский
drag *n* двуколка

drongo *n прост.* некомпетентный, глупый человек; дурак
drum (the) *n* скатка, узелок; истинные факты, полезные советы
Dry (the) *n* засушливый период в Северной Австралии; *перен.* зима
ducks (Sydney) *n pl ист.* искатели приключений
dummy *n разг.* подставное лицо; перекупщик земельных участков; ~sm *n.* покупка земли через подставных лиц
dumper *n* волна, неожиданно «рассыпающаяся» на значительном расстоянии от берега

Е

eilasha *n сленг* девушка, молодая женщина
emansipist *n ист.* «эмансипист» (колонист, отбывший наказание и оставшийся на постоянное местожительство в Австралии)
emigrants *n ист.* поселенцы, ставшие свободными
Enzed *n разг.* Новая Зеландия; **Enzedder** *n* новозеландец
exclusionist *n ист.* представители колониальной администрации, выступавшие против предоставления гражданских прав и свобод «эмансипистам»
exprise *n ист.* заключенный, отбывший срок наказания

F

fair go! *воскл.* Будьте благоразумным! (fair go, mate)
fall *vt* сваливать дерево; *син.* **BE fell**
family (the) *n прост.* шайка воров: **cattle-thief family (the)** шайка, «специализирующаяся» на воровстве скота
fence *n* «рамки приличия», **over**

the ~ вести себя неприлично, нечестно
finalise *vt* завершать (что-либо)
First Fleeter *n* *ист.* колонист, прибывший в Австралию на корабле 1-го флота (т.е. в 1788 году)
flat *n* *ист.* честный человек
fossick *vi* рыться, копать (в чем-либо)
freezer *n* *разг.* овца, предназначенная для экспорта
furphy *n* слухи, «утка»; ~ **king** распространитель слухов

G

galah *n* попугай с ярким оперением; *перен.* глупый человек
gibber ['(ɪ)bə] **plain** *n* каменистая пустыня
gilgai *n* *абориг.* озеро или пруд
gin *n* *абориг.* аборигенка; *син.* black ~
grazer *n* фермер-овцевод (крупный)
groper *n* житель Западной Австралии; *син.* sand ~; *разг.* Западная Австралия; *син.* Westralia
growly *a* *разг.* отличный, превосходный
gully *n* выемка любых размеров (от высохшего русла ручья до гигантского каньона)
gum (gum tree) *n* принятое в Австралии название эвкалиптов; **blue** ~ эвкалипт с корой и стволом голубоватого оттенка; **flooded** ~ «болотный эвкалипт»; **sugar** ~ эвкалипт, листья которого содержат определенный процент сахара; **to be up a gumtree** находиться в затруднительном положении; ~ **sucker** *n* *разг.* житель штата Виктория
gunyah *n* *абориг.* гунья (дом, хижина); *син.* mia mia, wurley

H

hatter *n* *разг.* фермер-«отшельник»
holding *n* поместье, ферма, угодье; *син.* property, pastoral property
Holy City *шутл.* Аделаида
home *n* *разг.* Англия
home unit квартира во вновь отстроенном доме для продажи любому лицу
hump *n* «подходящая» волна (для пловца на доске)

I

iceberg *n* человек, купающийся круглый год («морж»)
inland *n* район, находящийся в центральной части страны; *син.* Centre(the)
ironback *n* эвкалипт с твердой древесиной

J

Jackeroo (Jacky Raw) *n* молодой неопытный управляющий фермы
jarrah *n* *абориг.* ярра (название одного из видов эвкалиптов, увековеченное в названии реки в Мельбурне)
jillaroo *n* «простушка», деревенская девушка
joeу *n* кенгуренок; вообще молодое животное; *перен.* что-либо незначительное
jumbuck *n* *абориг.* джамбак (*абориг. пиджин-инглиш* овца)

K

kangaroo *n* кенгуру; ~ **droop** *разг.* походка или поза женщины, напоминающие кенгуру; *син.* ~ **hop**; ~ **Dog** австралийская гончая (научный термин Bush Greyhound); **to be happy as a boxing** ~ **in fogtime** быть нечестным; **to have ~s in one's top paddock** о человеке, у которого «не все

дома» (ср. BE to have rats in the attic); to kangaroo a car вести машину рывками
knockabout *n* человек, живущий на случайный заработок
koala [кэ'Алэ] *n* сумчатый «медведь» (эндемичное австралийское животное, олицетворяющее Австралию, наряду с кенгурой)

L

lady's waste пивная кружка (около 5 унций, т.е. 150 грамм)

larrikin *n* хулиган; *син.* bodgie; larrikinism *n* хулиганство

laughing jackass *n* гигантский зимородок, крик которого напоминает смех; *син.* kookaburra

lay-by *n* система продажи (покупки) вещей, при которой последние «бронированы» за покупателями до полного их выкупа

leangle (liangle) *n* абориг. лиангл (предмет вооружения аборигенов: дубинка, ударная часть которой выгнута под определенным углом)

leatherneck *n* разг. подсобный рабочий на ферме (ср. уличный зевака в АЕ)

lubra *n* абориг. лубра (молодая женщина или девушка-аборигенка)

lyrebird *n* птица-лира (эндемичная птица, традиционно олицетворяющая Австралию); *перен.* лгун, лгунишка (bit of a lyrebird)

M

Ma State *прост.* штат Новый Южный Уэльс

mainlander *n* житель Австралии (для жителей штата Тасмания)

Malee *n* редк. куст, кустарник; район, покрытый кустарником; *син.* ~land, ~area

malee *n* мэли (карликовый эвкалипт); ~country район распространения мэли; *перен.* кустарник

mate *n* разг. приятель, друг, коллега; ~ship *n* дружба; rep~ товарищ по работе (у стригалей); no-mater *n* плохой товарищ, нелюдимый человек

mia mia *n* абориг. хижина, укрытие, навес

middy *n* пивная кружка (около 0,3 л.)

milk bar *ист.* молочный бар; в настоящее время: бар, закусочная; ~economy диспропорциональное развитие экономики (гипертрофия сырьевой и обрабатывающей индустрии)

mob *n* разг. стадо, куча (предметов), группа и т.п.

moonlighter *n* скотокрад

moonlighting *n* кража скота

mulga *n* абориг. мулга (название одного из распространенных видов эвкалиптов); ~wire ложные слухи

myall *n* абориг. майял (наименование одного из видов акаций); *перен.* дикий, нецивилизованный

N

nailrod *n* крепкая махорка, которую курят пастухи «буша»

Ned Kelly Нед Келли (легендарный «бушрейнджер» прошлого века; game as ~ храбрый, дерзкий, как Нед Келли)

Never-Never *n* внутренняя часть страны, «глубинка»

nobble *v* разг. красть

nong *n* разг. дурак, простак; *син.* drongo, dill, galah

nugget *n* *прост.* теленок, ягненок; *перен.* небольшой, но прочно и солидно построенный дом

nulla nulla *n* *абориг.* нулла-нулла (дубинка)

О

old country (the) *разг.* Англия

oozle *v* *разг.* воровать

outback *n, a, adv* провинция; провинциальный; расположенный в провинции

outbacker *n* житель внутренней части страны

outquatter *n* крупный фермер

overland *v* перегонять скот (на большие расстояния)

overlander *n* перегонщик скота по скотопергонным маршрутам

Р

raddock *n* участок пашни, поля; загон для скота; *син.* **field**

pannikin boss *разг.* номинальный управляющий фермы

pastoral *a* сельскохозяйственный; ~ **industry** сельскохозяйственное производство; ~ **production** продукция сельскохозяйственного производства

pastoralist *n* крупный фермер-скотовод (в отличие от земледельца — *agriculturist*); *ист. син.* **squatter**

piccaninny *a* молодой, маленький; ~ **daylight** начинающийся рассвет

pigboard *n* доска для серфинга в виде вытянутого треугольника; *син.* **teardrop**

platypus *n* утконос (эндемичное австралийское животное, традиционно олицетворяющее Австралию)

potmy *a* *разг.* английский, относящийся к Англии; **potwog** *разг.* иммигрант из Англии

premier *n* премьер-министр штата (в отличие от *prime minister* — премьер-министр федерального правительства)

push *n* *разг.* банда, клика, социальная группа

Q

quart-pot tea чай, приготовленный на открытом воздухе (в котелке)

R

rabbit a player «подковать» игрока

raspberry-jam wood дерево, издающее при распилке запах малинового варенья

read *vi ut* знать, представлять себе; **you wouldn't ~ about it (I haven't ~ about it)** просто удивительно; не знаю; не имею понятия об этом

reefman *n* спасатель (член экипажа спасательной лодки, управляющий спасательной лебедкой)

removalist *n* владелец конторы по перевозке крупногабаритных вещей

retread *n* *разг.* учитель, отозванный в школу из отпуска

right; to be right (вместо **to be all right**) все в порядке

righto! *воскл.* все в порядке, хорошо, ладно! (*ср.* О.К. в АЕ)

ringer *n* лучший стригаль на ферме, мастер своего дела

ropeable *a* крайне обозленный, расвирепешший

rosewood *n* эвкалипт с древесной розоватого оттенка

rouseabout *n* поденщик, черно-рабочий (в особенности, в период стрижки овец)

run *n* пастбище; часть фермы; ферма; **back ~** часть фермы, хутор; **cattle ~** скотоводческая ферма; *син.* **stock ~**;

sheep ~ овцеводческая ферма

run-about *n pl* оставленный без присмотра скот

S

saltbush *n* неприхотливое растение, идущее на корм скоту

- (в обезвоженных районах страны)
- sandy blight** заболевание глаз, при котором развивается ощущение, что в глаза попал песок
- scaler** *n* безбилетный пассажир, «заяц»
- “**School of the Air**” «радиошкола» (общеобразовательная радиосеть, обслуживающая отдельные фермы, оснащенные коротковолновыми радиостанциями)
- schooner** *n* пивная кружка (0,5 л в Сиднее, 0,25 л в Аделаиде)
- scrap** *n* разг. пища
- scrub** *n* куст; кустарник, лес («скраб»); ~ **bashing** расчистка «скраба» под угоды; ~ **dashing** вынужденные поездки через «скраб»; ~ **itch** кожное заболевание, вызываемое некоторыми видами кустов; ~ **-rider** *n* объездчик-пастух, разыскивающий коров, отбившихся от стада
- scrubber** *n* скот, пасущийся в районах, покрытых кустарником; *син.* **scrub cattle**
- shanghai** *n, vi* рогатка (*ср.* ВЕ, АЕ **slingshot**); стрелять из рогатки
- shark**: ~ **baiter** *n* «акуля приманка» (человек, заплывающий за противоакулю за граждения, купающийся на необорудованных пляжах); ~ **bell (siren)** колокол (или сирена) для объявления «акульей» тревоги; ~ **mesh** противоакуля сеть; ~ **patrol plane** «противоакулий» самолет; ~ **tower** *n* спасательная вышка (для наблюдения за появлением акул и объявления тревоги)
- sheila** *n* девушка, возлюбленная
- she-oak net** предохранительная сетка (под трапами пассажирского судна); *сленг морск.* пиво
- shiralee** *n* узелок с пожитками; *син.* **swag**
- shivoo** *n* вечеринка, веселое времяпрепровождение
- sixtymiler** *n* разг. «шестидесятимильник» (небольшой грузовой теплоход)
- skerrick** *n* небольшое количество чего-либо (**there isn't a skerrick of anything left** не осталось ни грамма)
- smoodge** *v* приударять за хорошенькой девушкой
- smoodger** *n* ухажер, волокита
- snags (snaggles)** *n pl* разг. сосиски
- soak** *n* низкое, болотистое место
- southerly buster** свежий ветер (в Южной Австралии)
- speedo** *n* специальный (облегачий) плавательный костюм спасателей
- spell** *n* передышка, отдых; *син.* **spell-oh**
- spieler** *n* шулер
- spuds** *n pl* разг. картофель
- square** *n* единица метража квадраты (примерно равная 6 м²)
- squatter** *n* скваттер, фермер-скотовод; *син.* **pastoralist, grazier**; производные: **squatocratic, squattocracy, squatterdom, squatting**
- squib** *n* трус, паникер
- station** *n* скотоводческая ферма; **back** ~ удаленная часть фермы; **head** ~ центральная усадьба; *син.* ~ **home**; **out** ~ небольшая, отдельно стоящая ферма; часть фермы; ~ **black** абориген, использующийся на подсобных работах на ферме или обитающий поблизости от фермы; ~ **-house** главное помещение фермы; ~ **jack** традиционное фермерское угощение (обычно мясной пудинг); ~ **super** (усеченная форма от **station superintendent**) управляющий фермы
- stock** *n, a* скот; скотоводческий; ~ **farm** *n* скотоводческая ферма; *син.* **stockrun, stockstation**; ~ **holder** крупный фермер-скотовод; *син.* **pastoralist** (*ср.* ВЕ, АЕ дер-

жатель акций); ~ horse *n* лошадь, натренированная в загоне скота; ~ house *n* ферма; ~ hut *n* скотный двор; коровник; ~ run *n* ферма (скотоводческая); *син.* stockfarm, stockstation); ~ keep *v* разводить скот, заниматься скотоводством; ~ keeper *n* скотовод, *син.* stockholder; ~ man *n* фермер-скотовод, пастух; ~ rider *n* объездчик скота, пастух; ~ route *n* скотоперегонный маршрут; ~ yard *n* скотный двор (для крупного рогатого скота, в отличие от sheepyard для овец); ~ whip *n* кнут, бич

strife: to be in ~ попасть в затруднительное положение

sundowner *n* сезонный рабочий

superintendent *n* *ист.* управляющий фермы из числа бывших офицеров-надзирателей тюрьмы

surf *n, v, a* купание в океане; купаться; относящийся к купанию, океанский; ~ beach океанский пляж; ~ boat специальная лодка для спасения утопающих; ~ carnival праздничное шествие спасателей; ~ club станция спасения на водах; ~ -flag *n* спасательный буй; ~ -line *n* спасательный конец, фал; ~ lifesaver спасатель; ~ marathon «марафон» спасательных лодок; ~ patrol дежурная смена спасателей; ~ race(ing) соревнование спасательных лодок; ~ reel лебедка с фалом; board- ~ ing *n* плавание на досках (в отличие от купания); *син.* surf-board riding; ~ ing купание в океане (в отличие от плавания на досках)

surfie *n* искусный пловец на досках

swag *n* узелок, скатка из одежды; *син. прост.* waltzing matilda или matilda; swag *vi* вести бродячий образ

жизни, бродяжничать; ~ ging *n* бродяжничество; ~ ger *n* бродяга, человек с котомкой за плечами, *син.* swaggy, swagman, swagsman

Swan City(the) *шутл. г.* Перт («город черных лебедей», по названию реки, протекающей через город)

sweeper *n* работник на ферме, стригаль; *син.* broomie

T

T. A. B. (Totalisator Agency Board) наименование популярной фирмы тотализатора, имеющей свои конторы в четырех штатах страны;

togs *n* купальный костюм (иногда swimming togs)

township *n* населенный пункт любых размеров, кроме крупных городов

trap *n* *ист.* полицейский

tuck in аппетитно (жадно) есть что-либо

tucker *n* *разг.* еда, пища; ~ bag сундучок, коробка с едой; ~ time время приема пищи

W

waddy *n* дубинка

walkabout *n* путешествие пешком

wallaby *n* лесной кенгуру; on the ~ (track) (вести) кочевой образ жизни, бродяжничать

warrigal *n* *aborig.* динго; *перен.* дикий, необузданный

waterhole *n* яма, заполненная водой после дождя, служащая для водопоя (в пустыне)

wattle *n* принятое в Австралии название акации; ~ -and-dab hut «мазанка», сооружаемая из частокола бревен, перевитых ветками акации, обмазанная глиной; Wattle Day День цветения акации (1 августа); to bring ~ bloom накликают беду

wayback *n* внутренняя часть

страны; *син.* bush, outback, backblocks, back-of-beyond, inland и др.
weekender *n* «дачный домик», коттедж, предназначенный для проведения «уик-енда» (ср. АЕ тот, кто отдыхает в конце недели)
wet (the) *n* период муссонных дождей в тропиках Австралии
widgie *n* подруга хулигана
willy-willy *n* разг. циклон «Уилли» (в северозападной Австралии)
whip: ~stick *разг.* «кнутовище» (любой карликовый эвкалипт); ~bird «хлопок бича» (народное название эндемичной птицы, пение которой напоминает хлопок бича); *син. ист.* coachman's ~bird
witchetty *n* *абориг.* уичетти (древесные черви, употребляемые в пищу, — традиционное угощение аборигенов; *син.* witchetty grub
woodpecker *n* сленг *ист.* япон-

ский пулемет калибра 19,5 мм
woolclip *n* годичный настриг шерсти
Woolloomooloo Yank сиднейский стилияга
woolshed *n* стригальня
woomera *n* праща; *син.* ВЕ throwing stick
Woop- Woop *n* неведомая земля
wowser *n* нудный человек, отравляющий настроение окружающим; *ср. син.* АЕ, ВЕ kill-joy
wurley *n* жилище аборигена; *син.* gunyah

У

yabber *vi* *разг.* говорить, болтать, «перекинуться словом»
yakka *n* *абориг.* тяжелая работа
yarrah *n* один из распространенных видов эвкалипта
Yarrah bankers мельбурнские стилияги
yowi *воскл. абориг.* да!

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
2. Беляева Т. М., Потапова И. А. Английский язык за пределами Англии. Л., 1961.
3. Березин Ф. М. История лингвистических учений. М., 1975.
4. Брозович Д. Славянские стандартные языки и сравнительный метод. ВЯ, 1967, № 1.
5. Будагов Р. А. Литературные языки и языковые стили. М., 1967.
6. Виноградов В. В. Проблема литературных языков и закономерностей их образования и развития. М., 1967.
7. Домашнев А. П. О некоторых характеристиках понятий национального варианта литературного языка. Доклад на научной конференции АН МССР, 30-31 октября, 1972, Кишинев.
8. Клычков Г. С. Значение и полисемия слова. В кн.: Законы семантического развития в языке. М., 1961.
9. Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1975.
10. Краус И. К общим проблемам социолингвистики, ВЯ, 1974, № 4.
11. Кунин А. В. Английская фразеология (теоретический курс). М., 1970.
12. Медникова Э. М. Значение слова и методы его описания. М., 1974.
13. Почепцова Л. Д. Австралийские флористические названия. Киев, 1973.
14. Пражский лингвистический кружок. Сборник статей. Составление, редакция и предисловие Кондрашова Н. А. Сб. ПЛК, М., 1967.
15. Русский язык и советское общество. В кн.: Лексика современного русского литературного языка. Под ред. Панова М. В. М., 1968.
16. Смирницкий А. П. Лексикология английского языка. М., 1956.
17. Степанов Г. В. Испанский язык Америки в системе единого испанского языка. Автореф. докт. дисс. М., 1966.
18. Уфимцева А. А. Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968.
19. Швейцер А. Д. Очерк английского языка в США. М., 1967.
20. Швейцер А. Д. Литературный английский язык в США и Англии. М., 1967.
21. Adams C. A Survey of Australian English Intonation. 1969.
22. Aboriginal Words of Australian. Sydney, 1965.
23. Australian Broadcasting Commission. Standing Committee on Spoken English. A Guide to the Pronunciation of Australian Place Names. Sydney, 1957.
24. The Australian Encyclopedia in Ten Volumes. Sydney, 1963.
25. Baker S. Australian Pronunciation. Sydney, 1947.
26. Baker S. Australia Speaks. Sydney, 1953.
27. Baker S. The Australian Language. 2nd ed. Sydney, 1966.
28. Barnard M. A History of Australia. Sydney, 1962.
29. Brook G. A History of the English Language. London, 1958.
30. Brook G. English Dialects. London, 1963.
31. Collins Contemporary Dictionary of the English Language. Australian and New Zealand Edition. London, 1965.

32. CGP Style Manual: Style Manual for Authors and Printers of Australian Government Publications. Canberra, 1966, 1968.
33. Cockrane G. The Australian Vowels and Diasystem. Word, 1959 Vol. 15, No. 1.
34. Delbridge A. and Bernard I. Patterns in Language. Sydney, 1967
35. Dorsch T. Some Australians Take Stock. London, 1939.
36. Eagleson R. Australian English Under Investigation. 1966, IX.
37. Endacott S. Australian Aboriginal Words and Place Names and Their Meanings. Melbourne, 1965.
38. English Transported. Essays on Australian English. Ed. by W. S. Ramson. Canberra, 1970
39. Folkard F. The Remarkable Australians. Sydney, 1964.
40. Good Australian English and Good New Zealand English. Ed by G. W. Turner. Sydney, 1972.
41. Jones D. Pronunciation Dictionary. London, 1958.
42. Jones A. An Outline Word Phonology of Australian English. Sydney, 1966.
43. Lake J. A Dictionary of Australian Words. The Australasian Supplement to Webster's International Dictionary. Springfield, Mass. 1898.
44. Mitchell A. Spoken English. Ldn., N.Y., 1958.
45. Mitchell A. A Guide to the Pronunciation of Australian Place Names. Sydney, 1957.
46. Mitchell A. and Delbridge A. The Pronunciation of English in Australia. Sydney, 1965.
47. Mitchell A. and Delbridge A. The Speech of Australian Adolescents. Sydney, 1965.
48. Morris E. Austral English, A Dictionary of Australian Words Phrases and Usages. London, 1898.
49. Ramson W. Australian English. Canberra, 1966.
50. Schonell F. A Study of the Oral Vocabulary of Adults. Brisbane and London, 1956.
51. Sharwood J. The Vocabulary of Australian English. Modern Spraa (Sweden), 1963, Vol. 57, No. 1.
52. Turner G. The English Language in Australia and New Zealand London, 1966.
53. Vachek J. Some Geographical Varieties of Present-Day English Praha, 1960.

Герман Александрович Орлов

СОВРЕМЕННЫЙ АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В АВСТРАЛИИ

Редактор *И. С. Маненок*. Издательский редактор *И. А. Краснова*. Художественный редактор *Н. Е. Ильенко*. Технический редактор *Н. Н. Баранов*. Художник *Э. А. Марков*. Корректор *О. В. Ачкасова*

ИБ № 1193

Изд. № А—534. Сдано в набор 13.07.78. Подп. в печать 20.11.78. Форм. 84×108¹/₃₂. Бум. тип. № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Объ. 9,03 усл. печ. л. 9,19 уч.-изд. л. Тираж 9000 экз. Зак. № 552. Цена 35 коп.

Издательство «Высшая школа», Москва, К-51, Неглинная ул., д. 29/14.

Ордена Трудового Красного Знамени
Московская типография № 7 «Искра революции»
«Союзполиграфпрома» Государственного
Комитета СССР по делам издательства,
полиграфии и книжной торговли,
Москва 121019, пер. Аксакова, 13.